Д. КОНСТАНТИНОВ

Я СРАЖАЛСЯ В КРАСНОЙ АРМИИ

„НОВОЕ СЛОВО"

Д. В. КОНСТАНТИНОВ

Я сражался в красной армии

«НОВОЕ СЛОВО»

БУЭНОС АЙРЕС. 1952.

Yo combatí en el ejército rojo

El libro presente —"Yo combatí en el ejército rojo" — es una obra literaria de propaganda anticomunista. La obra ha sido publicada por el semanario anticomunista ruso "Nueva Palabra — " Novoie Slovo" (Interes General — Tarifa Reducida Nr. 4286).

Dicho libro ha sido publicado por el Editorial Kraft (Buenos Aires) en el idioma castellano, en el año 1950 (Año del Libertador General San Martín).

La presenta publicación en el idioma ruso es una traducción de la misma obra y se distribuye como propaganda.

"Nueva Palabra", Casilla de Correo 2585, Buenos Aires, Argentina.

Queda hecho el depósito que previene
la ley Nr. 11.723.

Impreso en la Argentina.
Printed in Argentina.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир, еще не успокоившийся от недавней военной бури, снова находится на пороге новой грозы. Это не мое личное мнение. Об этом пишут все газеты, об этом говорят в парламентах и сенатах, это предвидят ответственнейшие государственные деятели нашей эпохи.

И опять, как тридцать, двадцать и десять лет назад — в центре всеобщего внимания находится «великий сфинкс» нашего времени — красная армия Советской России...

Сколько бумаги и чернил потрачено на разгадку этого сфинкса! Сколько написано статей, брошюр и даже книг о военном потенциале советской армии, о ее численности, количестве танков, артиллерии, огнеметов и автоматов. Сколько сказано о м а т е р и а л ь н о й стороне этого, интересующего всех вопроса и как мало, или вернее — ничего не сказано о его м о р а л ь н о й стороне...

А между тем, в наши дни, когда на смену войнам религиозным и национальным пришли войны п о л и т и ч е с к и е, именно эта м о р а л ь н а я сторона в описании состояния той или иной армии играет первенствующую роль. И как жаль, что многие авторы, исследователи и издатели совершенно забывают об этой азбучной истине наших дней.

Книга Д. В. Константинова — «Я сражался в красной армии» говорит, именно, о д у ш е красной армии и, уже этим самым, своевременно восполняет тот огромный пробел, который в настоящее время существует в литературе, посвященной этому вопросу, и состоявшей до сих пор, главным образом, из скучных таблиц и не всегда убедительных арифметических выкладок.

Однако, это не единственное достоинство этой книги. Еще более важным фактором в несомненном успехе русского издания данной книги будет то обстоятельство, что автор выполняет свою задачу с максимумом наблюдательности и правдивости. С этим ему позволяет справиться то обстоягетльство, что он был мобилизован в красную армию из рядов научных работников. Таким образом, он одел серую военную шинель и на долгие 33 месяца стал в н е ш н е военным, но в н у т р е н н е

сохранил специфические качества ученого, позволявшие ему всесторонне наблюдать окружающее и фиксировать его с педантичностью научного работника. В результате — интереснейшая книга — документ. Страшный, но правдивый документ нашей кровавой эпохи.

Я в красной армии не служил и вообще не был советским гражданином. Наоборот, — в минувшую войну мне пришлось быть военным корреспондентом на восточном фронте от русской зарубежной газеты, выходившей в Берлине. В качестве такового я, на протяжении долгих лет войны, не раз проехал всю линию фронта от Ленинграда до Севастополя и встречался с сотнями и тысячами советских солдат, офицеров и генералов, оказавшихся в немецком плену. Я часами и даже днями беседовал с ними на темы, касающиеся красной армии. И я думал, что хорошо знаю эту армию.

Однако, когда я ознакомился с этой книгой, то мне стало ясно, как много неизвестного и непонятного было для меня в этом вопросе. И только теперь, прочитав ее, — я могу спокойно сказать: да, я знаю, что такое красная армия....

Это же смогут сказать о себе и все те, кто получит возможность прочесть эту книгу. А знать о красной армии — необходимо. Необходимо, ибо в грозных событиях грядущих дней ей придется сыграть огромную и, возможно, — решающую роль.

Николай Февр

ПРЕДИСЛОВИЕ К АРГЕНТИНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Несколько слов об этой книге....* Ее можно рассматривать как одну трагическую повесть, как серию необычного типа рассказов, быть может, как действительные записки офицера — фронтовика, прошедшего вторую мировую войну в красной (ныне советской) армии, как литературное произведение, написанное кровью, предсмертным потом, слезами детей, жен и матерей, как, наконец, книгу, описывающую ситуации, которые не сможет никогда придумать даже самая буйная фантазия авторов детективных романов.

Но, вероятно, найдутся «оригиналы», которые скажут, что написанное здесь все весьма «забавно» и об этом, пожалуй, стоит поговорить минут десять, сидя за бутылкою вина со своим приятелем. Найдутся искренно заблуждающиеся слепцы и сознательно действующие подлецы, которые скажут, что все написанное здесь ложь. Все это старо и знакомо

---

* Книга — «Я сражался в красной армии» впервые вышла в свет на испанском языке.

Dr. Dimitri Konstantinow, ''Yo combatí en el ejército rojo'', — Editorial Guillermo Kraft Limitada, Buenos Aires, 1950 (Año del Libertador General San Martín), pag. 230.

и мы были крайне удивлены, если бы этого не было.

Ответим на это просто. Начните читать эту книгу и, если вы не потеряли еще чувство реального, то вы почувствуете и поймете, что все написанное здесь чистая и страшная правда, правда, несущая на себе терновый венец, правда о которой стоит думать и говорить. Придумать, то, что написано здесь невозможно. Это надо пережить и видеть, а виденное, пережитое и рассказанное — ложью считать никак нельзя.

Но было бы глубокой ошибкой рассматривать эту книгу только как литературное произведение. Мир болен... Болен, тяжелой и мучительной болезнью. Многие люди, берущие на себя обязанности врачей, к сожалению, в этом случае, далеко не всегда могут с достаточной степенью приближения поставить правильный диагноз.

Когда появляется новое инфекционное заболевание, то врачи обыкновенно ищут не только медикаментов и опытных методов лечения для борьбы с ним, но и тщательно, в стенах лабораторий, отыскивают возбудителя болезни, старательно изучают все его свойства, условия зарождения, развития и гибели, силу и опасность его действия для жизни организма и, на основании всего этого, вырабатывают основные способы борьбы с ним.

Эта книга одновременно является и лабораторным исследованием некоторых свойств микроба, нарушающего нормальную жизнь всего мира. Автор ее, будучи по своей основной профессии научным работником, поставил одной из своих задач — исследовать в военной обстановке второй мировой войны некоторые свойства микробов, потрясающих сейчас весь мир.

Его лабораторией явились не стены каких либо военных учреждений, не удобные кабинеты тыловых городов, не ближние тылы и не штабы, а передовая линия восточного фронта. Ему удалось, тем или иным путем, установить свой микроскоп на бруствере обледеневшего окопа, в блиндажах передовых позиций, на артиллерийских наблюдательных пунктах, в красноармейской казарме, в землянке, в воинском эшелоне, там, где вскрывалась подлинная действительность во всей ее неприглядной наготе.

Выводы к которым привело автора это исследование, длившееся втечение 33 месяцев — страшны. Инфекция необычайной силы и быстроты, распространяющаяся по всему миру, может стать роковой для человечества, если оно, наконец, не услышит тех голосов, которые не только еще раз взывают к нему, но и знают то, о чем предупреждают весь мир.

Эта книга впервые появилась в свет на языке аргентинского народа. Его язык явился, как бы первым восприемником той жуткой правды, о которой в ней написано и которая еще пока не переведена на другие языки. Автор отмечает этот факт с особым удовлетворением, ибо, най-

дя себе приют и покой в свободолюбивой Аргентинской Республике, он счел своим долгом рассказать о том кровавом ужасе, который сейчас стал угрозой для всего человечества.

Книга была написана на русском языке. Благодаря деятельной помощи моих друзей, она была переведена на испанский язык, за что автор приносит им свою глубокую благодарность.

Д. К.

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

(отрывки из отзывов).

«Эта книга является одной из лучших и убедительнейших. На ее страницах дано совершенно логичное, правдивое и продуманное изложение событий, сочетаемое с картинами здорового реализма, свободными от натурализма, столь часто неуместного и, до избитости использовавшегося в других книгах. Большой интерес представляет анализ поражения советов и их последующие победы, а также соображения автора о том, как можно было использовать прошедшую войну для уничтожения советов.»

("La Razon", Nr. 15.076).

«Испытания, пройденные автором в армии, были самыми драматическими из тех, которые пережил какой либо из бойцов армии любой другой страны. Но значение книги заключается не в этом, а в том, что рассказывает нам автор относительно организации красной армии и коммунистического строя, господствующего на его родине».

("Vea y Lea" Nr. 102)

«В эти дни, полные неуверенности, когда мир на земном шаре находится под постоянной угрозой коммунистической агрессии, о которой пока имеется еще недостаточно сведений (кроме потенциальных возможностей советских вооруженных сил), интересно прочитать критическое мнение бывшего военнослужащего советской армии, о ее действиях в прошлую мировую войну.

Его переживания и реакции за 33 месяца, втечение которых он активно сражался на ленинградском, балтийском и украинском фронтах, являются темой этой интересной работы.

Пишущий на основании бесспорных источников, автор говорит о «желтой опасности» и высказывает мнение, — что в том случае, если советы и китайские коммунисты будут в достаточной степени вооружены и организованы, — демократические страны неизбежно увидят себя вынужденными вступить в третью мировую войну.

В книге говорится также о возможности восстания российского народа против кремлевской тирании. В связи с этим следует упомянуть о том замечательном обстоятельстве, что несколько дней тому назад, г-н Гоффман — руководитель плана Маршалла, высказал мнение, — что в СССР имеются предпосылки для восстания против власти».

("Buenos Aires Herald", Nr. 1956).

Д.В.Константинов Я сражался в Красной Армии

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мир, еще не успокоившийся от недавней военной бури, снова находится на пороге новой грозы. Это не мое личное мнение. Об этом пишут все газетах, об этом говорят в парламентах и сенатах, это предвидят ответственейшие государственные деятели нашей эпохи.

И опять, как тридцать, двадцать и десять лет назад — в центре всеобщего внимания находится «великий сфинкс» нашего времени — красная армия Советской России…

Сколько бумаги и чернил потрачено на разгадку этого сфинкса! Сколько написано статей, брошюр и даже книг о военном потенциале советской армии, о ее численности, количестве танков, артиллерии, огнеметов и автоматов. Сколько сказано о материальной стороне этого, интересующего всех вопроса и как мало, или вернее — ничего не сказано о его моральной стороне…

А между тем, в наши дни, когда на смену войнам религиозным и национальным пришли войны политические, именно эта моральная сторона в описании состояния той или иной армии играет первенствующую роль. И как жаль, что многие авторы, исследователи и издатели совершенно забывают об этой азбучной истине наших дней.

Книга Д. В. Константинова — «Я сражался в красной армии» говорит, именно, о душе красной армии и, уже этим самым, своевременно восполняет тот огромный пробел, который в настоящее время существует в литературе, посвященной этому вопросу, и состоявшей до сих пор, главным образом, из скучных таблиц и не всегда убедительных арифметических выкладок.

Однако, это не единственное достоинство этой книги. Еще более важным фактором в несомненном успехе русского издания данной книги будет то обстоятельство, что автор выполняет свою задачу с максимумом наблюдательности и правдивости. С этим ему позволяет справиться то обстоятельство, что он был мобилизован в красную армию из рядов научных работников. Таким образом, он одел серую военную шинель и на долгие 33 месяца стал в н е ш н е военным, но внутренне сохранил специфические качества ученого, позволявшие ему всесторонне наблюдать окружающее и фиксировать его с педантичностью научного работника. В результате — интереснейшая книга — документ. Страшный, но правдивый документ нашей кровавой эпохи.

Я в красной армии не служил и вообще не был советским гражданином. Наоборот, — в минувшую войну мне пришлось быть военным корреспондентом на восточном фронте от русской зарубежной газеты, выходившей в Берлине. В качестве такового я, на протяжении долгих лет войны, не раз проехал всю линию фронта от Ленинграда до Севастополя и встречался с сотнями и тысячами советских солдат, офицеров и генералов, оказавшихся в немецком плену. Я часами и даже днями беседовал с ними на темы, касающиеся красной армии. И я думал, что хорошо знаю эту армию.

Однако, когда я ознакомился с этой книгой, то мне стало ясно, как много неизвестного и непонятного было для меня в этом вопросе. И только теперь, прочитав ее, — я могу спокойно сказать: да, я знаю, что такое красная армия….

Это же смогут сказать о себе и все те, кто получит возможность прочесть эту книгу. А знать о красной армии — необходимо. Необходимо, ибо в грозных событиях грядущих дней ей придется сыграть огромную и, возможно, — решающую роль.

Николай Февр

ПРЕДИСЛОВИЕ К АРГЕНТИНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Несколько слов об этой книге…. (Книга — «Я сражался в красной армии» впервые вышла в свет на испанском языке.

Dr. Dimitri Konstantinow, "Yo com bati en el ejército rojo", — Editorial Guillermo Kraft Limitada, Buenos Aires, 1950 (Ano del Libertador Général San Martin), pag. 230.)

Ее можно рассматривать как одну трагическую повесть, как серию необычного типа рассказов, быть может, как действительные записки офицера — фронтовика, прошедшего вторую мировую войну в красной (ныне советской) армии, как литературное произведение, написанное кровью, предсмертным потом, слезами детей, жен и матерей, как, наконец, книгу, описывающую ситуации, которые не сможет никогда придумать даже самая буйная фантазия авторов детективных романов.

Но, вероятно, найдутся «оригиналы», которые скажут, что написанное здесь всё весьма «забавно» и об этом, пожалуй, стоит поговорить минут десять, сидя за бутылкою вина со своим приятелем. Найдутся искренно заблуждающиеся слепцы и сознательно действующие подлецы; которые скажут, что все написанное здесь ложь. Все это старо и знакомо и мы были крайне удивлены, если бы этого не было.

Ответим на это просто. Начните читать эту книгу и, если вы не потеряли еще чувство реального, то вы почувствуете и поймете, что все написанное здесь чистая и страшная правда, правда, несущая на себе терновый венец, правда о которой стоит думать и говорить. Придумать, то, что написано здесь невозможно. Это надо пережить и видеть, а виденное, пережитое и рассказанное — ложью считать никак нельзя.

Но было бы глубокой ошибкой рассматривать эту книгу только как литературное произведение. Мир болен… Болен, тяжелой и мучительной болезнью. Многие люди, берущие на себя обязанности врачей, к сожалению, в этом случае, далеко не всегда могут с достаточной степенью приближения поставить правильный диагноз.

Когда появляется новое инфекционное заболевание, то врачи обыкновенно ищут не только медикаментов и опытных методов лечения для борьбы с ним, но и тщательно, в стенах лабораторий, отыскивают возбудителя болезни, старательно изучают все его свойства, условия зарождения, развития и гибели, силу и опасность его действия для жизни организма и, на основании всего этого, вырабатывают основные способы борьбы с ним.

Эта книга одновременно является и лабораторным исследованием некоторых свойств микроба, нарушающего нормальную жизнь всего мира. Автор ее, будучи по своей основной профессии научным работником поставил одной из своих задач — исследовать в военной обстановке второй мировой войны некоторые свойства микробов, потрясающих сейчас весь мир.

Его лабораторией явились не стены каких либо военных учреждений, не удобные кабинеты тыловых городов, не ближние тылы и не штабы, а передовая линия восточного фронта. Ему удалось, тем или иным путем, установить свой микроскоп на бруствере обледеневшего окопа, в

блиндажах передовых позиций, на артиллерийских наблюдательных пунктах, в красноармейской казарме, в землянке, в воинском эшелоне, там, где вскрывалась подлинная действительность во всей ее неприглядной наготе.

Выводы к которым привело автора это исследование, длившееся в течение 33 месяцев — страшны. Инфекция необычайной силы и быстроты, распространяющаяся по всему миру, может стать роковой для человечества, если оно, наконец, не услышит тех голосов, которые не только еще раз взывают к нему, но и знают то, о чем предупреждают весь мир.

Эта книга впервые появилась в свет на языке аргентинского народа. Его язык явился, как бы первым восприемником той жуткой правды, о которой в ней написано и которая еще пока не переведена на другие языки. Автор отмечает этот факт с особым удовлетворением, ибо, найдя себе приют и покой в свободолюбивой Аргентинской Республике, он счел своим долгом рассказать о том кровавом ужасе, который сейчас стал угрозой для всего человечества.

Книга была написана на русском языке. Благодаря деятельной помощи моих друзей, она была переведена на испанский язык, за что автор приносит им свою глубокую благодарность.

Д. К.

ИНОСТРАННАЯ ПЕЧАТЬ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

(отрывки из отзывов).

«Эта книга является одной из лучших и убедительнейших. На ее страницах дано совершенно логичное, правдивое и продуманное изложение событий, сочетаемое с картинами здорового реализма, свободными от натурализма, столь часто неуместного и, до избитости использовавшегося в других книгах. Большой интерес представляет анализ поражения советов и их последующие победы, а также соображения автора о том, как можно было использовать прошедшую войну для уничтожения советов.»

("La Razon", Nr. 15.076).

«Испытания, пройденные автором в армии, были самыми драматическими из тех, которые пережил какой либо из бойцов армии любой другой страны. Но значение книги заключается не в этом, а в том, что рассказывает нам автор относительно организации красной армии и коммунистического строя, господствующего на его родине».

("Vea y Lea" Nr. 102)

«В эти дни, полные неуверенности, когда мир на земном шаре находится под постоянной угрозой коммунистической агрессии, о которой пока имеется еще недостаточно сведений (кроме потенциальных возможностей советских вооруженных сил), интересно прочитать критическое мнение бывшего военнослужащего советской армии, о ее действиях в прошлую мировую войну.

Его переживания и реакции за 33 месяца, в течение которых он активно сражался на ленинградском, балтийском и украинском фронтах, являются темой этой интересной работы.

Пишущий на основании бесспорных источников, автор говорит о «желтой опасности» и высказывает мнение, — что в том случае, если советы и китайские коммунисты будут в достаточной степени вооружены и организованы, — демократические страны неизбежно

увидят себя вынужденными вступить в третью мировую войну.

В книге говорится также о возможности восстания российского народа против кремлевской тирании. В связи с этим следует упомянуть о том замечательном обстоятельстве, что несколько дней тому назад, г-н Гоффман — руководитель плана Маршалла, высказал мнение, — что в СССР имеются предпосылки для восстания против власти».

("Buenos Aires Herald", Nr. 1956).

Глава 1

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

В это воскресенье я проснулся поздно. Светило яркое июньское солнце. В открытое окно врывался столь сложный и, вместе с тем, однотонный гул большого города, из которого иногда выделялись вдруг отдельные гудки автомобилей или звонок трамвая.

Все было как всегда. Лишь почему то, почти непрерывно, с регулярной последовательностью, в небе курсировали звенья самолетов и тогда все звуки, вливающиеся в окно, заглушались монотонным гудением моторов.

Было 22 июня 1941 года. Я отчетливо знал, что уже скоро, через какие-нибудь две недели, занятия в институте, где я занимал должность доцента и исполнял обязанности заведующего кафедрой, должны окончиться и можно будет вплотную подумать о столь желанном отдыхе. Но это в ближайшем будущем, а сегодня я был один в нашей части неизбежной «коммунальной» квартиры, так как мои родители, жившие вместе со мной, были в отпуску, в деревне, не далеко от города. У меня же, как всегда, на воскресенье накопился ряд неотложных дел, которых при обычной будничной занятости невозможно было сделать в другие дни. Кроме того я сговорился с моим приятелем что вместе с ним и его женой пойду сегодня в Малый оперный театр (ранее — Михайловский) в котором шел в новой постановке «Цыганский барон» — один из гвоздей этого весеннего сезона в Ленинграде.

Было около 11 часов утра когда я, закончив необходимые приготовления, готовился выйти из дому. Микрофон трансляционной сети я не включал и мой покой не был нарушен. В коридоре раздался телефонный. звонок. Я взял трубку. Звонил мой приятель....

— Слушай, как же быть? — после неизбежных приветствий сказал он. — Пойдем мы сегодня или нет? У меня от всего этого ум за разум зашел... — А в чем дело? — спросил я недоумевающе.

— Да, что ты? Разве тебе ничего неизвестно?....

— Нет....

— Да ведь — война с Германией!

— Что?... Как?...

— Да, вот так!.. Включи радио и послушай. Сейчас будут передавать речь Молотова.

И в двух словах он мне изложил события, происшедшие в ночь с 21 на 22 июня 1941 года.

После начала второй мировой войны, я часто думал о возможности столкновения СССР с Германией и теоретически эта новость не могла меня поразить. Но неожиданное исполнение предполагаемого все же потрясло меня.

Перекинувшись несколькими незначительными фразами с приятелем (ибо по существу обсуждать случившееся было небезопасно), и сговорившись в «последний раз» пойти в театр, мы прекратили разговор.

Оставшись один я включил радио. Передавали речь Молотова. В ней явно чувствовалась полнейшая растерянность. Призывы к защите родины от неожиданно напавшего врага и заявленье о безусловной победе СССР звучали как то подавленно и тускло, без обычной самоуверенности, столь свойственной вождям большевизма.

Я слушал и разноречивые чувства овладевали мною. Естественный ужас перед войной, перед теми страданиями и теми колоссальными жертвами, которые должен будет принести народ в этой войне, перед морем слез и горя, которые ожидали всех нас, перед перспективой всеобщего окончательного разорения, сочетался с надеждой, что война внесет коренные изменения в политический режим сталинской диктатуры и избавит страну от того страшного и жестокого гнета, в котором она находилась уже много лет. Не даст ли война, наконец, освобождение тем 20 миллионам заключенных, которые в это время находились в советских концлагерях? Не явится ли сегодняшний день началом возрождения России?…

Мне представилась вновь свободная национальная Россия; именно Россия, а не СССР, снова свободный народ, строющий свою нормальную, человеческую жизнь.

И почти одновременно с этим закралась тревога. А так ли это? Не несет ли война вместо освобождения, что-нибудь еще худшее? Никто из нас никогда не читал «Мейн Кампф». О германском нацизме или итальянском фашизме советские люди толком ничего не знали. Строгая цензура запрещала все, что только могла из иностранной литературы… Сведениям же, которые все мы черпали из советской прессы и кинофильмов, мы привыкли не верить, зная их тенденциозность и односторонность и обычно представляли все «наоборот».

Все это вызывало тревожный и недоуменный вопрос: — что же это — завоевательная или освободительная война? Ведь если это идут только завоеватели, то они несут не менее жестокое угнетение и тогда надо защищаться от них, забыв на время счеты со «своими владыками». Так думало большинство и именно здесь, в решении этого вопроса заключалось все.

Эта мысль меня особенно беспокоила, ибо я, хорошо зная советскую действительность абсолютно никогда не верил в боеспособность красной армии и не сомневался в быстром продвижении немцев.

Одновременно тревога за последствия всех этих событий овладела мной. Я представлял себе разоренные города, бездомных осиротевших людей, тысячи жертв, калек, неисчислимое количество горя и страданий, полное разорение всей или значительной части страны.

В тоже время мысли о близких мне людях, о их судьбе, естественно пришли мне в голову. Что будет с ними? О себе я не беспокоился. Я не сомневался в том, что попаду в армию, но как специалист с довольно редкой специальностью, применявшейся в армии — буду использован там по профессии, а не как строевой солдат или офицер. Но в деяниях советской диктатуры здравый смысл и логика отсутствует, и в этом читатель убедится не раз.

Вечером мы были в театре. Зал был наполнен на две трети, хотя билеты были все проданы. Знакомые мелодии «Цыганского барона» звучали как похоронное пение. В антрактах исчезло обычное оживление. Публика была молчалива. Разговоры велись вполголоса.

Спектакль окончился. Стояла душная, летняя белая ночь. Город окутали ночные сумерки, но все огни были погашены. Все было затемнено. Автомобили двигались с синими фонарями. В трамваях и у входных дверей домов горели синие лампочки. Мы решили пройтись пешком. Я провожал моих друзей. Разговор шел о текущих событиях. Мой приятель настроен был мрачно. Его, как и меня, одолевали сомнения. Вечерняя сводка, переданная по радио, несмотря на ряд ободряющих слов и эзоповских ухищрений для сокрытия истины, свидетельствовала об отступлении красной армии.

Мы вышли на Троицкий мост. В сумерках белой ночи красавица Нева мягко обтекала гранитные набережные великого города. Не потухающая летом заря отражалась в куполе Исаакиевского собора, золотила шпиль Петропавловской крепости. Спокойно и сурово смотрели в ночь дворцы, немые свидетели былого величия России…. С запада, облегая горизонт, надвигалась черная, тяжелая туча. Сверкали зарницы, слышались первые далекие раскаты грома. К городу приближалась гроза….

Глава 2

В ГОРОДСКОМ ВОЕННОМ КОМИССАРИАТЕ

1. Первые события

Ежедневные сводки верховного командования красной армии, неуклонно свидетельствовали о молниеносном продвижении немцев вглубь страны. Пали Смоленск и Псков, были захвачены прибалтийские страны. Немецкие передовые части вели бои под Лугой, в 130 километрах от Ленинграда. Красная армия фактически отказывалась драться, либо панически отступая вглубь страны, либо сдаваясь в плен целыми полками, дивизиями и даже корпусами.

Народ отказывался защищать советскую власть, предполагая, что немцы дадут ему возможность создать свое национальное правительство, которое осуществит народные чаяния. Однако, в скором времени эти надежды оказались разрушенными.

Немецкая авиация ежедневно появлялась над Ленинградом, но по каким то соображениям не бомбила город. Ленинградское радио усиленно передавало новую песенку, квинтэссенцией которой являлись слова: «любимый город может спать спокойно!» (?).

В городе, во всех парках и скверах, рылись так называемые — «щели» — узкие окопы с досчатым или бревенчатым потолком, на который насыпался слой земли. В подвалах на скорую руку устраивались бомбоубежища. Кое где возводились укрепления с пулеметными гнездами. На площадях, в садах и скверах устанавливались зенитные орудия. Над городом были подняты заградительные аэростаты. На крышах и чердаках устанавливались дежурства, живущих в доме, для борьбы с возможными пожарами при бомбежке города.

После работы все служащие и рабочие, включая и женщин, должны были в «организованном порядке» (построившись в колонны), идти в заранее намеченные места для рытья щелей. Кроме того, по учрежденьям, заводам и организациям проводилась мобилизация для рытья окопов на подступах к городу, к ней привлекались и мужчины, и женщины, и совершенно

зеленая молодежь, включая даже детей-пионеров.

Людей выводили за город, где они целый день рыли, как оказалось в дальнейшем, никому ненужные укрепления и противотанковые рвы, ночевали на земле под открытым небом, почти все голодали, т. к. в этой суете и беспорядке «некогда» было снабжать работающих продуктами питания.

Судьба этих людей была такова. Среди них было много убитых и раненых, ибо немецкие самолеты без церемонии, в упор, поливали работающих из пулеметов, стремясь сорвать эти оборонительные работы. Часть этих лиц, — вывезенная далеко от города (например около Луги), в момент известной операции немцев под Гатчиной, очутилась в окружении, попала в плен и, очевидно, находится сейчас, где то в эмиграции.

2. Народное ополчение

Но самая большая трагедия была с так называемым «народным ополчением». Нельзя не сказать о нем, ибо этот политический блеф Сталина стоил народу сотен тысяч жизней, сотен тысяч напрасных жертв. Объявив начавшуюся войну — войной «отечественной», Кремль решил показать, что эта «отечественная» война ни чем не отличается от народной войны 1812 года, или борьбы с поляками в XVII веке, когда было создано знаменитое народное ополчение Минина и Пожарского. Необходимо было показать всему миру, что и в СССР весь народ как один поднялся на врага. Внешним выражением этого должна была явиться организация «народного ополчения».

Практическая абсурдность этой затеи заключалась в том, что принципы добровольной организации народного ополчения в XVII веке, при фактическом отсутствии, или крайней слабости в тот момент, регулярной армии, ничего общего не имели с нашим временем и являлись тогда, видимо, единственной возможностью организации вооруженных сил. Даже ополчение и партизанские отряды в войне 1812 года представляли собой, по существу, боевые единицы организовавшиеся из различных контингентов, — находившихся по тем или иным причинам вне армии. Это обстоятельство, совместно с ярко выраженным принципом добровольности, и составляло их характерную черту. Пусть читавшие «Войну и мир» Л. Н. Толстого вспомнят как, на каких началах и при каких условиях создавалось это народное движение.

Советское «народное ополчение» ничего общего не имело с действительно добровольным народным движением. Нелепость этой затеи проявилась в том, что ополчение состояло, главным образом, из контингентов уже и без того подлежащих мобилизации в армию в начале войны. Контингент, еще в тот момент не подлежащий призыву, находился в ополчении в подавляющем меньшинстве. В это время процесс мобилизации армии далеко еще не закончился, ибо мобилизационный аппарат военных комиссариатов и соответствующих военных учреждений не мог «переварить» того количества людей, которое подлежало призыву. Людей было более чем достаточно и никаких ополчений вообще не нужно было. Но политика требовала декорации добровольной народной борьбы с врагом. И жертвой этого было, так называемое «народное ополчение».

Инициатива создания «народного ополчения» была проявлена не снизу, т. е. она исходила не от народа, а была продиктована сверху. В связи с этим, была широко развернута пропагандная компания, ничем не отличающаяся от всяких иных массовых кампаний, к которым так привык советский человек. Всех, так или иначе, теоретически способных носить оружие, вызывали по месту работы в партийные или профсоюзные комитеты, где подвергали соответствующей

«обработке» и предлагали записаться в ополчение. Колеблющимся в упор предлагали следующий несложный силлогизм: «если вы любите родину и преданы партии Ленина — Сталина, то вы, конечно, хотите защищать ее с оружием в руках. Если вы не хотите, то значит вы чуждый нам человек, а может быть и враг?…» Каждый знал, что мог практически означать отказ и не многие шли на него.

Были собраны сотни тысяч людей. Плохо вооруженные и почти не обученные, они, во имя необходимой правительству политической декорации, долженствующей свидетельствовать о морально-политическом единстве страны, были брошены в самое пекло войны. Большинство из них погибло, расстрелянное и раздавленное немецкими танками, много сдалось в плен, а остальные, в очень скором времени, были расформированы и распределены по регулярным частям красной армии. Блеф с «народным ополчением», стоивший сотни тысяч жизней, также бесславно провалился, как провалилось знаменитое «народное финское правительство», созданное во время войны с Финляндией.

3. Первый вызов в комиссариат

Числившийся в запасе красной армии, как специалист с использованием в военное время по профессии, я спокойно ожидал своей судьбы.

Скоро выяснилось, что Институт, в котором я работал, собирается эвакуироваться на Урал и директор предложил мне выехать вместе с Институтом. В этом направлении им были предприняты соответствующие шаги, поданы в военное ведомство списки людей и.т. д.

24 июля, мне, из конторы домового управления, принесли повестку о явке в районный военный комиссариат. В этот же день многие из друзей и знакомых получили аналогичные повестки.

25 июля я пришел в комиссариат. В нем была масса людей. Вызывали по фамилиям. Когда вызвали меня, я вошел в комнату и увидел, что в ней сидит молодой человек лет 25-ти, в полувоенной форме «а ля Сталин». Задав несколько незначительных вопросов о возрасте, роде занятий и т. д. и осведомившись нет ли у меня родственников заграницей, он написал на моей карточке — «подготовить для фронта». На мой вопрос, что это практически означает и на мои слова, что я сейчас уже забронирован за Институтом и собираюсь эвакуироваться с ним, он ответил, что это не его дело, «потом там разберутся», а он дает свое заключение для особой комиссии при городском военном комиссариате.

Получив от него особый пропуск для выхода из помещения военного комиссариата, я вышел на улицу.

Два слова о пропусках «на выход». Эта мера еще раз красноречиво свидетельствует о военном «энтузиазме» призывников, о котором так много писали советская печать. Когда вас вызывали в военный комиссариат то вы могли беспрепятственно войти в него. Но выйти вы могли только по пропуску, который вам выдавало лицо, беседовавшее с вами. Без пропуска часовой, стоящий у выхода, вас не пропустит. Это, нововведение военного времени было создано по тем простым причинам, что многие придя по вызову в комиссариат и установив на месте чем «пахнет» этот вызов, преспокойно сбегали. Зная, что районные комиссариаты набирают, согласно заданию, определенное количество людей, он являлись «потом», когда нужда в них в данный момент миновала, ссылаясь, что были в отъезде, работали на окопах и т. д., почему и не могли явиться в время. Иные даже высказывали свои сожаления, что не смогли в этот раз вовремя явиться «на призыв горячо любимой родины».

Некоторые исчезали вообще и, надо сказать, что их в этот период военной суматохи, особенно никто не искал. Находились ловкачи, которые вдруг потом выплывали где-нибудь в дальних сибирских городах на хороших местах, имея специальные брони, обеспечивающие их от случайностей призыва. В этом глубоком тылу они прекрасно чувствовали себя всю войну. Будучи в то время недостаточно искушен в этих «тонкостях», проведя все лучшие годы жизни за научной работой и никогда не сталкиваясь с красной армией (за исключением общей для всех окончивших высшие учебные заведения — допризывной подготовки), я все же решил, после комиссариата, справиться в Институте и поговорить с его директором, имевшим крупный вес в правящих партийно-бюрократических кругах. Рассказав ему о моем вызове, я выразил полное недоумение по поводу того, что же мне делать и какие «профилактические» меры должны быть приняты мною. Директор сказал мне, что этот вызов — результат неразберихи, что я забронирован за Институтом и на этом основании имею право послать всех к «чертовой бабушке».

— Не тратьте времени зря на это дело — уверял он меня. — Я им покажу, где раки зимуют, если они попробуют вас тронуть Кто же на кафедре тогда останется? А от меня, видите ли, требуют, несмотря на военное время, нормальной подготовки кадров. Если получите еще повестку, то позвоните сразу ко мне, — сказал он, прощаясь со мной.

4. Снова в комиссариате

Прошло несколько дней. В три часа ночи, 3-го августа раздался звонок. Я открыл дверь. На пороге стоял дежурный дворник и неизвестный мне военный, который под расписку дал мне новую повестку, приглашавшую меня явиться в городской военный комиссариат в 9 час. утра. Повестки разносились ночью, чтобы наверняка застать людей дома.

Рано утром я позвонил по телефону директору Института; его жена любезно мне ответила, что он сегодня утром вылетел на аэроплане в Москву по специальному вызову из соответствующего министерства (тогда еще — народного комиссариата). Потерпев неудачу, я позднее позвонил его заместителю. Того не оказалось, ни дома, ни в Институте. Создалось «угрожающее» положение. Не пойти, по совету директора, я не мог, ибо меня представитель комиссариата застал дома и найти законный повод для неявки и оформить ее — уже не было времени.

Без официальной санкции Института и вмешательства дирекции, не идти было нельзя. Я избрал самый нормальный путь, который был бы наиболее естественен для всех людей, если они имеют дело тоже с нормальными людьми. Я решил пойти и объяснить создавшееся положение, полагая, что действия военных чиновников в СССР подчинены хотя бы до известной степени логике и здравому смыслу. Но я ошибся. В военном комиссариате, как всегда, было много народа. Выяснить зачем меня вызвали мне не удалось. Сдав свою повестку, я стал ждать. Скоро меня позвали…

В большой залитой солнцем комнате, у письменного стола, сидела группа военных. На председательском месте, в центре, находился майор, с двумя орденами на груди, полученными им, как я узнал впоследствии, за финскую кампанию. Мне предложили сесть. Просмотрев мою учетную карточку, майор обратился ко мне:

— Товарищ Константинов, вы в армии до сих пор не служили. Вы числитесь у нас, как специалист, но сейчас мы вас использовать по специальности не можем. Нам нужны строевые командиры. Поэтому мы хотим вас послать на трехмесячные курсы командного состава, на которых вы переквалифицируетесь в строевого командира.

— И кем же я буду потом, — осведомился я.

— Командиром стрелкового взвода — коротко ответил он.

Я возмутился.

— Товарищ майор, неужели у нас так много квалифицированных ученых, что вы посылаете их командирами стрелковых взводов? Учтите, что моя специальность применима в армии. Специалистов по моей профессии и моей квалификации в Ленинграде всего три человека.

Недавно вы двух моих студентов, учившихся у меня, послали в армию работать по специальности, а меня посылаете «учиться» на командира взвода!

— Что же делать, — возразил майор — нам не нужны сейчас ученые, а нужны солдаты.

— Но ведь это весьма близорукая точка зрения!

— Вам не дано право оценивать действия военного командования, — вспылил майор.

— Товарищ майор, разрешите вопрос, — обратился к майору молодой капитан с интеллигентным лицом, сидевший на конце стола и с явным сочувствием ко мне наблюдавший эту сцену.

— Пожалуйста.…

— Товарищ Константинов, — обратился ко мне капитан, — вам уже за 30 лет?.…

— Да…

— Вы занимались когда либо спортом?…

— Очень мало и в ранней молодости.…

— Каким именно?

— Водным спортом.…

— И только?…

— Да.…

— Товарищ майор, — обратился он к председателю, — я думаю, что едва ли здесь, что либо получится.…

— Ничего справится — пробурчал майор.

— Товарищ майор, — снова заговорил я, — ведь я же забронирован за Институтом…

И в кратких словах я изложил ему суть дела.

— Все это может быть и так, — сказал майор, — но дело в том, что данная комиссия имеет право действовать самостоятельно, да и кроме того у меня нет сейчас на вас соответствующих бумаг. Они к нам не поступали. Через неделю вы должны явиться в школу и за эту неделю пусть ваш директор выяснит этот вопрос. Но вообще все должны идти сражаться! Отдайте ваш

паспорт, вот вам удостоверение о мобилизации и направление в школу. Явитесь в нее 10 августа. На здоровье вы, конечно, не жалуетесь?....

Разговор был окончен.

Я вышел на улицу. Оставалась надежда, что в имевшийся семидневный срок эта нелепость будет исправлена. Но где то в глубине души росла уверенность непоправимости случившегося.

Глава 3

В ОФИЦЕРСКОЙ ШКОЛЕ

1. «Помощь» майора

Я пришел домой усталый и разбитый. Меня снова окружила привычная обстановка. Полки с книгами, письменный стол; на нем корректура моей последней работы, не успевшей выйти до войны. Шкаф с рукописями лекций и архивные материалы..

Знакомая, привычная, уютная, но вместе с тем, и рабочая обстановка, необходимая для всякого работника напряженного умственного труда. Несколько научных книг и десятки статей были созданы в этих стенах.

Передо мной, несмотря на войну, благодаря моей редкой специальности, открывалась широкое поле деятельности. Я не любил советскую власть, считая ее антинародной, но любил свое дело — чувство, которое поймет всякий специалист. Это дело было, вместе с тем, единственной отрадой в подневольной жизни советского человека.

В моем распоряжении оставалась неделя. За этот промежуток времени я должен был развить максимум энергии, чтобы исправить явно нелепое решение «особо компетентной» военной комиссии.

Но и эта надежда рухнула самым неожиданным образом.

В первую же ночь, после посещения мною военного комиссариата, в моей квартире снова раздался звонок и мне снова была вручена повестка о явке к 8 часам следующего дня.

Когда я пришел в комиссариат, там еще почти никого не было. Дежурный, проверив мои бумаги, сообщил мне:

— Видите ли, со вчерашнего дня произошли некоторые перемены и вы направляетесь в такую же, но другую школу; явиться вы должны туда не через неделю, а к 10 часам утра, сегодня. В случае опоздания, вы подлежите суду военного трибунала....

Все было слишком ясно. Я понял кто постарался за меня. Очевидно, мое поведение не понравилось председателю «особо компетентной» комиссии и он решил меня доконать.

2. В новой обстановке

Нас собралось в школе около трехсот человек. Научные работники, артисты, юристы, хозяйственники, учителя — группа интеллигентов, включающая самые разнообразные

специальности, с весьма значительной прослойкой людей с высшим образованием.

Занятия сводились к бесконечным маршировкам и походам по улицам города, к изучению основных видов пехотного оружия и стрельбы из него; затем теория и практика штыкового боя, элементы тактики в пределах взвода и роты, военная топография и, разумеется, бесконечные политзанятия, без которых никогда и нигде нельзя обойтись.

День был построен так, чтобы люди не могли ни о чем подумать. В 6 с половиной утра — «подъем», в 7 с четвертью — завтрак, в 8 — начало занятий, в 12 — обед, затем час отдыха, снова занятия до 6 вечера, потом ужин, часы, так называемой, «самоподготовки» и в 10 с половиной часов вечера — отбой. И так каждый день.

Это расписание прерывалось какими-нибудь ночными походами и караульной службой в ближайших к школе районах города.

Так как среди нас были большей частью люди никогда не служившие в армии, то вполне понятно, что далеко не все из них смогли вынести этот, в достаточной степени, напряженный «рабочий день». Но отсева почти не было. Людей предпочитали держать в школьном госпитале, но не демобилизовывали, несмотря на их явную непригодность. С момента объявления войны медицинские комиссии почти никого не браковали, поэтому, в армию попадали элементы совершенно непригодные для несения строевой службы.

3. Комиссары нервничают

7 сентября начались налеты немецкой авиации на Ленинград.

В прекрасный осенний солнечный день, в послеобеденное время, немецкая авиация разбомбила, так наз. «Бадаевские склады», в которых были сосредоточены запасы продовольствия для города. Ленинград по милости советских головотяпов, остался без продовольствия. Одновременно, немецкие войска подошли к городу и стали вести бои вокруг него. Начались непрестанные, дневные и ночные, налеты немецкой авиации.

В городе стал чувствоваться недостаток продуктов питания. Еще немного и должен был начаться настоящий голод. Политзанятия, которые вел комиссар школы, стали превращаться в истерические речи по текущему моменту. Все больше и больше стало напоминаний о «великом русском народе», о его героизме, об отечественной войне 1812 года, о Минине и Пожарском, о Суворове, о Кутузове, о Великом князе Александре Невском, и даже об…. Иване Сусанине.

Выступления комиссара превращались в какие то рыдания без слез. Чувствовалась полнейшая растерянность и недоумение от той катастрофической картины, которая создалась на третьем месяце войны.

И это было понятно. Политические работники красной армии, как правило, все без исключения были членами партии. Служебное и общественное положение в армии и на гражданской работе определялись не их действительными знаниями, специализацией в какой-нибудь нормальной для всякого человека профессии, а исключительно наличием у них партийного билета. Подавляющее большинство из них, оставаясь по каким либо причинам без партийного билета, были годны лишь для роли чернорабочего. В лучшем случае, некоторые из них, имея какую то «допартийную» специальность, возвращались к прежнему ремеслу, становясь слесарями, токарями, сапожниками и т. д. Но многие из них, главным образом, молодежь, попадали, после обычной общегражданской школы, в специальные партийные школы, где становились профессиональными политработниками, не умея и не зная ничего,

кроме агитации и пропаганды по заранее преподанным шаблонам. Для этих потеря партийного билета означала превращение в подметальщика улиц.

Можно понять этих людей, их состояние, когда основа их жизни — советский строй, считавшийся ими непоколебимым, рушится у них на глазах, как карточный домик. Учитывая все это, можно вполне понять их тон и необычайную мягкость, внимательность и даже известную предупредительность перед слушателями.

«Задушевные беседы» учащались. Исторические рассказы, народные легенды и сказания из героического прошлого русского народа, все чаще и чаще стали заменять всем надоевшее «изучение» речи «товарища» Сталина, произнесенной им 3-го июля 1941 года и начинавшейся, вместо обычно шаблонного — «товарищи», необычайными для советского гражданина словами: «братья и сестры».

4. В ожидании штурма

Стояла черная осенняя ночь. После ужина мы вышли во двор покурить. На юге и юго-западе стояло огромное зарево. Это шел бой за ближайшие предместья города. Практически противник был в его пределах. С запада слышалась беспрерывная орудийная стрельба. Это Кронштадтские форты и корабли балтийского флота вели огонь по наступающим немцам.

Когда-нибудь история раскроет секрет этих дней. Для меня лично, до сих пор остается непонятным, почему в эти дни немецкая армия не вошла в Ленинград. Город можно было взять голыми руками.

На фронте, проходившем в ряде мест по окраине города, дрались остатки уже значительно деморализованных войск, защищавших, или вернее, отступавших к Ленинграду. Сопротивление их не являлось ни в какой степени серьезным препятствием для германской армии. Новые подкрепления еще не приходили. Немецкие танки беспрепятственно совершили прогулку по южной части города, дошли до Нарвских ворот, вызвали страх у одной, и любопытство у другой части населения и не торопясь ушли обратно.

В городе происходило нечто невероятное. Из него панически бежали все те, кто принадлежал к правящей партийно-бюрократической верхушке, за исключением тех, кто не смел самовольно бежать, занимая те или иные ответственные посты. Но и эти, под благовидными предлогами, стремились «смыться» куда-нибудь подальше. Увозили семьи, старались вывезти кое какое имущество.

В домах сжигались домовые книги, со списками живущих. Жгли архивы и документы партийных и государственных учреждений. В частных квартирах выключались телефоны, ибо власть не доверяла своим гражданам, боясь, что телефоны будут использованы для помощи неприятелю. На улицах строились укрепления для уличных боев. Магазины превращались в точки сопротивления.

Организовывались специальные отряды из гражданского населения. Среди военных гарнизона и командования нашей школы шла тихая и незаметная работа. Стало известным, что начальнику школы, комиссару и ряду других лиц, из дома принесли штатские костюмы. Цель этого была не совсем ясна: или для того, чтобы не попасть в категорию военнопленных, что было бы неизбежным, при занятии города немецкой армией или для подпольной работы в занятом немцами Ленинграде.

Этой стороне дела уделялось много внимания. Если бы германская армия вошла в Ленинград,

то помимо видимого противника, ей пришлось бы иметь дело с невидимым и коварным врагом. Густая сеть подпольных коммунистических организаций, снабженных всем необходимым, была раскинута по всему городу и ожидала вступления немецких войск.

——

Занятия продолжались своим чередом, но среди курсантов шло глухое брожение. Ходили упорные слухи, что школу бросят как ударный батальон на защиту города. Курсанты разделились на несколько групп. Незначительная часть коммунистов, активно ратовала за героическое сопротивление. Весьма значительная и наибольшая часть пассивно, не проявляя своего отношения к происходящему, терпеливо ждала…. чего неизвестно.

Наиболее интеллигентная группа, весьма скептически настроенная, абсолютно не желала мириться со своим положением баранов, посылаемых на убой. Мне хорошо было известно, что во второй и третьей группах курсантов было много лиц, которые дали своим родным задание, так или иначе, приготовить им в ближайших к школе районах города, штатское платье. И это было вполне понятно. Совершенно штатские люди, никогда не служившие в армии, не имевшие никакого к ней отношения, в достаточной степени критически настроенные к советской власти, не видели никаких оснований садиться за проволоку лагеря военнопленных и отвечать за бездарные действия военного командования и антинародной коммунистической власти.

Мне лично удалось повидать мою сестру (впоследствии погибшую во время блокады города) и я ей дал соответствующие инструкции. Через несколько дней она дала мне знать, что в трех кварталах от школы, у наших хороших знакомых, мне приготовлена гражданская одежда и, что в случае чего, они ждут меня.

Эти настроения не чужды были и нашим командирам. Когда в частной беседе нескольких курсантов с командиром нашей роты, был задан вопрос о том, что же делать, если немцы войдут в город, он сердито ответил:

— Что вы маленькие, что ли? Неужели вы в нужный момент, через окна и через забор, не сможете уйти и разойтись по домам?…. А вообще не задавайте мне таких глупых вопросов. Вы меня ни о чем не спрашивали, а я вам ничего не говорил. Понятно?…. А то, чего доброго, пойдете нашего комиссара об этом спрашивать….

И, усмехнувшись, он исчез в своей канцелярии.

Но германская армия в город не вошла, а окружив Ленинград железным кольцом блокады, осталась стоять на месте. Последствия этой ошибки немецкого командования — общеизвестны.

5. Железный занавес

С момента нашего прихода в школу, нас постепенно и упорно стали отделять от окружающего мира непроницаемым железным занавесом. О выходе за стены школы в свободное от занятий время не было и речи. Было объявлено, что в город можно выходить лишь по особым пропускам, выдаваемым командиром роты и только в воскресенье, а два раза в неделю, в определенные часы, родные и знакомые могут видеться с курсантами в помещении школы.

Не прошло и двух недель, как отпуска в город были, как правило, вообще отменены, за исключением отдельных случаев. Свидания с родными — сокращены до одного раза в неделю.

А еще через две недели свидания были отменены под тем предлогом, что посетители вносят в школу «беспорядок». Железный занавес опустился….

Эти распоряжения исходили не от местного командования. Все это шло сверху и, как увидим дальше, определяло весь «стиль» жизни красной армии.

Получилось совершенно невозможное положение. Германская авиация ежедневно совершала несколько налетов и бомбила самые разнообразные районы города. Все мы имели в городе семьи или родных, знакомых… После каждого налета, подавляющее большинство курсантов нервничало, боясь за судьбу близких им людей. Не имея возможности получить свидания с близкими, все устремлялись на телефон. Звонили на заводы и в учреждения, где работали родственники. Домой звонить было нельзя, ибо, как говорилось выше, частные аппараты были выключены. В канцелярии устанавливалась очередь, желающих звонить по телефону. Это вносило беспорядок и командование приказывало разойтись.

В свою очередь, родные и близкие, страшась за судьбу дорогих им людей, приходили и простаивали часами, чтобы повидаться и поговорить. Разыгрывались трагические сцены; женщины плакали, умоляя дать возможность повидаться и, большей частью, получали отказ. Тогда пришедшие оставались у ворот школы, надеясь, что мы будем строем выходить на занятия и, в этот момент, удастся крикнуть несколько слов. Все это начинало напоминать тюремные нравы. Казалось — должно быть понятным, что люди волнуются и беспокоятся друг за друга. Совершенно было ясно также и то, что каждый курсант, видя ежедневно бомбежки, боялся за судьбу семьи. А разве может человек, при этих условиях, нормально заниматься? Разве могут быть продуктивными занятия у человека думающего все время о том — живы ли его близкие? Не лучше ли было бы дать возможность каждому курсанту один раз в неделю съездить на несколько часов домой, повидаться с кем надо, помочь в случае нужды своей семье и т. д.

Если это было затруднительным и по каким либо соображениям не удобным (допустим это), то, во всяком случае, можно было дать поговорить — пять, десять минут с пришедшими родственниками. И не заслуживали люди, готовящиеся стать офицерами действующей армии, что бы к их личным чувствами и переживаниям, свойственным всякому нормальному человеку, относились несколько иначе?….

Нас спросят: — но позволяла ли обстановка это делать? Оценивая объективно обстановку, можно ответить утвердительно. Когда немцы подошли к городу и все предполагали, что немедленно начнется штурм, тогда, конечно, отпуска и свидания были невозможны; но это длилось несколько дней. Очень скоро, по установлению блокады, фронт стабилизировался и, как известно, на много месяцев; и до подхода немцев к Ленинграду и после стабилизации фронта, отказывать в свиданиях людям, живущим в одном городе, иногда весьма близко друг от друга, не было решительно никаких оснований.

Я останавливаюсь специально на этом вопросе потому, что это явление будет повторяться не только в частях действующей армии или в прифронтовых гарнизонах, но и в далеком тылу, где никто никогда не видал ни одного вражеского самолета и не слыхал ни одного выстрела. Это будет и на Волге, и на Урале, и в Сибири, и на Дальнем Востоке. Между населением и армией упорно и настойчиво опускался железный занавес…..

Основная причина всего этого заключалась в том, что состояние умов большинства населения, а особенно в Ленинграде, где начался уже голод, совершенно не соответствовало тем ура-патриотическим настроениям, которые упорно, но в общем не особенно успешно, вбивались нам. Оградить армию от вредных влияний, не дать проникнуть в нее этим

настроениям, скрыть от армии действительную картину страданий народа — вот в чем истинный смысл этой политики.

Но не так легко было справиться с нами. Да и кроме того, внутренне, не показывая этого, большая часть командного и преподавательского состава школы была на нашей стороне Ведь они тоже были переведены на казарменное положение и тоже не могли часто видеться со своими семьями.

Когда один из курсантов пришел просить у своего командира пропуск в город, ссылаясь на то, что у него настолько серьезно заболела мать, что врачи опасаются смертельного исхода, командир роты ему отказал, ссылаясь на то, что он уже использовал данный ему лимит пропусков. Курсант настаивал, доказывая необходимость отпуска. Разговор закончился следующим советом командира:

— Знаете ли что, товарищ Петров, я бы на вашем месте не тратил попусту времени. Ведь пропусков у меня нет, а идти вам действительно надо. Проявите красноармейскую находчивость. После вечерней проверки — перелезайте через забор и идите себе домой. К шести часам утра возвращайтесь тем же способом обратно. В городе будьте осторожны и не попадайтесь на глаза комендантскому патрулю.

Петров так и сделал. Да и не только Петров, но и многие другие. Каждую ночь несколько человек всегда исчезало и появлялось только утром. Были, конечно, провалы и неприятности на этой почве, но в общем все это сходило более или менее благополучно.

Во время пребывания в школе, я подружился с артистом ленинградской государственной сцены С-ким, тоже мобилизованным и направленным в нашу школу. С-кий терпеть не мог военную службу, весьма отрицательно относился к существующему строю, но как артист он, довольно быстро вошел в «роль офицера». Сценические навыки давали свои плоды и С-кий прекрасно научился изображать из себя настоящего «душку-военного». Интересный собеседник, неиссякаемый источник самых невероятных анекдотов, весельчак и балагур и, вместе с тем, человек, в котором ясно чувствовалось хорошее воспитание, он сделался незаменимым для всего командования.

Играл он в школе также изумительно, как и на сцене. И лишь оставаясь со мной наедине он делался самим собой, отводя душу и горько жалуясь на всю эту комедию, которую он должен разыгрывать для того, чтобы как то добиться более-менее сносного существования.

И мне, и ему, нужны были пропуска в город. Но несмотря на свою близость к «верхам» С-кий все же не мог добиться регулярного получения отпуска.

Часто мы с ним сидели, уже после отбоя, в помещении, где стоял кипятильник с водой; это было излюбленное место, чтобы посидеть и поговорить. Стояла уже глубокая осень. В казармах везде было холодно, а топлива не было. Здесь же внизу, в маленьком подвальном помещении стоял куб с водой, в котором всегда должен был быть кипяток для нужд всей школы. Он постоянно топился дровами и здесь было тепло.

В нашей тяжелой и отвратной для большинства жизни был один приятный момент. Когда все укладывались спать, мы с С-ким спускались в подвал. Там стояла полутьма от синей лампочки. В топке потрескивали дрова и тонкие блики огня отражались на полу. Пахло еловой смолой; стояла тишина, нарушаемая лишь бульканием воды в кипятильнике, да откуда то снаружи иногда доносились раскаты артиллерийской канонады. Здесь мы проводили почти все свободное время, делясь впечатлениями, воспоминаниями, делая прогнозы на будущее.

Однажды, когда я вечером, по обыкновению, спустился в кипятильник, чтобы выкурить папиросу, туда вдруг стремительно влетел С-кий:

— Слушайте, хотите ходить регулярно в город? — спросил он.

— Что за вопрос, конечно, хочу!….

— Можете достать спирт?…

— Могу, но в каком количестве?

— Ну, примерно, около 300–350 грамм за отпуск двоим, вам и мне.

— А кому это надо?

— Да, политрук нашей роты выпить хочет, но ничего нет. А ему дали несколько бланков пропусков, чтобы он мог по своему усмотрению посылать курсантов в город, для выполнения всякого рода поручений, связанных с политзанятиями. Ну, так вот, я с ним договорился, что эти «поручения» выполним мы с вами, а за это…. — и он сделал выразительный жест рукой, щелкнув себя пальцами по шее.

Моя сестра работала лаборанткой и имела возможность приносить домой некоторое количество спирта. В мирное время это было никому не нужно, но в то время, о котором я рассказываю, спирт был в цене и достать его было невозможно, а поэтому я и просил ее «подзаняться» спиртом.

В результате этих несложных «операций», мы с С-ким регулярно получали пропуска для выхода в город и бывали дома, у родных и знакомых, скрашивая этим свою неприглядную жизнь. Возвращаясь обратно в школу, я нес в кармане флакон с чистейшим спиртом крепостью в 90 градусов. Флакон передавался С-кому, тот исчезал с ним, а потом в комнате политрука шло пьяное веселье, больше похожее на похоронную тризну.

Однако, эти комбинации со спиртом, во первых были небезопасны, ибо все это могло быть рано или поздно обнаружено командованием, а во вторых — они носили чисто индивидуальный характер и не решали вопроса о «прорыве железного занавеса» для остальной массы курсантов.

Все те, из них, кто должен был идти в город, применяли или способ ночной самовольной отлучки или применяли возможности, даваемые караульной службой.

Дело в том, что по приказу коменданта Ленинграда, все воинские части гарнизона должны были нести патрульную службу в городе. Задача этих патрулей состояла в том, чтобы проверять документы у прохожих, которые кажутся подозрительными, бороться со спекуляцией, наблюдать за общим порядком и…. проверять документы у военнослужащих, с целью борьбы с самовольными отлучками из воинских частей. Можете себе представить, что из этого получалось?

Патрульная служба использовывалась для посещения своих близких, а что касается проверки документов у военнослужащих, то никто из курсантов не хотел этого делать, зная, что каждый из нас, завтра, тоже пойдет в самовольную отлучку и тот у кого мы сегодня проверяли документы, завтра будет их проверять у нас. Создавалась своеобразная круговая порука, с которой военному начальству бороться было очень трудно.

А вместе с тем, свыше, по всей красной армии, все время, шли приказы о неуклонном

проведении строгого казарменного положения для всех родов войск и недопущении выхода военнослужащих за пределы воинских частей.

Я уже указывал ранее, чем вызывалось все это. Но помимо влияния гражданского населения в смысле развития «вредных» настроений, была и другая причина, заставлявшая командование красной армии всеми мерами не допускать общения армии с населением. Этой причиной была окончательная нищета народа, достигшая во время войны совершенно невиданных размеров.

Что касается Ленинграда, то он попал в особое положение. Железная блокада, охватившая город, привела к невиданному голоду. Деньги уже не имели вообще никакой цены. Рацион продуктов по карточкам резко снижался и, ко времени окончания школы, составлял 125 граммов хлеба на человека в день. Других продуктов почти не выдавали, а если давали, то в таких же ничтожных количествах.

Начал процветать «черный рынок», на котором у спекулянтов можно было достать многие продукты. Что же касается цен, то трудно вообще говорить о них, когда бриллиант в 1 карат обменивался на несколько килограммов черного хлеба, выпеченного из какой то невообразимой смеси черной муки, отрубей и соломы.

Уже в ноябре вы могли получить там котлеты из…… человеческого мяса, вырезанного из трупов умерших людей. Город голодал, голодал так как не могут себе представить люди, никогда не испытавшие этого.

На улице все больше встречалось людей, с опухшими от голода лицами.

Нас, военных кормили, конечно, лучше, чем гражданское население, но и нам уже стали давать по 200 граммов хлеба в день. Мы уже были все время голодными. Если приходилось патрулировать по городу, мы интересовались не столько попадающимися навстречу людьми, сколько столовыми, раздававшими по карточкам обед, т. е. какую то непонятную и отвратную серую бурду, именуемую супом. Когда заканчивалась раз дача обеда и очередь людей, жаждущих получить суп, исчезала, мы входили и спрашивали — нет ли каких либо остатков. Нам часто их давали и мы уплетали с жадностью, не думая о будущем. А оно ждало нас, гораздо более страшное, чем мы предполагали….

5а. Выпуск из школы

Приближалось время празднования 24-й годовщины октябрьской революции. В эти дни ожидали массированных налетов германской авиации. Но этого не случилось. Возможно, что одной из причин явилась погода.

Все это время дождь перемежался со снегопадом.

Мрачное, свинцовое небо, с низко идущими серыми тучами, пронзительный северо-западный ветер, редкий, крупными хлопьями падающий снег, — так встретило нас утро 7 ноября 1941 года, день годовщины «великой октябрьской социалистической революции» (таково было официальное название этого события обязательно пишущееся с больших букв).

Все курсанты были выстроены в зале. Приказ о выпуске огласил начальник школы. Подавляющее большинство получило звание младш. лейтенанта. Незначительное количество (не свыше 25 %) слушателей получило звание лейтенанта. В эту категорию попали лица, почти исключительно с высшим образованием и достаточно солидного возраста. После выпуска, представитель Ленинградского военного округа, обращаясь к нам, произнес довольно длинную

речь. Из этой речи примечательно было одно место, которое я, вероятно, не забуду. Оно касалось нас самих. Привожу его почти дословно:

— Почти все, или большинство из вас — люди с высшим образованием и солидным практическим стажем. Многие из вас — ценнейшие специалисты. Все вы обладаете богатым жизненным опытом и вот этот опыт, вместе с вашими умственными способностями, хочет использовать красная армия. Вы — золотой фонд нашей интеллигенции, вы должны стать золотым фондом **К**расной армии. Перед вами открывается широкая дорога. Я не сомневаюсь, что очень скоро многих из вас — встречу на крупных должностях и в не менее крупных военных званиях....

Эта речь — блестящий образчик расхождения слов и дела. Образчик нелепости того, что делало военное командование. Я согласен с тем, что часть из нас, хотя далеко не все, могли бы быть отнесены к «золотому фонду интеллигенции», к настоящей квалифицированной ее части. К нему я отношу, в первую очередь научных работников, писателей, крупных инженеров, архитекторов, артистов, и т. д. А среди нас были и такие. Все эти люди любили свое дело, горели им, и, конечно, никакой склонности к военной службе не имели. Для них — армия и чин младшего лейтенанта являлись весьма неприятной «нагрузкой» и крупным падением по общественной лестнице, а для многих просто трагедией. Среди нас был композитор-пианист. Он всегда говорил, что если он даже и останется жив в эту войну, в чем он очень сомневался, то все равно он не сможет больше заниматься музыкой, ибо его руки после военной службы едва ли будут годны для рояля. О руках, к сожалению, думать не приходилось, потому что он был убит в первый же день пребывания на фронте. Всякое дело может идти только тогда хорошо, когда человек или кровно заинтересован в нем, или в силу идейных побуждений хочет им заниматься, или, наконец, если оно соответствует его вкусам. Ни того, ни другого у большинства из нас не было. Да и можно ли было этого ожидать?

Совершенно понятно, что «золотой фонд интеллигенции» не стал золотым фондом армии. Впоследствии я встречал некоторых из оставшихся в живых и никто из них не поднялся по лестнице военной иерархии.

Если же эти люди необходимы были армии и, понятно, наряду со всеми должны были защищать страну и были ценны для армии как интеллигентные силы, которых в ней было очень и очень мало, то разве можно было посылать их командирами стрелковых взводов?

Стрелковый взвод военного времени практически имел в своем составе 20–25 человек (теоретически он мог доходить до 40). Четыре взвода составляли роту. К концу войны во взводе было обычно 15 человек. Понятно, что для командования взводом никакое высшее образование не нужно и вообще не нужен офицер, ибо для этого совершенно достаточно старшего сержанта (унтер-офицера). Да и кроме того, в условиях второй мировой войны, место командира взвода — означало верную гарантию безусловной смерти. Зачем же было посылать этот «золотой фонд» на заведомый убой, если руководители красной армии рассчитывали на нас, как на интеллигентные силы, вливающиеся в армию и которым, якобы, предстоит какое то «будущее»?....

Многие из нас, особенно инженеры, имели специальности, применимые в армии. Но их не хотели использовать, хотя бы в технических или танковых частях. Далее — одна из областей военного дела требующая интеллигентности, знаний и развитых голов это — штабная работа. Неужели нельзя было распределить эти триста человек по штабам полков и дивизий действующей армии, дав им в школе соответствующий запас сведений по работе штабов? И красная армия получила бы культурных штабных офицеров, которые бы после некоторой практики освоились бы с работой, например, штаба полка.

А, между тем, в армии было очень мало даже более или менее развитых штабных офицеров.

Если командование, назначая нас командирами стрелковых взводов, думало дать нам своего рода «трамплин» для продвижения вверх, то оно тоже ошиблось. Такая система хороша была бы в мирное время или при более «спокойной» войне, но не в условиях второй мировой. Здесь, как я уже говорил, это назначение означало смерть. Результаты оказались те, которые и надо было ожидать. Больше половины из окончивших нашу школу было убито в течение первых двух месяцев блокады Ленинграда.

Так тупоумие советского командования привело к совершенно напрасной гибели многих нужных для страны специалистов. В последствии, будучи уже в глубоком тылу, я разговорился с одним раненым на ленинградском фронте майором, который знал всю эпопею нашей школы. Он в частном разговоре признал, что это была несомненно нелепость, допущенная в горячке блокады.

К сожалению, таких нелепостей и похожих на них было слишком много и они стоили миллионов ненужных жертв!

Офицерских школ военного времени было организовано довольно много и они находились в разных областях страны. В начале в них брали только интеллигенцию.

Но когда этот контингент оказался очень скоро уничтоженным, то начали делать иначе. Для подготовки командиров стрелковых взводов стали брать лиц, окончивших школу семилетку, или просто умеющих читать и писать. Результаты получились неплохие. Не лучше ли было с этого начать, а специалистов использовать более целесообразно? День закончился торжественным обедом, относительно очень приличным, если принять во внимание, то положение, в котором находился город. После обеда был организован довольно скверный концертик. Еще раньше было обещано, что в этот день люди будут отпущены по домам. Поэтому, многие стали просить пропуска на выход в город, но начальство, опасаясь, что все сбегут с концерта, не давало их. Концерт почти никто не слушал. Все хотели получить пропуск в город, расчитывая, что их отпустят на два-три дня в связи с празднованием дней октябрьской революции. Но они глубоко ошиблись. Несмотря на то, что впереди был еще один праздничный день и на фронте было полное затишье, нам сказали, что нас отпускают только до восьми часов утра следующего дня, так как нам срочно нужно ехать по частям.

Короче говоря, людям, после трех месяцев разлуки с близкими, не дали даже одного дня, для того, чтобы провести дома. А дать вполне можно было.

Когда на другой день мы собрались к восьми часам утра в школу, то выяснялось, что еще не знают куда нас девать. Весь день мы просидели в школе, ожидая указаний штаба округа. К вечеру нам объявили, что мы можем идти по домам.

На другой день история повторилась снова и только к вечеру этого дня, мы пешком, с вещами направились в казармы командного состава ленинградского военного округа.

6. В резерве

Длинное казарменное здание на Захарьевской улице, рядом с закрытой церковью во имя Св. Захария и Елизаветы, являлось пунктом в который направлялись все офицеры, по тем или иным причинам, не имеющие в данный момент определенной должности в армии. Сюда стекались все окончившие офицерские школы и курсы, вышедшие из госпиталей, уволенные по тем или иным причинам из части и т. д.

Громадные залы, в каждой из которых помещалось по 200 человек, не отапливались, хотя на улице стояла снежная и суровая зима 1941-1942 г. г. Морозы доходили до 30 градусов ниже нуля. Окна в казармах покрылись толстой коркой льда. Вода в кранах замерзла. Единственное место, где было более-менее тепло — была столовая, помещавшаяся рядом с кухней. Но в это «святилище» пускали только во время завтрака и обеда.

Замерзшие, опухшие от голода мы слонялись по казармам, ожидая когда же можно будет спуститься в столовую и получить свой мизерный рацион, а главное, кусок хлеба.

Проходили дни за днями; подавляющее большинство из нас, за исключением нескольких человек, никаких назначений не получило и продолжало сидеть в резерве. В город никого не выпускали. По ленинградскому гарнизону был издан приказ, грозящий карами, вплоть до расстрела, каждому военнослужащему, совершающему самовольную отлучку. Что бы занять чем то людей стали устраивать опять «занятия», с повторением пройденного, но из этого, вполне понятно, ничего не получилось.

——

В один из этих тягостных дней меня вызвали к воротам, где устраивались не вполне легальные свидания с родственниками. У ворот меня ждала сестра. Я поразился, когда увидел ее. Хотя она выглядела последнее время неважно, но все же не так ужасно, как в этот раз. Совершенно распухшее от голода лицо, серо-землистого оттенка, как какая то страшная маска полутрупа, заменила ее обычно миловидный и жизнерадостный облик. Я ужаснулся, но не подал вида. Она рассказала мне, что тяжело больна ее дочь — моя племянница и, что голодовка очень скверно отразилась на моей одной близкой родственнице, жившей вместе с нею. Последняя просила меня, если возможно, придти проститься, т. к. едва ли мы снова увидимся, а ей нужно было переговорить со мной по некоторым неотложным делам.

Поздно вечером, после вечерней проверки, я вышел к воротам. Там стоял часовой, а в небольшой будочке, — совсем рядом, находился дежурный офицер. Я вошел к нему и поздоровавшись сказал:

— У меня нет пропуска в город, но мне необходимо повидаться с моими родственниками. Я прошу вас дать приказание часовому пропустить меня без пропуска.

— Но ведь я не имею права это сделать… Да и как вы пойдете по городу без пропуска. Ведь вас арестует первый же ко комендантский патруль и согласно приказу, вас могут даже расстрелять.

— А мне наплевать! Хуже чем сейчас не будет!….

— Подождите до завтра и попытайтесь в канцелярии получить пропуск.

— Да разве, они дадут его!

— Вероятно, не дадут, но поймите и меня — я не могу пропустить вас…

— Скажите, вы имеете родных или семью?

— Да, жену и двое детей….

— Где? Здесь в Ленинграде?…

— Нет, слава Богу, удалось их эвакуировать. Они на Урале.

— Ну, а если бы они или ваши близкие родственники, были здесь и просили вас придти! Как вы поступили, если бы вам не дали разрешения?.... Он на минуту задумался.

— Вот, что — идите, но во первых осторожно и боковыми улицами, чтобы не встретиться с патрулями, а во вторых — вернитесь между 6 и 7 часами утра. В 12 часов я сменяюсь и снова буду дежурить от 6 до 8 часов утра. В 7 утренняя проверка. Значит к этому времени и приходите. А то, если другой будет и обнаружит, что вы возвращаетесь из самовольной отлучки — может поднять шум....

И, выйдя из будки, он крикнул часовому:

— Пропустите лейтенанта.....

— Есть — пропустить....

Я вышел за ворота. Стояла морозная, ветреная ночь. Мороз доходил градусов до 25. Резкий, порывистый ветер упорно дул, поднимая снежную пыль, бросая ее в лицо, гудел в проводах, гремел листами железа, развороченного бомбой здания......

Сквозь обложенное облаками небо, откуда то пробивалась луна. проливая на землю какой то неясный, сумеречный полусвет.

На улицах ни души. Снег, обильно падавший в эту зиму, уже давно никто не убирал. Улицы представляли собой стихийное нагромождение снежных сугробов, причудливо набросанных ветрами, посреди которых вились маленькие тропинки, проложенные пешеходами. Только основные магистрали еще поддерживались в относительном порядке и по ним ходили трамваи и автомобильный транспорт.

Осторожно идя вдоль стен домов я вышел на Кирочную улицу. Снова ни души, только снег, ветер и темные, угрюмые, безжизненные дома. На углу, что то чернеет. Подхожу... Полузанесенный снегом труп. Видимо — шел, упал от слабости, подняться не мог и замерз. Таких было в эту ленинградскую зиму, сотни тысяч.

Поворачиваю на Надеждинскую улицу и почти натыкаюсь на труп женщины. Рядом — маленькие сани. На них труп ребенка.

Вдали что то зачернело. Кажется подвигается ко мне навстречу. Быстро прижимаюсь к стенке и двигаюсь к ближайшим воротам, чтобы юркнуть во двор.

Одновременно возникает следующая, вполне понятная, мысль:

— Что это вообще такое? Почему я — офицер первой в мире армии «социализма», о которой так много писалось и говорилось хвалебного, должен как вор красться по улицам, для того, чтобы повидать близких мне людей. Можно было обвинить меня в чем то, если бы я ушел с фронта. Но ведь я не воюю, а просто мерзну и голодаю в этих казармах без всякого дела....

Невольно вспомнились рассказы о жизни офицеров старой царской армии, пользовавшихся абсолютной личной свободой, в тех пределах, в каких пользуются теперь офицеры почти всех цивилизованных стран. По сравнению с их жизнью, то, что пришлось пережить нам было ничто иное, как какая то игра в офицерство с людьми, заключенными в тюрьму и подвергнутыми строжайшему тюремному режиму.

Полное отсутствие уважения к личности, к тем званиям и чинам, которые они сами давали, всяческое подавление естественного чувства человеческого достоинства, превращение человека в какого то военного робота, наплевательское отношение к каким бы то ни было вашим стремлениям и желаниям — вот, что я нашел, на первых порах, в красной армии.

Подумав об этом, я разозлился и мысленно решил:

— А будь, что будет, а прятаться я не намерен, я не вор и не бандит!… И выйдя из подворотни, — зашагал навстречу темному пятну. Оно не двигалось. Когда я подошел вплотную, то увидел, что это — брошенные сани, на которых ничего не было. Около опущенных оглоблей снег был вытоптан и валялись остатки упряжи, большие клочья шерсти и волос. Там же темнели какие то пятна, по-видимому — крови.

Очевидно, здесь недавно разыгралась обычная трагедия этих дней. Лошадь либо пала, либо была убита кем то из живущих в ближайших домах. Достаточно было ей упасть, как со всех сторон сбегались голодные люди и буквально разрывали ее на части. А завтра — большинство из них, неумеренно поев мяса, умирало в страшных мучениях.

Иду дальше, снова никого…. Ветер, мрак леденящий холод. Подхожу к Невскому проспекту (переименованному большевиками в проспект 25 октября). На углу — группа людей. Оставаясь под защитой углублений какого то здания, осторожно присматриваюсь. Несомненно патруль. Среди разорванных туч на момент проглядывает луна…. Отчетливо видны винтовки. Патруль медленно двигается налево. Выхожу, миную угол и поворачиваю направо. Размышляю, что делать, ибо мне нужно пройти налево несколько кварталов по Невскому, чтобы потом опять свернуть в боковые улицы и по ним, наконец, добраться до дома, где жили мои родственники.

Справа, в сторону Николаевского вокзала двигается значительная группа людей. Когда они подошли ближе, я увидел, что это около двух взводов красноармейцев, идущих приблизительно в строю, в походной форме и с вещами. Очевидно, они куда то ехали по назначению и отправлялись на вокзал. Большими группами и воинскими частями, идущими в строю, патруль не интересуется, да и не имеет на это, по существу, права.

Жду, когда они пройдут и непосредственно примыкаю к ним. Спрашиваю у одного красноармейца — нет ли у него огня и, разговаривая с ним, прохожу мимо патруля, который не обращает на нас ни малейшего внимания.

Прихожу к своим около двенадцати часов ночи и провожу с ними несколько часов. Около пяти часов утра пускаюсь в обратный путь.

У ворот застаю того же дежурного офицера. Здороваемся приветливо, как старые знакомые.

— Ну, как? Благополучно сходили — спрашивает он.

— Да, вполне….

— Ну, вот, и отлично….

Большинство моих товарищей по выпуску было, в течение месяца направлено на фронт. У меня от истощения опухли ноги и при ходьбе нестерпимо болели. Получилась какая то смесь простуды с голодными отеками. Походка у меня была в это время довольно странная. Поэтому, при неоднократных наборах из резерва командного состава, для вновь формирующихся частей, меня не брали, видя, что я еле хожу и, по существу, от меня будет мало толка.

Было уже начало декабря. Мне все это так смертельно надоело, все это было так унизительно и противно, что я решил покончить с этим положением и отправиться на фронт. Ближайшие перспективы, которые открывал мне этот шаг, меня в этот момент устраивали: или быть убитым и разом покончить счеты с этой «очаровательной» действительностью или вытянуть «счастливый» билет в этой своеобразной лотерее, т. е. получить ранение или увечье и временно или навсегда освободиться от этого ужаса.

Это настроение было у большинства в начале войны. Никакой ненависти к немцам не было. Наоборот, — к ним относились по формуле: «во всяком случае, хуже не будет». Проявлялось любопытство и надежды, что они принесут благоприятные условия жизни для всего народа, или, во всяком случае, дадут толчок в сторону необходимых перемен. Воевать мало кто хотел, а защищать режим — еще меньше. Советский патриотизм встречался, главным образом, у комсомольской молодежи, разъагитированной советской пропагандой.

Но многолетнее господство большевистского режима сказывалось: нехотя, против своего желания, люди шли на фронт и умирали, боясь проявить чувство недовольства или протеста. Эта подавленность режимом и механическая привычка к повиновению, привычка вымуштрованного робота, боящегося сказать слово против своих поработителей, этот фактор был, есть и всегда будет в советской армии и это также должны иметь ввиду те, кто собирается, так или иначе иметь с ней дело.

Когда приехал представитель ленинградского военного округа, для очередного набора, я, превозмогши боль, встал в строй. Обходя наши ряды, приехавший майор заметил меня и обратившись ко мне сказал:

— Разве вы можете идти на фронт? Ведь вы больны.....

— Нет, могу, товарищ майор... Прошу меня назначить.....

— А почему вы в госпиталь не идете?.....

— Да ведь там такой же голод. Что толку то?

— Ну, все таки.....

— Прошу вас, очень, дать мне назначение.....

— Ну, хорошо, увидим....

Назначение я получил и на другой день, мы, группа офицеров, приблизительно в сто человек, двинулись пешком на формирование 182-й стрелковой дивизии.

Глава 4

ФОРМИРОВАНИЕ

1. На приеме у командира дивизии

В 10 километрах от северо-восточной окраины Ленинграда, вверх по течению Невы, в небольшом селении расположился штаб дивизии. Дивизии, собственно говоря, еще не было. Был только штаб.

Пройдя почти весь Ленинград и сделав около 25 километров, мы, к вечеру, усталые, голодные и замерзшие вошли в деревню, предвкушая ночевку в теплых избах. Почти совсем стемнело, когда все подошли к избе, где жил командир дивизии. Вышедший адъютант предложил нам войти, хотя и усомнился, что мы поместимся внутри. Однако, большие сени избы и вторая комната, в которой сидел командир дивизии, вместили почти всех. Лишь небольшое число осталось на улице.

Я вошел с первыми и стоял недалеко от командира дивизии. Это был немолодой, совершенно бритый человек, в чине полковника. Обрюзгшее, багровое лицо его не выражало особого присутствия мысли. Скорей наоборот.

Хриплым голосом поздоровавшись с нами, он начал говорить длинную речь о задачах офицерства в этой войне, о защите «социалистического отечества», о том, что его дивизия должна быть, конечно, лучшей из лучших и т. д.

В комнате стояла блаженная теплота. Онемевшие руки и ноги приятно ощущали, как повсюду проникает тепло. В воздухе отчетливо чувствовался запах водки и жареных блинов или пирожков. Эти запахи были мучительны для нас, съевших за весь день только двести грамм черного хлеба, смешанного с соломой.

Командир дивизии закончил свою речь….

— Теперь, товарищи командиры, — снова обратился он к нам — отправляйтесь на ночлег. В деревне мест нет. Устраивайтесь неподалеку в лесу. Там, кажется, имеются землянки. Вас туда проводят.

— Товарищ командир дивизии, — раздался чей то голос, — разрешите вопрос.

— Пожалуйста…..

— Нельзя ли нам получить, что-нибудь поесть. Ведь мы голодны. Почти ничего не ели.

— Нет, нельзя, так как вы зачислены на довольствие с завтрашнего дня. Завтра накормим, а пока спокойной ночи.

Делать было нечего. Мы вышли на улицу и в ночной темноте двинулись дальше. Пройдя с километр, мы вошли в лес. Наш проводник, пройдя немного, остановился и сказал:

— Вот здесь и располагайтесь…..

— Где?….

— Да, здесь…. Поищите около; тут заброшенные землянки имеются….

И сказав это он исчез…. Мы остались. Холод усилился, вероятно, достигая 30 градусов ниже нуля по Цельсию. Темнота, сугробы снега, темные слегка шумящие сосны, кусты — и это все. Многие из нас в отчаянии сели на пни, не зная, что делать. Раздались голоса:

— Что это — издевательство?

— Нет — приучают к военной обстановке….

— Вероятно, как цыган лошадь….

— Сволочи!….

— Товарищи не ругайтесь, этим не поможете. Давайте поищем землянки.

Начались поиски. Действительно, в соседнем овраге они были найдены. Но, что это за землянки! Это были скорее норы, наспех вырытые кем то и полузанесеные снегом. Ни окон, ни дверей и, конечно, никаких печей. Но другого ничего не было. Пришлось залезать в это своеобразное «жилище».

Нас собралось в одной землянке десять человек. Завесив вход плащ-палаткой, мы разложили костер. Выхода для дыма не было. Пришлось наспех проделать в крыше отверстие, что, однако, помогло очень мало. Кое как, прижавшись друг к другу, мы дремали, сидя в дыму и покрываясь толстым налетом сажи.

2. Командир батальона

Через несколько дней прибыл младший командный состав и постепенно, группами, стали присылать солдат. Я получил назначение в 492 стрелковый полк, адъютантом командира 2-го батальона. Получив назначение — пошел искать по лесу своего непосредственного начальника.

На окраине леса, в маленькой землянке, вмещающей не более шести человек, на которой висела надпись — «Штаб 2-го батальона», я застал нескольких лиц.

Командир батальона — старший лейтенант запаса, человек лет пятидесяти, принял меня не слишком любезно. Буркнув две-три фразы и прибавив к этому несколько крепких ругательств, совершенно неизвестно по какому поводу, он, не дав мне то, что называется опомниться, послал меня немедленно в штаб полка с каким то поручением.

Как выяснилось потом, он до войны жил на Урале и работал начальником финансового отдела в городском исполнительном комитете. Должность для местного масштаба довольно крупная и дающаяся только членам коммунистической партии. Малокультурный и грубый, он не мог произнести ни одной фразы, чтобы не закончить ее крепким, циничным и совершенно нецензурным ругательством. В штабной землянке брань буквально висела в воздухе. Комбат обычно не говорил, а только кричал на всех, пересыпая все свои слова, забористой бранью. Ругал он всех подряд, не считаясь ни с чем и ни с кем.

Вообще следует сказать, что нецензурная брань, стала неотъемлемым атрибутом красной армии. Ругались все, начиная с простого красноармейца и кончая генералами. Считалось, что без брани приказание или замечание звучит недостаточно «убедительно». Страшные, часто кощунственные ругательства сыпались со всех сторон, как из рога изобилия.

Один из наших командиров рот употреблял даже в обычном разговоре такое количество ругательств, так перемежал брань с обычными словами, что я заинтересовался и попытался подсчитать какое количество бранных слов, по сравнению с нормальным человеческим языком, он произносит. Произведенный подсчет дал следующие результаты: из 100 произносимых слов — 65 составляли брань.

Я останавливаюсь на этом факте потому, что брань — это один из симптомов, свидетельствующих о моральном состоянии армии. Брань была одним из дополнительных средств унижения и морального подавления — необходимым для того, чтобы держать людей в повиновении. Брань стала органическим свойством красной армии. На словах с ней иногда начинали, якобы, бороться, но на деле борющиеся с бранью, сами продолжали с большим

«вкусом» и уменьем виртуозно ругаться, где только можно.

Нас собралось пять человек. Кроме командира батальона, здесь же жил его помощник, комиссар батальона и «связной», т. е. солдат, работающий посыльным при штабе, приносящий пищу и так далее.

3. Пополнение

После бессонной ночи, проведенной за работой, т. к. работать можно было только по ночам, когда устанавливалось хотя бы относительное спокойствие и комбат переставал, наконец, ругаться, я был срочно вызван в штаб полка.

Когда я пришел в штаб, то около него увидел несколько сот людей, стоявших в строю. Это были солдаты, прибывшие на формирование. Когда я подошел поближе, то увидел людей, самых разнообразных возрастов, начиная с 35 и кончая 55 годами. Молодежи не было. Это были уже остатки человеческих резервов, которые командование наскребло внутри блокированного Ленинграда. Почти все люди были с признаками явной дистрофии. Многие вдруг выскакивали из строя и бежали в соседние кусты или под заборы. Эти люди страдали хроническими поносами, возникающими на почве голода. Дистрофик, получивший голодный понос, в тех условиях, в которых мы находились — верный кандидат на близкую смерть. Никакие медикаменты в этом случае не действовали.

Одетые в какие то подбитые ветром куртки, в обмотках и обычных ботинках, они коченели на холодном ветру, топтались и подрыгивали на месте, стараясь как то согреться. Передо мной была инвалидная команда, которой нужно было бы находиться в госпитале, а не приходить на формирование частей действующей армий. Кроме того, они были так одеты, что не могли воевать. В эту суровую зиму, да и вообще в России, зимой без теплой одежды, особенно без валенок, воевать невозможно. Передо мной были несомненные кандидаты на отморожение конечностей. Как их могли отправить в таком виде — оставалось непонятным. Я подошел и спросил одного из них: — давно ли они тут стоят.

— Около часу, товарищ лейтенант! Замерзли совсем. Скоро ли нас поведут куда либо?…

В штабе полка мне был дан список более чем на триста человек для формирования 2-то батальона. Сделав перекличку и кое как построив своих людей, я, для того, чтобы дать им согреться, почти бегом повел их в расположение батальона.

Доложив командиру батальона о прибытии людей, я хотел развести их по землянкам, где они могли бы зажечь огонь и как то обогреться. Но не тут то было!

— Оставьте стоять их в строю. — заявил «комбат». — Я хочу говорить с ними. А потом пусть сделают еще раз перекличку.

— Но, товарищ старший лейтенант, кончится тем, что они отморозят себе руки и ноги. Надо дать им отогреться.

— Не ваше дело…

И затем последовала совершенно «виртуозная» ругань.

К счастью, не обладая особым красноречием, комбат сказал только несколько слов, закончив свое выступление, как всегда бранью и передав список старшине роты («фельдфебелю»), ушел

восвояси.

Я сидел в землянке и слушал все происходящее. Взяв список, полуграмотный старшина, начал выкликать людей, медленно что то отмечать, снова выкликать тех же лиц, что то путать и так далее. Люди топали ногами, хлопали руками. Слышны были воз гласы:

— Да, что ты там канитель разводишь? Давай скорей. Ведь не лето.....

Не вытерпев, я выскочил из землянки и выхватив у старшины список, быстро начал делать перекличку. Через пятнадцать минут все было кончено и люди были разведены по землянкам.

Рано утром, еще до рассвета, я вышел из землянки на улицу. Шел густой снег, дул ветер, начиналась, по-видимому, метель. Справа вдруг послышались голоса, слова команды и топот ног. Какие то черные фигуры, размахивая руками, бегали и как то нелепо кружились между соснами, увязая по колено в снегу.

— Бегом марш! — послышалась снова...... Сбоку стоял сержант, старательно произносивший слова команды.

Увидев меня, он, дав команду — «смирно!», подскочил ко мне и отрапортовал:

— Товарищ лейтенант! Второй взвод пятой роты находится на физической зарядке!

— Что, да вы с ума сошли!

— Никак нет!... По распорядку дня с шести с четвертью до шести с половиной положено быть физкультурной зарядке....

— Да, вы поймите, товарищ Степанов, что если вы их так будете гонять каждый день, так они до фронта не дойдут; всех здесь закопаем. Распустите людей....

— Есть — распустить...

Вернувшись в штабную землянку, я доложил командиру батальона о происшедшем и решил поговорить с ним, чтобы как то создать более целесообразный режим, применительно к тем условиям, в которых мы находились. Изложив суть дела, я заметил, что физическая зарядка — прекрасная вещь в отношении здоровых людей, нормально питающихся, живущих, в более или менее, приемлемых условиях. Но для фактически уже больных людей, шатающихся от слабости, систематически недоедающих, живущих почти на снегу, такая «зарядка» ничего кроме вреда не приносит. Он, выслушав меня, ответил:

— Вы, товарищ Константинов, человек образованный, понимаете лучше. Вы, конечно, правы. Какая там зарядка. Им госпитальную койку надо, а не зарядку. Но приказ, есть приказ. Приказал округ проводить ее в прифронтовых условиях — проводим. Отменять не имеем права. Я, допустим, отменю, а мне потом нагоняй будет и пятнадцать объяснительных рапортов буду писать. К чему мне эта головная боль? Пускай себе лучше для отвода глаз побегают. И никто, начиная с командира дивизии, не решится практически отменить этот приказ.

Спорить было бесполезно. Но, спрашивалось — для чего вообще надо было собирать и мобилизовывать в Ленинграде этих голодных полумертвецов, когда за чертой блокады, по всей стране, было сколько угодно резервов из совершенно здоровых людей. Ведь контингент, который составлял нашу дивизию, по сути дела был небоеспособен и боеспособным стать не мог, потому, что мы находились в кольце блокады и наше питание составляло 250 грм. черного

хлеба низкого качества и некоторое количество в достаточной степени водянистого супа.

В декабре газеты принесли известие об остановке немецкого наступления под Москвой и о контрнаступлении красной армии, которое, однако, не оказалось достаточно эффективным. На остальных фронтах наступило известное затишье, связанное с зимним временем и недостаточной подготовленностью немецкой армии к русской зиме. Немецкие солдаты, не имея необходимого зимнего обмундирования, жестоко страдали от холода. В Германии стали собирать теплые вещи для армии, но было уже поздно. Зима свирепствовала во всю.

Петля блокады вокруг Ленинграда, жестоко затянутая немцами. несмотря на все попытки советского командования, не ослабевала. Осталась единственная лазейка, соединяющая Ленинград с остальной страной — юго-западная часть Ладожского озера. Через него, по льду ходил автомобильный транспорт, доставляя продукты и боевые припасы и увозя эвакуируемых людей, вернее полумертвецов. Этот проход для снабжения огромного города и армии защищавшей его был, конечно, недостаточен. Поэтому жестокий голод, сопровождаемый массовой смертностью, царил в кольце блокады. Ни одной кошки, собаки или крысы, нельзя было найти в черте города. Все было съедено. Ели столярный клей, варили из кожаных изделий «похлебку».

Все в больших масштабах стали проникать слухи об ужасных условиях, в которых находились солдаты и командиры красной армии в германском плену. Рассказывалось о массовых расстрелах, голоде и смертности от него, об ужасном обращении и тому подобное.

Выше уже говорилось, что солдаты красной армии, не желая защищать режим, как известно, массами сдавались в плен и охотно перебегали к противнику, видя в германской армии освободителя от большевизма.

И действительно, в передовых частях германской армии они находили хороший прием. Также хорошо о боевых частях немецкой армии отзывалось и все население оккупированных районов. Но как только пленные или население сталкивалось с военными и гражданскими учреждениями в германском тылу, картина менялась в обратную сторону.

К сожалению, правительство Германии отказалось в этой войне иметь своим союзником российские народы и заменило этот союз «восточной политикой» господина Розенберга. Оно стало воевать не только против СССР, но и против России, т. е. против народов ее населяющих, отождествляя одно с другим.

Сразу восстановив всем этим против себя народы, населявшие СССР, оно уже в конце 1941 года предрешило свое собственное поражение. И первым симптомом этого была неудача под Москвой.

Правительство Гитлера воевало не только против СССР, т. е., в первую очередь против большевиков, а оно повело войну и против всего порабощенного большевиками народа, считая его «унтерменшем» и соответствующе относясь к нему.

Если бы Германия, после вступления ее армии в Россию, немедленно бы создала российское национальное правительство, а из массы пленных — российскую освободительную армию, то немецким солдатам не пришлось бы вообще сражаться на территории СССР.

Если бы правительство Германии, введя свои войска в СССР, повело дружественную политику по отношению к населению и соответственно относилось бы к пленным и объявило бы войну — освободительной борьбой против коммунизма, события развивались бы совершенно иначе.

Российская освободительная армия немедленно выросла бы как снежный ком и, превратив начавшуюся войну в войну гражданскую, закончила бы почти без помощи немецкой армии начавшуюся борьбу. Страна взорвалась бы как пороховой погреб, советский строй рухнул и ушел бы навсегда в вечность. Трудно говорить о том, что последовало бы за этим и как окончилась бы вторая мировая война, но, что угроза коммунизма навсегда исчезла бы из мира, это совершенно несомненно.

Однако, события шли своим чередом. Доходящие сведения о судьбе пленных оказывали свое действие. Советская пропаганда, воспользовавшись этим, стала неимоверно раздувать полученные данные, запугивая ими армию. На всех политзанятиях комиссары и политруки вылезали из кожи вон, стремясь доказать, что немцы хотят поработить русский народ, что они издеваются и убивают пленных, уничтожают мирное население и т. д.

Одновременно появились первые сведения о партизанских антинемецких отрядах, действующих в немецком тылу. Это тоже косвенно подтвердило распространяющиеся слухи.

В результате, уже к концу 1941 года, массовые и групповые сдачи в плен прекратились, резко уменьшилась индивидуальная сдача в плен и добровольный переход на сторону противника.

Имея все данные выиграть войну и будучи сильнее в военном отношении, Германия проигрывала ее политически.

Красноармеец и офицер красной армии психологически попадал между двух огней. С одной стороны, надоевший всем советский режим, гонящий его на свою защиту, угнетающий его, но все таки как то дающий жить, с другой — противник который оказывается идет не освобождать, а подавлять, уничтожать и порабощать. И, пожалуй, второе будет хуже первого. Так лучше, думает он, я пока останусь с советским режимом и буду защищать свою семью свой народ, ибо иначе всем «капут». А с советской властью мы посчитаемся потом!.....

Таков элементарный ход рассуждений рядового военнослужащего. и это явилось основной причиной, почему армия стала драться. Неблагоприятную роль для репутации немцев сыграла и блокада Ленинграда, истребившая сотни тысяч мирных жителей.

4. Суд

Среди офицеров нашего батальона исключительно приятное впечатление производил лейтенант Васильев — командир хозяйственного взвода. Кинорежиссер по специальности работавший в Ленинграде, он был неожиданно для себя призван и направлен в армию на должность техника-интендант 2-го ранга. Ему поручили командование хозяйственным взводов батальона.

В задачу взвода, состоявшего большей частью из нестроевых солдат, входило снабжение батальона боевыми припасами, инструментами, продуктами и организация приготовления пищи. В условиях всеобщего голода, работа по снабжению продуктами представляла большие трудности. Их крали все кто только мог. Надо было быть настоящим «цербером», чтобы оградить доставляемое питание от каких либо хищений. И Васильев — этот интеллигентный, культурный, мягкий и крайне вежливый человек, при самом добросовестном отношении к делу, не мог, конечно, справиться в этом смысле со своей командой.

В результате, какой то очередной контроль обнаружил перерасход и пропажу довольно значительного количества продуктов. Васильев был немедленно снят с должности и отдан под суд.

Через несколько дней, в помещении штаба полка, его судил военный трибунал. Суд был короток, немногословен и чисто «формален. Напрасно Васильев доказывал, что в этих условиях, он не в состоянии один следить за каждым действием каждого красноармейца его взвода. Напрасно все свидетели в один голос говорили о безусловной добросовестности и честности Васильева, о его исключительно внимательном отношении к делу. Указывалось и на то, что Васильева, пользуясь его неопытностью, обманывали и лица, выдающие продукты в хозяйственном отделе полка.

Суд стоял на чисто формальной точке зрения. Раз лейтенант Васильев — командир хозяйственного взвода, он отвечает за все в нем происходящее и, следовательно, он виновен в хищении продуктов. Приговор был быстрый и беспощадный — пять лет концентрационного лагеря, с отбытием его после окончания войны. А пока — пожалуйте воевать!

5. «Чрезвычайное происшествие»

В красной армии имеется термин — «чрезвычайное происшествие», под которым понимается всякое событие неожиданно нарушающее нормальный ход жизни воинской части. Не обошлось без него и у нас в батальоне.

Было около 11 часов дня. Во всех взводах шли занятия, по заранее установленному расписанию. В землянке 2-го взвода 6-й роты шло изучение боевых гранат.

Неожиданный удар от разрыва гранаты прервал нормальный ход жизни. Когда почти все люди выскочили из землянок, их глазам представилось следующее зрелище. Из входного отверстия землянки 2-го взвода выползала струя серого дыма. Снизу из землянки неслись душераздирающие крики и вопли:

— Помогите!... Помогите!. Ой-ой! ой!.... Товарищи! Доктора!... Скорее!... Ой-ой-ой!.....

Из серой струи дыма, выходившего из землянки, выскочило несколько человек. Бледные, окровавленные, они в ужасе куда то побежали. Несколько человек побежало за ними.

Командир 6-й роты, вместе со старшиной, спустились вниз. Вслед за ними прибежал батальонный фельдшер с санитарами.

Из землянки стали выносить раненых и убитых. В результате разрыва боевой гранаты, в землянке оказалось четыре человека убитых, девять раненых к два контуженных. Разрыв произошел благодаря неосторожности одного из красноармейцев, который рассматривая гранату, дернул за спусковое кольцо запала. Он был, конечно, убит наповал.

Этот случай наглядно иллюстрировал, что учебные занятия, даже в полуфронтовых условиях, если и должны проводиться, то во всяком случае, с применением мер предосторожности против несчастных случаев.

Вечером к нам в штаб приехала комиссия военного НКВД. Подробно расспрашивали всех о том, как произошло это чрезвычайное происшествие. Особенно долго допрашивали командиров роты и взвода, которые в это время находились в штабе батальона. Из вопросов, задаваемых комиссией, ясно было, что подозревали вредительство, подрывную деятельность «фашистских элементов». К их глубокому сожалению, основные виновники происшедшего уже были мертвы. Делать было нечего и комиссия уехала ни с чем.

Если говорить откровенно, то, конечно, никакого «вредительства», в данном случае, не было.

Была или просто неосторожность или неожиданное и непродуманное самоубийство, пришедшего в отчаяние человека.

——

26-го декабря пришел приказ о переброске нашей дивизии на юго-восточный участок ленинградского фронта. В ночь с 26 на 27 декабря 1941 года, дивизия в походном порядке двинулась по направлению станции Мга, лежащей на северной железной дороге, в 45 километрах от Ленинграда.

Глава 5

НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ

1. В походной колонне

Стояла морозная, безлунная декабрьская ночь. Черное бездонное небо, с ярко горящими звездами, безмолвно смотрело на безумство, происходившее на земле. Окутанная туманной дымкой тридцатиградусного мороза, походной колонной, пешком, дивизия двигалась к месту своего назначения. Это даже не была колонна. Это был поток беспорядочно идущих людей и санного обоза, запряженного лошадьми, которым надо было все время помогать и подталкивать сани. Люди шли закутавшись в одеяла, в какие то шарфы и еще во что то непонятное Наша дивизия напоминала скорее отступающих французов в войне 1812 года, чем воинскую часть, идущую на фронт.

Мороз захватывал дыхание. Выходящий пар осаждался на головных уборах, на волосах, на ресницах, бровях, в виде белого инея, превращаясь в кусочки льда. Люди медленно шли, под ногами скрипел снег и этот скрип, повторенный несколькими тысячами ног, превращался в какой то странный гул, отдалённо напоминавший шум водопада

Мы должны были войти с севера в Ленинград, пройти его восточную окраину и выйти на шоссе, идущее вдоль реки Невы.

Уже с самого начала похода часть людей начала отставать. Всем комиссарам и политрукам рот был дан приказ идти обязательно сзади своих подразделений и подгонять отстающих. А отстающих и просто выходящих из колонны и ложащихся на землю было много. По мере продвижения дивизии, их было все больше и больше. Приходилось из за них останавливать всю колонну. Их уговаривали политические работники; сначала это помогало. Люди подымались и, пошатываясь, как то брели дальше. Но скоро этот метод воздействия перестал помогать. Тогда, вместо «культурных» и «идейно-выдержанных» уговоров, посыпалась грубая площадная брань, затем толчки, пинки и, наконец, удары ногами. Использовав все способы воздействия, наши политруки остервенели и начали избивать лежащих людей, добиваясь, чтобы они встали и шли дальше.

Несомненно, что все отставшие от дивизии, и легшие или севшие на снег, были обречены на смерть. Большинство из них, те. которые не симулировали, а безусловно не могли идти, на таком морозе очень скоро бы замерзли. Остальные, конечно, разбежались бы. Видя в каждом отстающем дезертира и симулянта наши политруки выходили из себя. Им на помощь пришли командиры взводов, рот, старшины и сержанты. Ругань, понукание, вопли и стоны висели в воздухе.

Но, несмотря на все старания, всех поднять не удалось и, по прохождению дивизии, на ее пути оставались лежащие, медленно замерзающие люди. Подбирать их было некому. Не будучи на фронте, дивизия несла уже потери.

Когда наш полк, шедший в голове колонны, вступил в Ленинград, мимо нас, на лошади, обгоняя всех, пронесся командир полка, комиссар и ординарцы. Вдоль колонны на лошадях стали проезжать какие то офицеры, появился начальник особого отдела штаба полка (военное НКВД).

Каждому офицеру был передан приказ, зорко смотреть за своими подчиненными.

Дивизия, состоящая сплошь из ленинградцев, вступала в свой родной город. Начальство принимало меры, опасаясь массового дезертирства. Но несмотря на эти меры, некоторое количество людей сбежало. Да и можно ли было усмотреть за всеми в темных, ночных улицах, затемненного, полумертвого, голодного города. Достаточно было сделать два-три шага в сторону и человек мог юркнуть в любой переулок, разбитый дом, подворотню и т. д.

Едва ли сбежавшие в эту ночь выиграли, что либо. Они попали в свои умирающие от голода семьи, как дезертиры должны были скрываться и превратиться, в конце концов, в бандитов, в целях добывания пищи. Ведь получить официально, что либо, при том жестоком продовольственном режиме, который царил в Ленинграде, они, конечно, не могли. Но, видимо, люди предпочитали умереть от голода в своей квартире, чем идти в морозную даль сражаться за «великого Сталина».

2. На фронте

После мучительного ночного марша, наш полк, еще до рассвета, подошел к месту своего назначения. Мы находились на маленькой железнодорожной станции, — в полутора или в двух километрах от передовых позиций. Уже издалека мы видели фронт, очерченный светящейся линией ракет, непрерывно бросаемых с немецкой стороны, в целях освещения местности.

Здесь, на станции, занесенной сугробами, с развороченным станционным зданием, с воронками на частично разбитых путях, был отчетливо слышен пулеметный огонь. Иногда раздавался свист и, где то неподалеку рвалась немецкая мина.

Но на станцию еще подходили небольшие составы с боевыми припасами и продуктами и, по наскоро починенным путям, ходил маневровый паровоз, спокойно посапывая и ободряюще покрикивая короткими свистками.

В ста метрах от станции стояли два полуразрушенных здания казарменного типа. Нашему батальону было приказано в них располагаться. Остальные батальоны были направлены в другое место. К счастью, в большинстве громадных комнат оказались действующие печи и скоро запылал яркий огонь, около которого жались окоченевшие люди. Наскоро закрыв чем попало разбитые окна, мы принялись устраиваться.

Придя в штаб батальона, расположившийся в первом этаже, я узнал новости, которые частично касались и меня. Пришел приказ о том, что наш батальон должен стоять во второй линии обороны, в том месте, где мы находились и, по мере надобности, поочередно с другими частями, высылать роты и взводы для несения боевой службы на передовой линии фронта.

Несмотря на то, что мы находились на фронте, было приказано проводить с красноармейцами занятия по обычной программе.

Далее, я узнал, что прошлой ночью, помимо рядовых, сбежавших в Ленинграде, дезертировал и командир 2-го взвода пятой роты. Дезертирство офицера тоже — «чрезвычайное происшествие» и командира батальона уже допрашивали в полковом НКВД. Он смотрел мрачнее тучи и беспрерывно неприлично ругался.

В виду того, что не было ни одного свободного офицера для командования взводом, он прикачал мне принять взвод и отправиться в распоряжение командира пятой роты. Давая это распоряжение он не хотел, вместе с тем, остаться без адъютанта, а поэтому брань по адресу всех и вся сыпалась особенно обильно.

Несмотря на то, что мне абсолютно не улыбалось командовать взводом, я был рад, что, наконец, смогу освободиться от этого постоянного шума и крика и, не без удовольствия, отправился в расположение пятой роты, где любезно был встречен ее командиром, кадровым лейтенантом красной армии.

3. На допросе в НКВД

Переходя в пятую роту, я меньше всего мог предполагать о тех неприятностях, которые должны были обрушиться на меня. На другой день с утра начались занятия. После беседы политрука о политической обстановке сегодняшнего дня и о положении на фронтах, должно было начаться изучение боевых свойств оружия. В расписании стояло: изучение боевых свойств гранат.

Памятуя только что происшедший несчастный случай, я приказал сержантам, проводящим занятия по отделениям, вынуть запалы из гранат и изучать гранату и запал отдельно друг от друга. В этом случае разрыва гранаты быть не могло.

Дав указания, я стал переходить от одного отделения к другому, прислушиваясь к тому, как ведутся занятия и, если нужно вмешивался в них. Подойдя к одному из отделений, — присел около него. В последнее время я особенно плохо себя чувствовал и почти не мог стоять. Только я сел, как вдруг с противоположного конца залы раздался крик:

— Бросай, бросай, бросай же скорее!... — и знакомое каждому шипение гранатного запала. Я буквально обомлел. Из за высоких нар отделяющих меня от происходящего, я не мог ничего видеть. Но от знакомого звука меня моментально бросило в пот. На руках у взвода были, так называемые гранаты оборонительного действия, отличающиеся особой силой взрыва и большим количеством осколков. Я понял, что если запал в гранате, то сейчас произойдет взрыв и, в этот раз, уже будет убитых и раненых втрое больше, чем в прошлый.

Услышав шипение запала большинство бросилось на землю. Все это было лишь мгновение. Раздался треск взорвавшегося запала, чей то стон, ругань и крики — «санитаров!».

Взрыва гранаты не было. Я подбежал к месту происшествия. На нарах сидел красноармеец Михайлов и стонал. На правой руке у него было начисто оторвано два пальца, а третий сильно поврежден. Около него суетился санитар.

Я обратился к сержанту. Он, отойдя со мной в сторону, рассказал мне, следующее: когда он объяснял устройство запала, то вынув его из гранаты, — передал слушателям для обозрения. Когда, передаваемый из рук в руки, запал дошел до Михайлова, то тот почему то стал его вертеть, выдернул кольцо и отпустил предохранитель. Запал пришел в действие. На крик сержанта — «бросай скорее», он продолжал держать запал в правой руке. В результате получился взрыв.

Сам по себе взрыв запала, без гранаты, настолько незначителен, что не представляет ни малейшей опасности; но, если он вдруг происходит в зажатой руке, то последствия, конечно, будут не особенно приятные, что мы и имели, в данном случае, налицо. Михайлов был старый и опытный солдат, прошедший финскую кампанию; он прекрасно все это знал. Передо мной был несомненный случай самоповреждения или, как говорят в красной армии — «самострела», с целью освобождения от военной службы. Того же мнения придерживался и сержант, проводивший занятия.

Я понял, что если этот случай будет расценен как самоувечье, то Михайлову грозит расстрел, а нам куча всяких неприятностей. Допросов в «особом отделе» все равно не избежать, но, во всяком случае, все пройдет значительно легче, если это «чрезвычайное происшествие», будет расценено только как несчастный случай. Мы с сержантом договорились свидетельствовать только, именно, так.

Отправив раненого в полковой госпиталь, я, написав рапорт командиру роты о случившемся, стал продолжать занятия.

После обеда меня вызвали вместе с командиром роты, к командиру батальона, где прослушав очередную порцию брани, мы заявили о том, что это только несчастный случай.

Поздно вечером, около 11 часов, за мной прислали рассыльного из штаба полка. Я знал, что это значит.

В штабе полка, дежурный офицер, мой хороший знакомый, поздоровавшись со мной, молча показал мне на дверь с лаконической надписью — «особый отдел».

Предварительно постучав, я вошел. В комнате горела маленькая настольная лампочка, освещая стол и двух людей, сидевших за ним. Остальное было в полутьме. Один из сидевших был начальник особого отдела полка, другой — незнакомый мне, со знаками отличия майора, был следователь, прибывший от куда то «сверху». Мне предложили сесть. Начался обычный опрос, общего характера, которым предваряются все разговоры в этого рода учреждениях: фамилия, имя отчество, год рождения, где родился, социальное положение, происхождение и занятия родителей, довоенная профессия и род занятий, были ли под судом и, наконец, имеете ли родственников заграницей, переписываетесь ли с ними: были ли заграницей, есть ли репрессированные советской властью родственники, имеете ли с ними связь.

Поинтересовавшись, когда и при каких обстоятельствах я попал в армию и какова моя военная подготовка, он перешел непосредственно к обстоятельствам дела. Предварительно он подчеркнул, что совсем недавно, на формировании, в батальоне в котором я служил, уже был случай со взрывом гранаты, теперь же почти аналогичный случай, происходит в моем взводе: он, конечно, думает, что это простое совпадение, но, вообще, все это может показаться несколько странным и, поэтому, он мне советует быть совершенно откровенным, т. к. это для меня будет значительно выгоднее.

Зная, что будет допрос, я заранее договорился с моим сержантом, проводившим занятия и с двумя другими возможными свидетелями, которые действительно видели все во всех деталях, о том, чтобы не губить Михайлова и говорить, что это несчастный случай. Остальные свидетели красноармейцы были мне не опасны. Они, занятые в это время чем то другим, толком ничего не видели, а при крике сержанта — «бросай», кинулись на пол и на мои расспросы ничего сказать не могли. Свидетелей, не присутствовавших при этом происшествии, как, например, командира роты, которого обязательно должны были вызвать, я не боялся, ибо по существу дела они ничего сказать не могли.

Я изложил следователю все происшествие так, как оно было.

На вопрос, как я расцениваю случившееся, мною был дан ответ, что это несчастный случай, происшедший, с одной стороны, в силу недостаточной опытности красноармейца, а, с другой стороны, потому, что он растерялся и не знал, что делать.

— Но, вы знаете, лейтенант, — заявил следователь, — что ведь формально вы, как командир взвода, целиком отвечаете за происшедшее?

— Я знаю, но мне кажется, что моя ответственность делается компетенцией судебных органов, лишь в том случае, если вы найдете в моей работе какие либо упущения, приведшие к «чрезвычайному происшествию?...» Командир может выполнять абсолютно добросовестно свои обязанности, но нельзя требовать от него ответственности перед судом за то, что какой-нибудь осел начнет забавляться с оружием и прострелит себе руку или ногу! Формально я отвечаю за происшествие, но лишь в пределах служебной дисциплины и воинских уставов. Но, мне кажется, что в случившемся нет никакого преступления, а потому едва ли можно говорить о моей ответственности перед следственными органами.

— Да, частично вы правы, но мы исследуем как вы проводили занятия и вообще работали в части как командир и сделаем необходимые выводы. Но, вы все же настаиваете, что это был несчастный случай, а не самострел? — глядя в упор на меня, задал мне вопрос следователь. — Ведь, насколько мне известно, Михайлов был опытный красноармеец, а вы говорите, что это случилось «в силу недостаточной опытности?....»

Откровенно говоря, я немного растерялся, но это было только мгновение. В следующий момент ответ уже созрел. Глядя в упор на следователя, я ответил:

— Да, у меня сложилось твердое убеждение, что это был несчастный случай, а не самострел. Это видно из обстоятельств дела, изложенных мною. Что касается Михайлова, то он является простым колхозником, жившим в 80 километрах от Ленинграда, в районе станции Елизаветино. Насколько мне известно, никаким особым опытом военной службы он не обладал, а впервые попал в армию во время советско-финской войны и служил в каком то обозе ездовым. Более, чем вероятно, что он никогда не держал в руках гранату оборонительного действия. Поэтому, я не вижу никаких оснований утверждать обратное.

— Да, но учтите, что если нет оснований, то в задачу НКВД именно входит — найти их. И всякому, кто попытается нам мешать или обманывать — не поздоровится. Вам понятно?... — Да, конечно....

— Подпишите протокол и можете идти, — сказал он, подавая мне исписанный им лист. — Мы еще наведем справки о вашей работе и тогда поговорим.....

Просмотрев протокол, я подписал его и вышел. В комнате штаба сидел сержант, командир отделения, в котором служил Михайлов.

Меня больше не вызывали. И сержант, и еще два свидетеля единодушно подтвердили мои показания. О моем отношении к делу командиры роты и батальона дали положительные отзывы. Прицепиться, как говориться, было не к чему. Но пострадать в этом случае кто то должен. Им совсем неожиданно оказался командир роты.

Он, конечно, не был виноват, но им был недоволен комиссар батальона и хотел от него избавиться. Это и послужило действительной причиной его освобождения от должности. Ему предъявили обвинение, вернее придрались, что он, опытный кадровый офицер, не проверил

лично, как проводятся занятия во взводах и, в частности, в моем взводе, ибо я только начинал службу в армии, не имел опыта и нельзя было меня предоставить самому себе.

Нелепость этого решения была очевидна, но этому удивляться в красной армии не приходится. Впрочем, как это часто бывает во время войны, этот неприятный инцидент спас командиру роты жизнь, т. к. он не участвовал в последующих губительных для нашего полка операциях. Пока же он был отчислен от должности и причислен к резерву полка. Судьба же красноармейца Михайлова мне осталась неизвестной.

4. «Патриоты»

Состояние личного состава дивизии, в частности нашего полка, наконец, начало беспокоить начальство. Люди все больше и больше слабели от голода. 200–250 грамм промерзлого, хлебоподобного суррогата и литр какой то непонятной бурды делали свое дело. Но это еще было ничего. Гражданское население не имело и этого. В блокированном Ленинграде царила ужасающая смертность. Трупы уже не хоронили, а просто складывали на улице как дрова.

Видя явную небоеспособность многих красноармейцев, начальство решило от них отделаться и демобилизовать. Практически это означало обречь их на окончательную гибель, ибо отпущенные по домам, они, естественно, должны были вернуться в Ленинград, где их стерегла голодная смерть. Вывозить их через Ладожское озеро из кольца блокады, конечно, никто не собирался.

После длительных совещаний, из нашего батальона было выделено для демобилизации около сорока человек.

Незадолго до дневной раздачи пищи, все эти лица были выстроены перед штабом батальона. К ним вышел командир батальона с ротным писарем. Сказав им несколько слов о причинах их отчисления из армии и посожалев, что они пока, по состоянию здоровья лишены возможности, принять непосредственное участие в защите родины, он выразил надежду, что впоследствии, поправившись, они, конечно, с радостью вернутся в «родную красную армию». Затем, сказав, что им всем будет дан «обед» и дневной рацион хлеба, — сообщил, что перед вечером приедут специальные грузовые машины для доставки их в город. После этого комбат приказал писарю раздать всем соответствующие документы, присланные из штаба полка.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите вопрос — раздался из строя голос.....

— Да....

— Куда мы должны предъявить, выданный нам документ?

— В районный военный комиссариат, по месту вашего жительства, а он даст вам дальнейшие указания о получении соответствующих общегражданских документов. Точно порядок я не знаю, но вам там скажут....

— А сейчас идти можно?...

— Можно, но получите продукты, да и куда вы по морозу пойдете пешком, ведь далеко, не дойдете.

Комбат ушел. Писарь роздал документы. Послышалась команда — «разойдись!»

Один миг и людей не было. Они все куда то бежали. Схватив свои вещевые мешки, они почти бегом выскакивали на улицу и неслись по направлению к шоссе, ведущему в Ленинград. Через несколько минут никою не было. Был забыт и обед, и хлеб, и машины и все. Лишь на шоссе чернели группы людей, куда то торопившихся и с опаской оглядывавшихся назад.

5. Перед наступлением

Дня через два после этого, командир батальона был вызван на совещание в штаб полка. Вечером того же дня он созвал совещание всех офицеров. На нем было объявлено, что мы должны были перейти в наступление и, прорвав линию немецкой обороны, выполнить ряд заданий верховного командования красной армии.

Мы были поражены. Всем было совершенно ясно, что никакое наступление для нашей дивизии было невозможно, во первых, в силу того, что мы имели дело с опухшими от голода людьми, годными лишь, в лучшем случае, для несения тыловой службы, а во вторых потому, что моральное состояние дивизии и нашего полка, в частности, свидетельствовали о полной невыполнимости этого приказа в данный момент. Но приказ есть приказ. Командир батальона продолжал давать указания командирам рот, объясняя обстановку и устанавливая конкретные цели наступления. На вопрос о том, будет ли поддерживать наш полк артиллерия, комбат ответил, что нас будут поддерживать минометный дивизион и полковая артиллерия, кстати сказать, стоявшая в полном бездействии из за отсутствия снарядов.

Давая приказания, командир батальона конкретизировал их в отношении отдельных взводов. Покончив разговор с командиром четвертой роты, весьма критически слушавшем комбата и в конце разговора равнодушно процедившем сквозь зубы — «и расколошматят же нас….» (с прибавлением крепкого ругательства), комбат перешел к пятой роте. Очередь дошла и до меня.

— Вам, товарищ Константинов, ставится следующая задача: ваш взвод должен находиться здесь.

Комбат ткнул пальцем на карту, а затем и на план местности, с нанесенной на ней линией обороны наших войск и обороны противника.

— Во время наступления — продолжал он — вы должны, совместно с первым и вторым взводом, прорвать линию обороны противника, а затем, продвигаясь дальше, выйти вот сюда, к хутору «Песочный»….

Он ткнул пальцем в точку, расположенную глубоко в тылу у противника.

— Разрешите узнать на какой глубине от нашей передовой линии находится хутор «Песочный?»

— На расстоянии семи километров.

Я невольно улыбнулся. Переглянулись и другие. Комбат заметил это.

— Чего вы смеетесь?….

— Ну, как же не смеяться…. Ведь нельзя же всерьез думать, что взвод, находясь в атакующей роте, состоящей из полуживых людей, прорвет линию весьма глубокой, укрепленной и совершенно не исследованной немецкой обороны и затем эти двадцать человек должны — еще выполнить особое задание, пройти с боями семь километров и взять хутор. Ведь это же какое

то безумие. Реально эти люди будут все скошены пулеметами, Прежде чем они успеют пройти эти четыреста метров до немецких окопов. Ведь бегать и переползать они почти не в состоянии!….

Остальные офицеры начали меня поддерживать. Вмешался комиссар.

— Товарищи, не наше дело обсуждать приказ! Мы здесь для того, чтобы сражаться, а если нужно и умереть за родину. Раз имеется приказ, то значит он был продуман и обсужден в штабе дивизии. И там лучше знают, что можно и чего нельзя делать. Мы должны выполнить его, выполнить наш почетный долг и прорвать немецкую оборону. Нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять, сказал товарищ Сталин. И мы все партийные и непартийные большевики отдадим свои жизни за родину и великого Сталина, за наших близких и родных людей, находящихся в осажденном городе, ждущих от нашей героической армии прорыва блокады. Мы наступаем не одни. Наш батальон лишь маленькое звено в общем наступлении на этом участке фронта.

Совещание было окончено. Мы разошлись, думая свои невеселые думы.

6. На передовой линии обороны

На другой день, 31 декабря, вечером, меня снова вызвали к командиру батальона.

— Товарищ Константинов, надо детально исследовать передовую линию противника на порученном нам участке и тщательно засечь положение его огневых точек, а особенно станковых пулеметов и выяснить систему их огня. Возьмите несколько человек и отправляйтесь сегодня на ночь на передовую. Там сейчас дежурит первый взвод четвертой роты. Ну, и вы вместе с ними.

Взяв семь красноармейцев своего взвода и накинув маскировочные белые халаты, я, около девяти часов вечера, отправился на передовую. Узкими, едва заметными тропинками, в полнейшей темноте, как какие то белые привидения, мы пробирались вперед. При отблесках немецких ракет, мои красноармейцы были похожи на мертвецов, вышедших из гробов.

«На смерть обреченные», — мелькнуло у меня в голове, в один из таких моментов.

Кончился лес и мы шли по неглубокому оврагу. Над нами, как светляки летней ночью, стали летать трассирующие пули. Некоторые из них, с характерным свистом, ударялись в противоположный склон оврага. Иногда с воем проносилась мина и с грохотом рвалась где то позади нас. Немцы вели редкий методический огонь, беспрестанно обстреливая из минометов наши ближайшие тылы.

Пройдя немного, мы свернули в узкий проход, вырытый в склоне оврага, и вошли в наши окопы. Они были неглубоки и едва закрывали нас по грудь.

Днем, во весь рост, ходить по ним было нельзя.

На участке нашего дежурного взвода было вырыто три землянки, обогревающихся печкой. Мороз крепчал и все стремились занять место поближе к огню. В пустых окопах, у пулеметов, прохаживались дежурные пулеметчики, постукивая ногами, делая энергичные движения руками, чтобы как то согреться. Их приходилось сменять через полчаса. Больше простоять на этом холоде было невозможно.

Немцы вели все время редкий ружейный огонь и изредка давали короткие очереди из пулеметов. Это дало мне возможность довольно быстро определить их местонахождение. Местность беспрерывно освещалась ракетами.

Оставив своих людей в одной из землянок и, взяв с собой одного красноармейца, я стал вести необходимые наблюдения. Окончательно закоченев, мы отправились обратно в землянку.

В ней находился командир дежурною взвода, сидевший в весьма расстроенных чувствах. Оказывается, что у него сбежало в этот вечер шесть красноармейцев; это был результат того, что они узнали о предполагаемом наступлении. Сохранившиеся на снегу следы, говорили о том, что люди ушли к немцам и, что последние будут знать о готовящемся прорыве их обороны.

Командир дежурного взвода не напрасно был расстроен. Побег, да еще на сторону противника, означал весьма длинные, неприятные и еще неизвестно с какими потенциальными возможностями разговоры и допросы в «особом отделе».

К его счастью, в эту же ночь, в соседнем батальоне сбежал почти целый взвод, и это событие настолько затмило все иные; что дело о шести красноармейцах, на этот раз, прошло довольно «тихо» и гладко.

7. Через Ладожское озеро

Утро застало меня на передовой линии. Новый 1942 год встретил нас ярким солнечным, морозным днем. Противник безмолвствовал. Лишь изредка свистела шальная пуля. выпущенная куда то наугад. Между нами и немецкой линией окопов было, приблизительно четыреста метров. На отделявшем нас пространстве земли, росли мелкие реденькие кустики, а за ними начиналась широкая полоса проволочных заграждений противника. Внимательно осмотрев в бинокль передний край его обороны и сопоставив результаты этого наблюдения с данными, полученными ночью, я направился с докладом к командиру батальона.

Но докладывать мне не пришлось. Наверху, где то, наконец, спохватились и отменили приказ о наступлении. Кроме того, через Ладожское озеро прибыли свежие подкрепления из Сибири. В ближайшие дни, нас уже сменяла одна из вновь прибывших дивизий, а мы должны были быть переброшены за кольцо блокады, для отдыха и поправки.

Снова снежный поход, эшелон, нетопленые вагоны, холод… На железных листах раскладываем в вагонах костры. Кое кто мастерит из жестянок жаровни.

Снова Ленинград…. Во избежание дезертирства, все двери вокзала запираются, дежурят патрули. Все таки исчезает несколько человек. У меня во взводе сбегает часовой, дежуривший у дверей вагона. Остались только винтовка, противогаз и патроны.

Наконец, после двухдневного пути, который обычный поезд пригородного сообщения проходил в два часа, подъезжаем к истокам Невы, по ее правому берегу и останавливаемся на последней станции, на берегу Ладожского озера.

Стояли жестокие январские морозы. Все деревья и строения, помимо снега, покрылись толстым слоем морозного инея.

Своеобразный вид представляла собой та железнодорожная станция, на которой мы высадились для переброски через Ладожское озеро. Это был единственный пункт, через который Ленинград сообщался с внешним миром. Через него вывозились гражданское

население и воинские части, считавшиеся небоеспособными. Через него (и это было главное) ввозились продукты, боевые припасы и свежие войска для осажденного города. Но, так как пропускная способность его была невелика, а единственная железная дорога на Ленинград невероятно загружена, то этот пункт представлял из себя своего рода воронку, через которую медленно просачивалось все двигающееся и в ту и другую сторону.

Скопление людей, мешков с продуктами, ящиков со снарядами и патронами, все это под открытым небом, на тридцатиградусном морозе. Повсюду горящие костры (только днем), стоящие и сидящие вокруг них люди.

От этого пункта, на другой берег озера, шла по льду автомобильная трасса, протяжением в пятьдесят километров. Эту дорогу почти беспрерывно бомбила германская авиация. Бомбы, пробивая лед, образовывали громадные полыньи; вода заливала дорогу и снова замерзала. Поэтому, почти каждый день, на отдельных участках дорога меняла свое направление. Получалась зигзагообразная линия, еще больше удлинявшая путь и задерживающая автомобильный транспорт.

На всем протяжении дороги торчали разбитые машины, лежали какие то обломки, разбросанные трупы людей и животных.

Непрерывный шум автомобильных моторов наполнял воздух. Машины все время курсировали в обе стороны. Измученные непосильной работой, холодом и бессонницей, шоферы выполняли из последних сил свою опасную и ответственную работу.

Наш полк выгружается и мы присоединяемся к ожидающим погрузки на машины. Они постепенно подходят. Начинается погрузка. Наша рота дожидается очереди. Хотим развести костры, но нет ни пил, ни топоров, чтобы срубить дерево и приготовить дров. Разбиваем какие то ящики и зажигаем их.

Один из сержантов показывает мне на какую то странную кучу, занесенную снегом. Оказывается — замерзшие трупы.

Подходит из Ленинграда эшелон с эвакуируемым гражданским населением. Некоторые выходят сами, других выводят под руки. Из опустевших вагонов вытаскивают с десяток полумертвецов. Это, так называемые, «доходяги», т. е. умирающие люди, находящиеся уже без сознания. Только слабые судорожные движения свидетельствуют, что в них еще есть признак жизни. Эти дальше уже не поедут и найдут последнее пристанище в общей куче их несчастных сотоварищей.

Леденящий холод, ветер, дым от костров, трупы, рев моторов. Кошмар, который нельзя забыть.

Наконец, подходят машины. Мой взвод помещается целиком на одной из них. Толчок и машина трогается. Спускаемся на лед и мчимся по накатанной снежной дороге. Ветер свистит, я чувствую как холод пробирается сквозь одежду. Отчетливо понимаю, что при этих условиях люди могут замерзнуть. Приказываю всем опуститься на дно грузовика, прижаться друг к другу, чтобы как то защититься от ветра. Приказание выполняется: на полу — груда тел, напоминающая какой то серый шевелящийся клубок. Проходит час с лишним. Наконец, машина останавливается. Слышен голос шофера:

— Эй, братва! Вылетай греться….

Мы — на другом берету, около какой то прибрежной деревни Вваливаемся в ближайшие избы, обогреваемся. В избе, в которую попал я, на плите варится картошка; картошку мы не видели

уже около полугода. Достаю десять рублей, протягиваю хозяйке и прошу дать мне только одну картошку.

— Что вы, что вы, — товарищ лейтенант — говорит она — кушайте так.....

И, наполнив миску горячей картошкой, ставит перед нами. Мы съедаем ее без соли, вместе с шелухой, благодарим и уходим.

Еще тридцать километров езды, уже по земле и мы попадаем в деревню, предназначенную для размещения нашего полка.

8. Отдых. Гибель полка

Наш батальон стоит на отдыхе в одном из колхозов, в 25 километрах от фронта наружного кольца блокады.

Стали прилично кормить, но после длительной голодовки, пищи не хватало. Было предположено, что дивизия и наш полк в частности, будут находиться на отдыхе не менее месяца, но этот срок для поправки людей был явно недостаточен.

Начались обычные занятия, маршировки и прочие аксессуары, обязательно необходимые в красной армии. Нельзя дать людям думать! Нельзя дать поэтому, хотя бы трехдневного отдыха. С утра до поздней ночи все должны были «изучать» сто раз изученную винтовку, гранату, дисциплинарный устав и прочее, слушать бесконечные беседы политических работников, заканчивающиеся традиционными восхвалениями «великого и мудрого отца народов товарища Сталина».

В беседах о международном положении, всегда возлагались надежды на США и Англию, говорилось о нерушимой и вечной дружбе СССР с его союзниками, превозносились имена Рузвельта, Черчилля и других представителей союзных стран. В международных обзорах царила трогательная идиллия. И это было вполне понятно. СССР нуждался в весьма серьезной военной помощи. Официальное заявление о том, что красная армия будет бить врага на его территории «малой кровью» оказалось несостоятельным. Пока выходило все как раз наоборот.

Понемногу люди начали отходить, но, конечно, до полной поправки было очень далеко. В одну из январских ночей, недели через две после нашего прихода в деревню, ночью пришел из штаба, дивизии приказ, о немедленной переброске полка на фронт.

Снова ночной переход, сначала по дороге, потом по каким то лесным тропинкам... Шли, а иногда и брели, проваливаясь в глубокий снег. Задача заключалась в том, чтобы выйти к определенному пункту северной железной дороги и освободить этот участок линии от засевшего там противника.

В этой, достаточно трудной задаче, нас должна была поддерживать авиация, дивизионная и полковая артиллерия, минометный дивизион и, наконец, танки.

К утру мы были на месте. За все время очень недолгого боя, я не видел ни одного самолета, ни одного разрыва снарядов тяжелой артиллерии, ни одного танка. Все осталось на бумаге, в штабных проектах. Наша полковая артиллерия каким то чудом частично прошла. Часть же ее застряла в снегах. Но и для этих прошедших орудий, увы, не было снарядов.

Несколько минометов среднего калибра могли выпустить ограниченное количество мин. Это

было все, чем мы могли располагать. Командир полка лично обходил полк перед боем, беседуя с солдатами и офицерами. Смысл его беседы был не сложен:

— К сожалению, обещанная поддержка запоздала. Артиллерия застряла в снегах. Но мы выполним наш долг и без них и, конечно, выбьем противника.

Для чего этот человек стремился бросить полк в явно невыполнимую операцию — остается непонятным. Или по явной глупости и непониманию обстановки, или из карьеристических побуждений.

Немцы засели в крутой, железнодорожной насыпи, укрепились там и, как всегда, имели там весьма продуманную систему огневых точек.

Бой длился недолго. Брошенные без поддержки артиллерии в лобовую атаку, роты косились одна за другой пулеметным огнем противника. Немецкие минометные батареи буквально засыпали нас минами. Лишь одна рота, сделав обходное движение, ворвалась в оборону противника, но в неравной схватке была уничтожена.

Через три часа от полка осталась кучка людей. В начале боя я был довольно сильно контужен и отправлен в ближайший полевой госпиталь. Мне повезло, ибо подавляющее большинство раненых погибло, — вернее замерзло, так как их не могли вынести под непрерывным огнем противника.

Полк был уничтожен, не выполнив даже частично той задачи, которая была на него возложена. Бесцельно погибли сотни и тысячи людей, заплативших своею жизнью, за хаос, неразбериху, бесконечную тупость, преступное прожектерство, бюрократизм и наплевательское отношение к человеческим жизням, проявленное командованием красной армии.

Глава 6

В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ

1. В Уральском военном округе

Контузия не была тяжелой, но, как иногда бывает, ослабевший человеческий организм воспринимает все иначе, чем абсолютно здоровый. Длительная голодовка и все пережитое за последние месяцы, довольно сильно сказались на мне. У меня начались всякого рода неполадки с сердцем и. т. д. Врачи прифронтового госпиталя «сплавили» меня очень быстро в ближайший тыл; там нашли, что нужно длительное лечение и отправили еще дальше; наконец, я очутился на Урале, в городе Свердловске (б. Екатеринбург).

Было начало июня 1942 года, когда меня выписали из госпиталя и направили в отдел кадров Уральского военного округа. Утром яркого, солнечного, летнего дня я подходил к зданию округа, расположенному на главной улице города. С задней стороны здания находился отдел кадров, распределявший офицеров, выходивших из госпиталей, присланных из частей, окончивших военные школы и т. д. На небольшой лужайке, перед домом, лежало и сидело около ста офицеров, чего то ожидавших.

Хотя я и видел виды, но эта картина — офицеры, лежащие почти на главной улице Свердловска — была потрясающа. В этом сказывался весь «стиль» красной армии. Чего ждали эти

военнослужащие, мне так и осталось неясным.

Сдав дежурному документы, я стал ожидать вызова. Из обстановки ленинградского фронта, я попал в глубокий тыл; мне казалось, что здесь можно добиться использования меня по специальности. Но мои надежды не оправдались. Прошибать бюрократизм вообще трудно, но бороться с бюрократизмом, помноженным на человеческую некультурность и тупость — невозможно.

Капитан, принявший меня ничего и слышать не хотел о переводе меня на иную работу.

— Раз вас в Ленинграде направили на строевую должность, значит так нужно было.

— Да, поймите, что это была ошибка, связанная с особыми условиями, в которых находился Ленинград.

— Ничего не знаю и не хочу вмешиваться. Кроме того, ваш фронтовой опыт нам сейчас нужен здесь.

— Да ведь у вас уже очень много фронтовиков!

— Ничего, еще нужно….

— Но куда же я, все таки, могу обратиться?…

— Подайте заявление на имя командующего Округом. А ко мне явитесь через три дня за назначением — сказал он, подавая мне карточки на питание в столовой и на право занятия койки в офицерском общежитии. Разговор был окончен….

В общежитие я, конечно, не пошел, а отправился к одним знакомым, эвакуированным из Ленинграда, где, с их любезного согласия, решил провести несколько дней. Хотелось побыть среди нормальных людей и отвлечься хоть на короткое время от надоевшей армейской обстановки.

2. Бюрократы

Под вечер мы с приятелем пошли побродить по городу. Недалеко от главной улицы, на остановке трамвая, я, неожиданно увидел профессора Ивана Владимировича Б-ского, действительного члена Академии Наук СССР, эвакуированного из Ленинграда вместе с Академией, значительная часть которой находилась в то время в Свердловске. Мы взаимно были рады нашей встрече. После обычных первых бестолковых фраз, разговор принял деловой характер.

— Ну, слава Богу, вы живы!… А я, кого не расспрашивал о вас, — никто ничего не мог сказать; думал, что вас уже нет в живых! — говорил оживленно профессор. — Но, что вы делаете в армии? Как вы в нее попали?… Что это за офицерский маскарад?…

Я рассказал.

Профессор возмутился…

— Ведь это идиотизм! Да, понимаете ли вы, что в вашей области, вы сейчас один из немногих серьезных научных работников. Ведь кроме вас, еще двух-трех человек, которые неизвестно живы или нет — у нас никого нет. Вы знаете, что мой Институт находится здесь? У меня

пустует вакантное место по вашей специальности. Кроме вас мне сейчас некого пригласить. Пустует Место в Академии Наук — понимаете? В Академии, а не где-нибудь! — закричал вдруг профессор. — Перевели Академию сюда, кричат о ценности научных кадров, требуют их сохранения, а сами черт знает, что делают! — кипятился Иван Владимирович.

Крупный ученый; пользовавшийся громадным авторитетом, не только в научных, но и в политических кругах — он сохранял известную независимость и позволял себе то, что не могли делать другие.

— Пойдемте ко мне, голубчик, — продолжал он — попьем чайку, побеседуем. Сегодня уже поздно с «ними» разговаривать. А завтра я сам пойду в Округ и, если они меня не послушают, так буду просить вице-президента Академии поговорить там на эту тему....

Мы отправились втроем. Весь вечер был проведен вместе. Вспоминали, говорили об интереснейших научных проблемах, последних новостях в этой области. Условились, что завтра профессор поедет в Округ и будет хлопотать или о моей демобилизации, или, по крайней мере, настоит на ином использовании меня в армии.

На другой день, под вечер, я зашел к нему. Профессор был в зверском настроении. Увидев меня он, забыв даже поздороваться, начал возбужденно говорить:

— Знал, что у нас много бюрократизма, но такого как в армии, еще нигде не видел! Понимаете, приезжаю я сегодня в военный Округ, иду как всегда, меня там, более или менее, знают и захожу к начальнику отдела кадров. Принял он меня любезно. Излагаю ему суть дела. Он слушает и сочувственно кивает головой. Говорит мне: «что вы раньше ничего не говорили, я бы с удовольствием помог». Я отвечаю ему, что вы только что приехали и ждете назначения. А он сразу насторожился и спрашивает: «а скажите, товарищ профессор, где вы вашего знакомого лейтенанта видели?» Тут я вспомнил, что вы все, как арестанты, должны сидеть на казарменном положении и, что вам по частным квартирам ходить не полагается — прикусил язык: и говорю, что, мол встретил около общежития. Ну, тот успокоился. Правильно я поступил?

Я успокоил его, сказав, что принцип казарменного положения здесь применяется не во всех случаях и распространяется, главным образом, на военные школы, воинские части и прочие учреждения, которые могут быть как то изолированы от остального мира. В отношении меня и мне подобных — этот принцип не применяется, по той причине, что мы, живя в общежитии, должны были ходить и в столовую, и в отдел кадров военного Округа; все это находилось в разных частях города, а поэтому запереть нас, может быть, и хотели, но технически это пока было невозможно. Но вообще за нами следят, интересуются — чем мы занимаемся, а поэтому вопрос начальника отдела кадров вполне понятен.

Профессор стал рассказывать дальше:

— Обрадовался я, что он хочет мою просьбу, исполнить и спрашиваю его — как же эти можно сделать? А он мне говорит, что он, конечно, сам не может ничего сделать, ибо, если вас в Ленинграде, направили в армию как строевого офицера, то значит так надо было, а он не может брать на себя ответственность и изменить ваш род деятельности в армии или делать представление о демобилизации. Но, ведь это ошибка, снова повторяю я ему. Он согласился, что это все нелепо, но в общем посоветовал мне пойти к начальнику политического управления Округа, к товарищу Землянскому и переговорить с ним, ибо во многом это дело зависит от его влияния.

Землянского я превосходно знаю, еще недавно был у него по ряду других вопросов. Прихожу к нему, встречает с распростертыми объятиями. Рассказываю в чем дело. Сочувствует, ругает ленинградские военные комиссариаты, говорит, что «они там дров накололи и много людей загнали совсем не туда куда надо» и т. д. Спрашиваю — как же конкретно поступить ибо я хочу, чтобы вы перешли в Академию Наук работать вместе со мной. На поставленный в лоб вопрос, начинает жаться, говорит, что случай сложный, что неудобно ему переводить вас, ибо начнут говорить, что он офицеров из армии забирает, когда они весьма нужны. Да у вас ведь тысячи офицеров в резерве сидят, говорю я ему, а вы об одном человеке торгуетесь. — «Да Иван Владимирович», соглашается он, «ничего не стоит перевести его на работу по специальности и даже оставить в Свердловске и, по существу, это было бы правильно, но как на это посмотрят… Как бы чего не вышло……

И, подумайте, продолжал профессор, человек, занимающий большой военный пост начальника политического управления крупнейшего военного округа, как мальчишка вертит карандашом и боится сделать, что то не совсем похожее на то обычное, что он делает каждый день, хотя и имеет на это право и сознает, что это нужно сделать. Не делает, так как боится, чтобы не попало от кого-нибудь. Вот режимчик, черт возьми, одна надежда, что война внесет, наконец, перемены в этот строй. В общем обещал помочь — перевести вас на другую работу в армии, а насчет де мобилизации и перевода в Академию просил обратиться к начальнику Округа.

— Я пошел туда — продолжал профессор, — тоже любезен и предупредителен. Рассказываю снова всю историю. Говорит, что рад помочь — демобилизовать одного человека, конечно, можно, но только, говорит он, дайте формальное основание, чтобы я имел документ, оправдывающий полностью мои действия. Это мне начальник военного Округа говорит — засмеялся Иван Владимирович. А я приготовил заранее бумагу из Академии Наук, с просьбой о вашем освобождении из армии и переводе к нам; даю сразу ему эту бумагу.

Он прочел, посмотрел на меня и эдак, знаете ли, так, вроде как, задумчиво говорит: «все хорошо, только одного слова не хватает». «Какого? спрашиваю я. «Да вот, написали бы, что он идет заниматься научной работой, как то связанной с военным делом, так я вам сейчас бы подмахнул. А так….»

— Бился я с ним бился — рассказывал профессор — и пришлось мне ехать в Академию просить, чтобы мне переделали прошение. Переделали. А тут академические начальники заупрямились — «что вы нам фальшивку подсовываете, какая там еще связь с военным делом!»

Не буду продолжать эту утомительную историю. Профессор много раз ездил в военный Округ. Ему продолжали обещать, куда то звонили, с кем то, что то «согласовывали», писали рапорты, накладывали резолюции, снова телефонировали куда то, куда то писали и так усложнили и запутали все, что ничего из этого не вышло и я уехал, получив новое назначение.

3. Новое назначение

Меня назначили в учебную часть, находившуюся в одном из небольших провинциальных городов Западной Сибири. В задачу этой части входило — подготавливать младший командный состав (сержантов, старших сержантов и т. д.) для армии. Короче говоря, это была своего рода военная школа, выпускающая ускоренным способом значительное количество унтер-офицеров для действующей армии. Таких учебных полков, бригад и т. п. было создано довольно много. Фронт требовал все новых и новых контингентов.

Поздно ночью, поезд пришел к месту моего назначения. Пересидев ночь на вокзале, я на

другой день явился в штаб учебной бригады и был назначен старшим адъютантом (начальником штаба) 3-го учебного батальона. К этому времени меня произвели в старшие лейтенанты, а поэтому, это назначение было, до известной степени, закономерным. Мне повезло. Наш батальон стоял в городе, в то время как некоторые другие подразделения бригады были разбросаны в глуши по сибирским деревням.

Городок, в котором находился батальон, был меньше всего приспособлен для постоя воинских частей, а, между тем, в нем расположился полк, состоявший из трех батальонов и еще кое какие штабные учреждения.

Казарм в городе почти не было. Имевшееся одно казарменное здание было занято военным госпиталем. Батальоны размещались, главным образом, в помещениях магазинов и складов, взятых военным ведомством у города. Магазины помещались в нижних этажах домов и, в большинстве случаев, на главных улицах города. Сырые и холодные, с отоплением, совершенно не приспособленным для жилья, при сибирской зиме, с морозами, доходившими в тот год до 50 градусов по Цельсию, они представляли собой помещения, в которых при нормальных условиях человек жить бы не мог.

Наш батальон был расположен почти на главной улице города и занимал два смежных магазина с обширным помещением для склада продуктов и еще небольшой комнатой, в которой находился штаб батальона. В этих помещениях были сооружены двухэтажные деревянные нары, занимавшие почти всю площадь. Между нарами были сделаны узкие проходы, которые собственно и представляли собой почти единственное свободное место. Скученность была страшная. На нарах люди спали вповалку, почти прижавшись друг к другу. Соломенные матрацы и какое то постельное белье, одеяла выдавались каждому, но менялись редко. Появились насекомые — вши, с которыми, в этих условиях, было очень трудно бороться.

Ночью, когда все спали, в этих импровизированных казармах творилось что то невозможное. Сырой воздух, смешанный с испарениями тел, создавал атмосферу какой то вонючей оранжереи. Непривычный человек мог бы задохнуться.

Красноармейцы учебной части были, главным образом, призывники 1926 года рождения, т. е. мальчишки 17 лет, больше думавшие о папе и маме, чем о войне, но сталинская военная машина безжалостно перемалывала этих полудетей.

День, как и во всей красной армии, был построен так, что бы люди не имели свободного времени. В 6 часов утра подъем; в 6¼ — физическая зарядка; в $6^{1}/_{2}$ — завтрак; в 7 — утренняя беседа политруков (иронически называемая солдатами «молитвой»); в $7^{1}/_{2}$ — выход на занятия, проводившиеся, как правило на воздухе, за городом; в 8 — начало занятий; в $12^{1}/_{2}$ — обед; с 13 до 14 часов — отдых; с 13 до 18 — занятия; в $18^{1}/_{2}$ — ужин; с 19 до 21¼ — часы самоподготовки; в 22 — отбой ко сну. И так — каждый день. По воскресеньям и то умудрялись устраивать занятия до обеда. Нет нужды, что при подобной постановке дела, все эти, так называемые, «занятия» были крайне неэффективны, ибо выдержать подобный режим было невозможно. Люди вечно были усталыми и хотели спать. Но это никого не интересовало. Важно было заполнить время до отказа и заставить, именно — заставить, что то делать. Если даже малая часть проходимого останется в голове — это уже будет хорошо. И, главное, чтобы не думали, то что не полагается! Но, вот этого последнего, как раз и нельзя было добиться.

Ни один красноармеец не имел права отлучаться из части. Все были на казарменном положении. Никаких отпусков не давали и никто не мог даже подумать — выйти самостоятельно в город. Только благодаря тому, что батальоны выходили каждый день на занятия и проходили через город, или находились внутри его на учебном поле около вокзала,

люди могли как то посмотреть на свет Божий и перебросится несколькими словами с населением. Если бы начальство могло, то — закрыло бы и эту отдушину. Но, по техническим причинам, оно этого сделать не могло.

Невольно вспоминается следующий случай. Обходя казармы после ухода части на занятия, я заметил, что дневальный одной из рот, по фамилии Сидорчук, сидя на подоконнике, что то запоем читает. Я подошел к нему и посмотрел. У него в руках были «Записки из Мертвого Дома» — Ф. М. Достоевского.

Сидорчук вскочил. Я знал его довольно хорошо. Это был молодой колхозник, коренной крестьянин — сибиряк, из одного колхоза, находящегося в 100 километрах от нашего города. Он, где то учился и окончил семилетнюю общеобразовательную школу.

— Ну, как, нравится вам? — задал я вопрос, показывая на книгу.

— Ах, какая книга, товарищ старший лейтенант, — как замечательно в ней все описано. Я, вот, читаю и переживаю. Но в общем им было лучше, чем нам!...

— Почему вы так думаете?.....

— Они были сыты. Вы читали как в тюрьме кормили? Нам так и не снилось. А потом у них было будущее. Они кончали срок и становились свободными людьми. Они были преступниками, а мы за что сидим в этой тюрьме? А называют нас бойцами самой передовой армии в мире! А наше будущее — очевидно, смерть!

— Перестаньте, Сидорчук, и не советую вам много говорить на эту тему.

— Я знаю, товарищ старший лейтенант, с кем можно говорить. Вы, да вот еще несколько, нас понимают. А остальные.....

И какое то выражение беспредельной ненависти пробежало по лицу этого юноши.

Спорить было бесполезно. Режим нашей части, как и всех других, весьма сильно смахивал на тюрьму. В старой царской армии ничего подобного не было.

У старшины 7-й роты, в нашем городе жили мать и сестра. Однажды вечером, его сестра подошла к воротам казармы и попросила позвать брата по неотложному делу. Один из красноармейцев, бывший около ворот, побежал и позвал его. Старшина вышел и стоял у ворот, разговаривая с ней. В это время, мне, как раз, пришлось пройти мимо них; видя его стоящим и разговаривающим с какой то девушкой и, боясь какого-нибудь легкомысленного поступка со стороны молодого человека, я подошел и спросил в чем дело. Узнав, что это его сестра и, что речь идет о каких то домашних делах, я не стал его трогать и пошел в казарму.

На мою беду, следом за мной шел комиссар батальона. Он видел, что я разговаривал со старшиной роты и, что его беседа с сестрой продолжалась и после моего ухода. Комиссар, конечно, прервал их свидание, наорал на старшину и увидев меня в штабе накинулся и на меня.

— Почему вы, товарищ старший лейтенант, допустили незаконный выход старшины за пределы части и встречу с гражданским населением? — начал он на «повышенных тонах».

— Потому, товарищ комиссар батальона, что, в конце концов, можно же человеку в свободное время десять минут поговорить с кем-нибудь из своих родных. Тем более, что он никуда не уходил, а стоял у самых ворот.

— Вы вечно допускаете поблажки и распускаете людей!… Ставлю вам это на вид.

Но не надо думать, что этот режим распространялся только на рядовых и младший командный состав. Командиры взводов — офицеры жили в казармах — одиннадцать человек в одной комнате, в которой кроме деревянных коек, стола и двух стульев, ничего не было. Комната — сырая, в полуподвальном помещении. Они тоже никуда не могли самостоятельно отлучаться.

Скрипя сердцем, начальство все таки, разрешало командирам рот, политрукам и штабным офицерам жить в частных домах. Мы все имели комнаты в городе, но никто из нас там не бывал, т. к. все время мы были привязаны к казарме. Мне приходилось только ночевать там, попадая домой к одиннадцати часам ночи и, уходя обратно в казарму в шесть часов утра.

Но, вопреки стремлениям советского командования, человек не может только спать и только работать. Обалдевшие от целого дня напряженной работы, мы, старшие офицеры части, позволяли себе выйти на один час раньше, т. е. часов в десять вечера и пойти хотя бы на последний сеанс в единственное городское кино, находившееся почти рядом. Мы прихватывали с собой кого-нибудь из командиров взводов или сержантов.

Однажды, выходя после окончания сеанса из кино, мы заметили около выхода, фигуру комиссара батальона, дежурившего на тротуаре. Увидя нас, он подошел к нам и начал очередную нотацию.

— Почему вы, товарищи командиры, вместо того, чтобы работать, ходите в кино? Не время этим заниматься.

— Товарищ комиссар — раздался чей то голос — посмотрите на часы, ведь уже ночь, десять минут первого! О какой работе может быть речь?

— Ну, тогда спите, отдыхайте, а по кино нечего болтаться — буркнул комиссар, уходя к себе домой.

4. Офицеры «бомбят» вокзал

Казалось, что в глубоком тылу такой большой и богатой страны, как СССР, должно быть, если не изобилие, то по крайней мере, достаточное количество продуктов питания. Но на деле это было совсем не так. Еще до войны, в провинциальных городах часто не хватало тех или иных продуктов. С начала войны везде была введена карточная система и почти все было рационировано до более, чем ограниченного минимума. Да и этого минимума часто нельзя было получить из за отсутствия его в магазинах. Из обыдённой жизни почти исчезло слово — «купить», «покупать«. Оно заменилось словами — «выдавать», «давать». Никто не говорил, что в магазине таком то «продают тот или иной товар». Говорили — там «выдают», допустим, крупу. У магазинов, «выдающих» продукты, скапливались колоссальные очереди.

О таких предметах первой необходимости, как одежда или обувь, люди забыли и думать. Полуголодное население мечтало только о том, как бы достать чего либо поесть. Местное население провинциальных городов еще как то выходило из положения за счет своего маленького хозяйства, имевшегося у многих и, особенно, за счет огородов. Положение же беженцев, эвакуированных из областей, оккупированных немецкой армии ей было ужасно. Они все без исключения влачили жалкое существование.

Армия находилась в лучшем положении. Наши курсанты — красноармейцы, как подготавливаемые для отправки на фронт, получали особый паек. Он был вполне достаточен,

что бы быть сытым, но не включал в себя ничего особенно питательного. Большей частью это были:

каши, густые супы и компоты. Мяса и жиров было очень мало.

Положение офицерского состава, находившегося в тылу для постоянного обучения красноармейцев, было несколько хуже. Мы получали общий тыловой паек. Если посмотреть нормы выдачи продуктов, то покажется, что этого было вполне достаточно. Но надо учесть, что в условиях общего недостатка продуктов, их крали неимоверно. Крали все, кто имел с ними дело. Крал даже полковой комиссар, умудрившийся, каким то образом, припрятать целую живую свинью.

Кроме того, качество пищи в смысле ее питательности, было невысоким. Хлеб выпекался с примесью всякого рода суррогатов и часто напоминал какое то черное, невыпеченное тесто, от которого начинались желудочные заболевания. Супы представляли собою обезжиренную водянистую похлебку, а питательная пища попадала в таких незначительных количествах, что о ней вообще говорить не приходилось. В результате, мы, офицеры, были почти всегда голодными. Те из нас, которые завели тесные отношения с местным населением, кое как, понемногу, доставали дополнительные продукты, но остальные чувствовали себя довольно скверно.

В городе был и свободный рынок, на котором имели право продавать свои продукты окрестные колхозники. Но, что там были за цены! Так, например, молоко, стоившее до войны на рынке — 2 рубля литр, поднялось до 100 рублей за один литр. Мясо, вместо 15 рублей, стоило 150–170 рублей за килограмм. И все в таком роде. Что могли мы купить на рынке, получая, в среднем, 600 рублей жалованья в месяц?

Многим из нас надо было искать каких то дополнительных ресурсов в смысле питания. Догадливые старшины рот, видя наше положение, умудрялись многим из нас приносить дополнительный котелок супа с красноармейской кухни. Но, во первых, это было слишком унизительно, а, во вторых, могло носить лишь случайный характер.

Выход, правда, крайне необычный, был найден. Наш городок лежал на основной сибирской магистрали. Через него проходил скорый поезд Москва — Владивосток. К приходу поезда, для пассажиров, едущих много дней по сибирской магистрали, открывали станционный буфет. В нем, без карточек, по недорогой цене, давался какой-нибудь суп, каша, макароны или что-нибудь подобное, с небольшим кусочком хлеба.

Когда приходил поезд, то всегда закрытые двери буфета распахивались и пассажиры толпой входили в зал, где на столах уже стояли глиняные миски с пищей и лежали деревянные ложки. Скорый поезд стоял десять минут, поэтому какие либо проверки пришедших людей были невозможны. Поезд, шедший из Владивостока в Москву, проходил в начале двенадцатого часа ночи. Некоторые из наших офицеров, будучи в это время на вокзале, убедились, в том, что очень легко было, вместе с пассажирами, войти в буфет и использовать его в смысле получения пищи. Об этом многие из нас скоро узнали. Мы стали часто приходить к поезду и проникать в буфет. Смешавшись с толпой — входили, садились за столы и съедали по несколько порций. Когда поезд уходил и пассажиры исчезали, мы еще оставались там, сидя и беседуя, и нам охотно предлагали, оставшуюся на кухне пищу.

Это путешествие на вокзал, которые мы проделывали почти каждый вечер, после отбоя ко сну, носило у нас шутливое название — «бомбежка вокзала». «Бомбежки» длились почти всю зиму. Постепенно, «бомбить» вокзал стало ходить довольно много народа. Мы перезнакомились со

многими служащими вокзала и стали своими людьми.

Но, кто то, наконец, донес комиссару полка о наших путешествиях. Однажды, когда пять или шесть офицеров мирно доедали «энную» порцию макарон, в помещение буфета вошел комиссар.

Оглядев всех присутствовавших, он молча вышел..... На другой день было объяснение. Собрав нас всех, он елейным голосом долго читал нам проповедь о поведении офицеров.

— Ведь поймите же, — говорил он — что гражданское население будет думать, что вы голодные и, что вас в армии плохо кормят!

— Но мы, действительно, всегда голодны, товарищ комиссар— заметил один из нас.

— Ну, что вы мне говорите, ведь паек вполне достаточен. Я тоже ем вместе с вами.

Да, он обедал вместе с нами в одной столовой, но получал еще кое что, чего мы не получали. Особенно же пререкаться с нами он не мог. Дело было обоюдоострое. Во первых, мы были на вокзале после отбоя ко сну и, следовательно, в казармах, как живущие на частных квартирах, не должны были быть. Во вторых, никто нам не мог запретить пойти на вокзал. А в третьих, кражи продуктов в полку стали общеизвестны. Поэтому, поднимать шум на эту тему, едва ли было целесообразно.

5. «Расстрел» курсанта

Режим, созданный в части, создавал естественное сопротивление со стороны красноармейцев. Многолетний страх перед режимом исключал возможность какого либо открытого сопротивления. Не было никакой организованности, но, почти каждый, инстинктивно, пассивно сопротивлялся всему происходящему.

На занятиях делали все неохотно и, по возможности, старались подремать или заняться чем-нибудь другим. К офицерству относились без особого уважения. Тех офицеров, которые старались выслужиться и чересчур ревностно и пунктуально выполняли приказания начальства, не любили и подчас — ненавидели. В нашем полку было много офицеров запаса — людей уже солидного возраста, имеющих значительный жизненный опыт. Большинство из них были представители квалифицированной интеллигенции. Среди них был один доцент Томского университета, несколько инженеров, учителя, лесничие и т. п. Все они терпеть не могли военную службу, тяготились ею и, особенно стараться не собирались. К красноармейцам относились по человечески и те их очень любили.

Но, наряду с этими людьми, были и другие. Это — в подавляющем большинстве случаев, — молодые мальчишки, только что выпущенные из военных школ. Часть из них всерьез решила сделать военную карьеру, вообразив себя «настоящими» офицерами. Эти вели себя иначе. Половина молодежи тоже вела себя, примерно, как и мы, ориентируясь на более солидную публику. Но другая часть, закусив удила, кинулась делать карьеру. Они придирались к солдатам, накладывали взыскания, дергали и не давали покоя людям, выслуживаясь перед начальством. Но, чем энергичнее они действовали в этом направлении, тем больше и больше теряли авторитет, делаясь предметом насмешек и ненависти со стороны солдат.

——

Помощником командира пятой роты был молодой лейтенант, выпущенный недавно из какого

то военного училища. Ему было не более двадцати лет. Он относился к категории лиц, чересчур серьезно относившихся к своему делу. Кончилось это, однако, довольно плачевно. Однажды вечером, он, обнаружив какой то непорядок в казарме, вместо того, чтобы приказать дневальному убрать, поймал первого попавшегося солдата, выполнявшего какие то другие поручения приказал ему произвести эту работу. Торопившийся красноармеец, кстати сказать, очень неглупый юноша, ответил, что выполняет уже отданное ему приказание, а обязанности по уборке помещения возложены на дневального и, если угодно товарищу лейтенанту, — он его мигом найдет.

Но «товарищ лейтенант», будучи совершенно неправым, ибо он, действительно, должен был обратиться к дневальному, оказался слишком задетым тем, что какой то красноармеец посмел его поучать. Придя в ярость от этого, он приказал красноармейцу — «смирно» и стал ему командовать — «крутом», «шагом марш«, «кругом» и т. д.

— Я научу вас, канальи, как разговаривать с офицерами… — кричал он и, продолжая осыпать солдата нецензурной бранью, командовал дальше.

Солдат, наконец, вышел из себя и отказался выполнять сыпавшиеся приказания. Тогда лейтенант выхватил пистолет и, наведя его на красноармейца, скомандовал — «кругом». Красноармеец повиновался. Дав команду — «шагом марш», лейтенант и красноармеец вышли из казармы. Люди, видевшие эту картину, рассказывали, что вдоль тротуара, по мостовой, шагал какой то солдат без шапки, а за ним, с пистолетом в руке шел лейтенант.

Уже смеркалось. Пройдя почти весь город, лейтенант привел красноармейца на кладбище, где заявил ему, что за невыполнение приказания, он его расстреляет. Красноармеец ответил грубой бранью. Тогда офицер дал три или четыре выстрела с таким, однако, расчетом, что бы пули прошли около него. Тот испугался, начал просить не убивать его. Товарищ лейтенант снова дал команду, «шагом марш в казарму» и оба, тем же манером, отправились обратно.

Дело это получило широкую огласку. Замять его было нельзя. Предприимчивого лейтенанта отдали под суд. Его судил военный трибунал. В итоге, лейтенант был отправлен на фронт в штрафной батальон. Дальнейшая его судьба осталась мне неизвестной.

6. Красноармейская «находчивость»

Стояла суровая сибирская зима. Январская стужа крепчала с каждым днем. А в наших казармах кончились дрова. Получить еще дров было очень трудно. Ибо, хотя их имелось сколько угодно в окрестных лесах, но не было транспорта для доставки топлива в город. Тоже самое происходило и среди гражданского населения. Кругом, на необозримые пространства, тянулись великолепные сибирские леса; в них лежали тысячи кубических метров уже заготовленных дров, а город сидел без топлива.

В один из этих дней, командир батальона неожиданно обратился ко мне:

— Товарищ старший лейтенант Константинов, вы знаете, что в нашем батальоне кончаются дрова. В организованном порядке от города мы их получить не можем; нет транспорта, но топливо нужно достать. Вам, как начальнику штаба батальона, поручаю это вопрос. Достаньте дров.

— Да, откуда же я их возьму, если городское управление их не дает….

— Если дрова давал город, то я бы к вам не обращался. А вот вы достаньте без города.

Проявите «красноармейскую находчивость!» Для выполнения задания можете взять хоть весь батальон.

Мне было ясно в чем заключалось дело. Не говоря прямо комбат дал мне совершенно недвусмысленное приказание. Проявить «красноармейскую находчивость» — означало просто напросто насильно взять топливо на лесопильном заводе, находившемся у берега реки, на окраине города. Сказать мне об этом — значит дать прямое указание на экспроприацию топлива и, тем самым, сделаться ответственным за данное приказание. Поэтому, он хитрил, стараясь взвалить на меня всю ответственность за исход «операции?

Я ему об этом сказал и посоветовал не грабить завод, а поискать другие, более подходящие источники получения дров.

Мне пришлось обойти все окрестности города и, наконец, неподалеку от лесопильного завода, я обнаружил склад отходов от распиловки досок, негодным для строительных целей, но представляющих собой весьма ценное топливо.

Поздно вечером, приказав взять с собой роту красноармейцев, я отправил в экспедицию командира пятой роты. Положение было безвыходным — топить было уже нечем. На всякий случай, я пошел понаблюдать за тем, как это будет происходить. Придя в полной темноте к намеченному месту, солдаты нагружались как могли досками и отправлялись в казарму. Все шло хорошо, но под конец появился откуда то ночной сторож, который начал свистеть и протестовать. Увидя командира роты, он стал с ним пререкаться. Оба начали горячиться. Мне пришлось подойти и успокоить сторожа, объяснив, что топливо нужно для солдат, подготовляемых для фронта; здесь же лежат большие кучи неиспользованных остатков, которых не продают и не дают ничего с ними делать. Отрезки досок лежат и гниют. Поэтому, поскольку завод государственный, ничего страшного не будет, если армия воспользуется ими для топлива.

Мирно поговорив и оставшись вполне довольными друг другом, мы разошлись — он в свою будку, а я — в казарму, где уже весело потрескивали в печах дрова, добытые на основе, так называемой, «красноармейской находчивости».

Это и подобные ему методы получения топлива, процветали во всех батальонах, до тех пор, пока, наконец, на это не обратили внимание и не прислали по железной дороге состав с дровами для отопления военных казарм.

7. «Товарищи» офицеры

Весной 1943 года пришел приказ о введении в армии погон. До этою времени, как известно, знаки отличия носились, в виде обозначений соответствующих форм, на петлицах шинели и гимнастерки. Введение погон, на подобие царской, дореволюционной армии, озадачило очень многих. Одни недоумевали, иные иронизировали. Молодежь только что получившая офицерские звания была очень довольна. Приятно было походить на «настоящих» офицеров.

Но на «настоящих» офицеров они не были и не могли быть похожими. И дело заключалось не только в том, что погоны были весьма низкого качества, очень быстро меняли свой внешний вид, были крайне непрактичны, скоро теряли блеск, мялись и превращались в какие то странные, мятые, с задранными концами крылья. Основное заключалось не в этом, а совсем в другом.

Офицер советской армии не может быть сравниваем с офицером любой другой армии, так как,

по существу, он не офицер. Как это не звучит парадоксально, но это именно так. Уже все сказанное выше показало на каком странном положении находилось советское офицерство.

Офицеры красной армии, в смысле своего положения, могут, в какой то степени, сравниваться с офицерами других стран, начиная только с чина майора и выше. Все, кто были в более низких чинах, хотя и имели формально офицерское звание, но по своему приниженному, почти рабскому положению, по жизненным условиям, по манере обращения с ними начальства и т. д., по сути дела, офицерами названы быть не могли. Они нечто среднее между унтер-офицером и офицером старой армии или какой либо другой из современных армий.

Это происходило потому, что военные училища красной армии, подготовлявшие для нее командный состав, в своей массе выпускали, в культурном отношении, материал среднего качества. Советский командир, как правило, был недостаточно культурен и воспитан. У него совершенно отсутствовали старые, многовековые традиции императорской армии. Лишь небольшая часть из них, еще до военного училища, окончившая полную среднюю школу и происходившая часто из семей потомственной интеллигенции, выделялась в выгодном отношении из общей массы. Но офицерских, до известной степени, кастовых традиций не было совершенно.

Во время войны и этот уровень комсостава упал очень низко. Призванные в армию из запаса представители интеллигенции не могли уже изменить установившегося взгляда на средний командный состав, не могли сделать «погоды» в этом отношении, ибо нас было слишком мало. Мы растворялись в массе полуинтеллигентов….

Поэтому, независимо от нашего желания, мы должны были терпеть это приравнивание к общей массе и как то, в некоторых отношениях, приспосабливаться к ним. Многие из старших офицеров этого не понимали и недоумевали — почему мы тяготимся армией и мечтаем как-нибудь только от нее избавиться. Некоторым из нас всё это было особенно невыносимым, ибо они знали, чем был офицер старой царской армии, как к нему относились, как и на каком положении он жил. Поэтому эта игра в какую то пародию на офицерство, была омерзительна и противна.

Недовольство проникало постепенно и в среду кадрового офицерства, в среду молодежи. Все чаще и чаще там раздавались голоса — «да какие мы офицеры; так что то вроде чего то». Это все сочеталось с критикой режима, с имевшимся политическим брожением среди советского офицерства.

Чтобы не быть голословным приведем несколько примеров.

——

Во время болезни командира шестой роты, мне пришлось временно заменять его. Был вечер. После вечерней проверки, люди раздевались и укладывались спать. Неожиданно вошел командир батальона. Так как это было уже после отбоя ко сну, команду «смирно» я не давал и только отрапортовал ему о состоянии роты. Выслушав рапорт, и ни слова не говоря, он полез по нарам и стал смотреть — кто в чем спит и собственноручно искать на солдатах вшей.

Обнаружив на одном унтер-офицере теплую рубашку, в которой почему то спать было запрещено и, естественно, найдя на красноармейце вшей, он соскочил с нар и набросился тут же на меня.

— Что за безобразие! Почему вы не смотрите за людьми? Почему люди спят в теплом белье?…

Почему на них вши? — орал комбат на меня.

Красноармейцы притихли и с любопытством смотрели на про исходившую сцену.

— Потому, что, во первых, это не дело офицеров, а во вторых, со вшами борются другими, более радикальными способами. Что же касается белья, то не я должен осматривать каждого красноармейца, ложащегося спать….

— А кто же??? — завопил комбат.

— Старшина роты и унтер-офицеры — вот чье это дело, товарищ командир батальона….

А в данных условиях особенно трудно, что либо сделать, ибо надо чаще менять белье, которого не дают и водить людей в баню, где, кстати сказать, систематически не хватает горячей воды…..

— Вы шляпа, а не офицер — закричал комбат.

— Я принужден буду подать на вас рапорт командованию полка — проговорил я обозлившись.

— Жалуйтесь хоть дьяволу— рявкнул комбат и вылетел вон.

——

Некоторое время наша учебная бригада была под командованием генерала. Одной из его особенностей была необыкновенная способность всех ругать и обязательно с применением неприличной брани. Он приезжал в наш город и подолгу жил в нем. Офицеры, завидя его на улице, старались свернуть куда-нибудь в сторону, дабы не попасться на глаза. Роты, ходившие на занятия, часто шли и возвращались окружным путем, чтобы как-нибудь не «влипнуть» в неприятную историю с генералом.

Генерал ругался, пьянствовал, ухаживал за женщинами и делал, вообще, что хотел.

Однажды, идя по главной улице города, он встретил матроса. Матрос не отдал ему чести. Генерал немедленно остановил его и заорал:

— Почему ты, сукин сын, не приветствовал меня? Не видишь, что генерал идет?…

И засим последовал ряд нецензурных выражений, неудобопроизносимых в печати.

Матрос спокойно выслушав, подошел вплотную к генералу и отчетливо произнес:

— А плевать мне на тебя, пошел ты к чертовой матери!….

И прибавив несколько нецензурных выражений, отправился дальше.

Растерянный генерал, окаменев, стоял разинув рот. Хам, напоровшийся на хамство — должен был отступить….

——

Накануне 1 мая мне пришлось быть дежурным офицером по батальону. Одной из обязанностей дежурного офицера явилось обязательное присутствие в столовой во время обеда, ужина и т. д. Но, так как, столовая была невелика и находилась почти рядом с казармой, то ходили туда

обедать по ротно. Вот этот своевременный приход рот на обед и уход с обеда — регулирование всего движения подразделений было также одной из обязанностей дежурного офицера.

Обед заканчивала седьмая рота. Оставалась — восьмая. Выйдя во двор столовой, я обнаружил, что она еще не пришла. В это время, красноармейцы седьмой роты стали выходить уже во двор и строиться в ряды. Видя это, я решил пойти в казарму и поторопить старшину восьмой роты с выходом на обед.

Седьмая рота возвращалась уже с песнями обратно. Провожая ее, я столкнулся с восьмой ротой, торопившейся на обед. Пропустив уходящих — пошел назад вслед за восьмой. Рота меня значительно опередила и, когда я подошел к дверям столовой, красноармейцы уже входили в нее. Между входными дверьми со двора и дверьми, ведущими непосредственно в столовую, был маленький темный коридорчик. Когда последние солдаты, напирая на передних, ввалились в коридор, из него, мимо, с красной, разъяренной физиономией, проскочил комиссар батальона и, не заметив меня, помчался через двор на улицу.

Как выяснилось потом, комиссар вошел в столовую через кухню, еще в то время, когда седьмая рота уже ушла, а восьмая подходила к столовой и дежурные расставляли пищу. Не видя меня, он спросил, где находится дежурный офицер. Ему сказали, что я во дворе. Комиссар направился во двор, но войдя в коридор, столкнулся с входящими солдатами восьмой роты. Произошло столкновение, при чем солдаты, видимо, не разобрав в темном коридоре — с кем они имеют дело, здорово обругали его.

Комиссар рассвирепел, поднял шум, но солдаты, не обращая на него внимания, валили мимо и еще порядком помяли его, прижав к стенке. Последнее, вероятно, было сделано сознательно, уже тогда, когда они узнали его. Почувствовав свое бессилие и не зная кто его обругал, комиссар понесся к командиру батальона и стал жаловаться ему на меня, доказывая, что его обругали потому, что меня не было в столовой.

Так как, он столкнулся с потоком солдат в коридоре, то инцидент мог, совершенно в одинаковой степени, произойти, независимо то того, — был ли я в столовой или нет. Но комиссар меня ненавидел, чувствуя во мне довольно резкую оппозицию; поэтому, он решил всю свою злобу свалить на меня.

Когда обед закончился, меня вызвали в штаб батальона.

— Почему вы манкируете своими обязанностями? Где вы были? Вас не было в столовой? Вас все время искал комиссар! Вы знаете, что его там обругали и неизвестно кто! — начал комбат.

— Когда комиссар был в столовой, я встречал восьмую роту, которая опаздывала, а что касается комиссара, то его могли обругать независимо от того, был ли в столовой дежурный офицер или нет. По существу, я здесь не причем, а комиссар не маленький и должен понимать, что во время входа роты в столовую, надо сначала пропустить курсантов, а потом уже идти самому.

— Вот видите, вот видите, — завизжал комиссар — он, конечно, оправдывает их!.....

— Я их не оправдываю, но не вижу во всем этом особой беды, т. к. убежден, что они вас не узнали, приняв в темноте коридорчика за кого то из солдат дежурных по кухне.

— Ты фашистская сволочь! — вдруг дико заорал комбат — Всегда он против нас!...

И схватив, стоявшую на столе глиняную миску, он с силой швырнул ее об стол. Осколки миски

разлетелись по всей комнате.

— Убирайтесь вон из моего батальона! — бесновался комбат — Вон, чтобы я его больше не видел — кричал он, как истеричная женщина.

Я вышел и пошел к себе домой. Весь вечер был проведен мною у знакомых… Поздно ночью я возвращался домой. Стояла чудная, теплая, весенняя ночь. Только что прошел небольшой дождь и воздух был полон аромата. Пахло свежей землей, распускающимися тополями, сосной и еще чем то свежим и неуловимым, свойственным только весне. В воздухе гулко раздавались свистки паровозов.

Пройдя вокзал, я заметил какую то фигуру в шинели, маячившую около вокзального сквера. Подойдя — увидел лейтенанта Смолина, командира четвертой роты, мальчика лет двадцати.

— Что вы тут делаете, товарищ Смолин?….

— Да, понимаете, товарищ старший лейтенант, у меня в роте пропал, сегодня вечером, красноармеец Струков. Все в один голос кричат — дезертировал! Меня комбат вызвал в штаб и не велел возвращаться, пока я не найду его. Приказал идти на вокзал искать его……

У нас уже было несколько случаев дезертирства. Ни одного из дезертиров не поймали, да и очень трудно в сибирских условиях, что либо сделать в смысле их поимки.

— Ну, хорошо, допустим, что Струков дезертировал…. Но вы то зачем здесь?

— Я, да, на вокзал…..

— Что же вы думаете? Что Струков купил билет и сидит, вас ждет в зале первого класса? Вы понимаете, что это чепуха? Если Струков сбежал, то он сейчас идет неведомыми нам с вами лесными тропинками, и завтра же спрячется у кого-нибудь в лесной деревушке, а оттуда будет пробираться куда-нибудь дальше. А здесь искать его нечего.

— Все это совершенно понятно. Сегодня все встречают первое мая….. Я же должен был провести вечер с одной очень милой девушкой, а тут….

— Вы заявили в комендатуру города?

— Да….

— Там ваше заявление зарегистрировали?

— Да…..

— Ну, так спокойно идите к вашей милой девушке или поезжайте в окрестные леса. А здесь вам делать нечего……

Красноармеец Струков не сбежал. Достав, где то водки, он неумеренно хлебнул ее (с горя или по поводу праздника) и заснул на чердаке казармы, зарывшись в солому. Утром он появился как ни в чем не бывало.

Дня через два, меня вызвал к себе комиссар полка. В этот раз он был весьма предупредителен, что ему было совсем не трудно, так как он, когда то служил офицером в старой русской армии, был довольно культурным и не плохо воспитанным человеком.

— Я должен перед вами, товарищ старший лейтенант, извиниться за безобразную выходку командира батальона и поведение моего представителя — комиссара батальона. Они вели себя совершенно недопустимо и, так сказать, необоснованно…..

— Скажите, пожалуйста, что означает термин «фашистская сволочь?»

— Ах, товарищ Константинов, не обращайте внимания. Чепуха, конечно. Фашизм здесь совершенно не причем. На обоих я наложил за это дисциплинарное взыскание. А вас прошу, — поскорее, забыть всю эту глупую историю и приступить к работе.

— Нет, с ними я работать не могу…. Я прошу вас поговорить с командиром полка, чтобы меня перевели в другой батальон на должность помощника командира роты по строевой части.

— Если хотите, — с удовольствием….

Я был переведен, а почему мною была выбрана именно эта должность, читатель узнает несколько позже.

Что же касается комиссара полка, то ввиду того, что эта история получила огласку и в ней был непосредственно замешан его ближайший помощник — комиссар батальона и, понимая, что меня виноватым, в этом случае, трудно будет «сделать», комиссар полка решил происшедшее — замять и окончить все «тихо и без шума».

8. Приезд инспектора

В скором времени после этого инцидента, к нам в часть приехал начальник боевой подготовки войск Уральского Военного округа, полковник Лебедев. Он провел у нас несколько дней, приходя на занятия, проверяя знания учащих и учащихся.

Однажды, когда наша учебная рота ушла на занятия, и я остался со старшиной в ротной канцелярии для каких то подсчетов и проверок, к нам неожиданно вошел полковник Лебедев. Не успел — отдать рапорт, как полковник прервал меня, сказав:

— Не надо, не надо…. Я к вам в частном порядке. Зашел посидеть и перекурить. Устал от беготни, а раненая нога хоть и зажила, а ноет.

Он закурил и предложил мне папиросу. Старшина быстро куда то улизнул, подальше от начальства и мы остались одни. Начался разговор. Полковник расспрашивал о жизни части — я отвечал. Наконец, он спросил:

— Кем вы были до армии?

— Научным работником….

— Вы должны забыть об этом. Не думайте, что вы будете демобилизованы после окончания войны. Вы навсегда останетесь в армии. Мы вас всех не отпустим, ибо ваш опыт нам нужен. Кроме того, нам возможно, предстоит еще новая война. Знаете, конечно, с кем? Вот так то… Поэтому забудьте о прошлом и думайте только об армии.

Этот разговор был инспирирован нашим командованием, жаловавшимся на нас, что мы не хотим служить в армии и тяготимся ею. Но, несмотря на это, я учел все сказанное им и пришел к определенным выводам.

Вечером этого же дня, я, идя к своим знакомым в городе, проходил через вокзал. Все пути были забиты до отказа эшелонами, шедшими с востока на запад. Они везли американские самолеты, танки, автомобили, боеприпасы, продукты. Все дни и все ночи напролет эти поезда, непрерывной чередой шли на запад. Союзники помогали СССР....

И невольно вспомнились слова полковника, «нам, возможно, предстоит еще новая война. Знаете, конечно, с кем?»....

Это было весной 1943 года.

Скоро пришел приказ о ликвидации должностей помощников командиров рот по строевой части.

Перед этим приказом были упразднены должности ротных политруков. Они все были переквалифицированы в строевых командиров, а политическое руководство было целиком возложено на комиссаров батальонов. Этот приказ нужен был в целях укрепления единоначалия командиров рот и уменьшения недовольства в армии, которое создавалось, наличием в ней чересчур большого числа «политических руководителей».

Через полгода после этого, был издан приказ о ликвидации должностей помощников командиров рот по строевой части, что было вызвано недостатком командного состава на фронте. Таким образом, командир роты, имевший раньше двух заместителей, теперь остался один.

Об этом последнем приказе, вернее о том, что он будет, я уже знал тогда, когда просил меня назначить на эту должность. Но я твердо решил освободиться из этой тыловой тюрьмы, любой ценой.

В июне я уехал снова в резервный офицерский полк в Челябинске. В середине октября, с большой группой офицеров, — выехал на западный фронт, в район станции Новосокольники.

Глава 7

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

1. Первое знакомство

Разговор с командиром полка был закончен. Группа офицеров стояла около входа в его землянку, вырытую на склоне песчаного холма. Был мягкий, сырой, ноябрьский день. В промежутках между быстро плывущими облаками, иногда прорывалось холодное осеннее солнце, освещая голые, мокрые сучья зарослей кустарника, с блестевшими на них каплями воды, развороченную танками, грязную проселочную дорогу, далекий сосновый лес, невысокие холмы, покрытые увядшей, желтой травой.....

Откуда то доносились разрывы мин и во влажном воздухе отчетливо были слышны пулеметные очереди. Высоко в небе непрерывно гудел мотор; под самыми облаками, над нами, упорно и настойчиво кружился немецкий разведчик, с его знаменитой «рамой» на хвосте.

— Да, товарищи офицеры — говорил командир полка, вышедший с нами из землянки, — вы попали к нам в период затишья. Боев пока здесь не предвидится. Мы должны лишь — крепко

держать оборону. Судьба этого участка фронта будет решаться на севере от нас... Мы выполняем лишь вспомогательную задачу, хотя должен отметить, что противник здесь находится в мешке. Возможно, что это обстоятельство вынудит его на некоторые активные действия. Данных пока об этом нет, но......

И пожав нам руки — командир полка скрылся в землянке.

Пришел связной и повел нас на передовую. Я получил назначение старшим адъютантом 2-го батальона 143 стрелкового полка, занимавшего оборону по линии железной дороге, соединявшей Невель со станцией Дно.

——

Мы приехали на фронт в ноябре 1943 года, когда немецкая армия, под ударами советских войск, начала постепенно оставлять, занятые ею территории. Отгремел Сталинград, прошли знаменитые бои в районах Орла — Белграда и Воронежа, был очищен Кавказ.

Получая концентрированные удары на отдельных участках восточного фронта, при численном превосходстве советских войск, и, одновременно, готовясь к ожидаемому вторжению союзников в Европу, германская армия не могла сдержать в ряде мест напора противника и вынуждена была отступать; эти крупные, но все же локальные поражения, заставляли одновременно, германское командование, отступать на других участках без боев, в целях необходимого в этих случаях, стратегического выравнивания фронта. Германская армия постепенно очищала территорию, занятую ею, ведя жестокие арьергардные бои и нанося неисчислимые потери красной армии. Красная, или иначе советская армия, брала вверх своим несомненным численным превосходством, не жалея человеческих жизней и устилая землю грудами трупов.

Перелом, наступивший в войне, определялся не только численным перевесом советской армии, мобилизовавшей в стране все, что было можно. Мы уже говорили выше о том, психологическом переломе, который произошел в советских войсках, когда армия и народ убедились, в том, что нацистская Германия имеет своей основной целью не освобождение народов, населяющих СССР от коммунистического ига, а завоевание «жизненных пространств», в соответствии с намеченными еще ранее планами.

Это создало коренное изменение в настроении красноармейцев и этим широко воспользовалось советское правительство, удачно еще раз сыграв на патриотических чувствах народа.

Ряд, главным образом, идеологических и чисто цензурных послаблений, сделанных внутри страны, широко поставленная национально патриотическая пропаганда, превозношение исторического прошлого русского народа и его крупнейших деятелей, вплоть до некоторых императоров, усиленный «флирт» с Православной Церковью, коренная, но чисто внешняя перемена в отношении властей к религии и еще многое другое, создавали иллюзию, что после войны власть станет «другой» и даст народу необходимые свободы и человеческие условия жизни.

— Ну, а если не даст, так оружие в наших руках — рассуждали многие — покончим с внешним врагом, так тогда поговорим со своими на другом языке.

Как известно, — советская власть еще раз обманула народ; какой следующий трюк готовят большевики, в случае новой войны — трудно сейчас сказать.

Одновременно, оказанная союзниками военно-техническая помощь — приносила свои плоды. Более того, как мы убедились приехав на фронт, подавляющее большинство продуктов были американские. Союзники усиленно подкармливали действующую армию. Американские аэропланы, автомобили и танки тоже делали свое дело.

Наконец, к середине 1943 года, советская военная промышленность, настолько стала на ноги, что, в значительной мере, восполняла потери фронта, доставляя в достаточном количестве боеприпасы, снаряжение, давая также не плохие танки, артиллерию, крупнокалиберные минометы, особые артиллерийские, строго секретные средства поражения, так называемые «катюши» и многое другое.

Это уже не была армия первого периода войны. Это было нечто совсем другое. Но и в этом другом, несмотря на все, гнездилось то, что посторонний наблюдатель не мог бы заметить. Это была не исчезающая пропасть между властью и народом, недовольство режимом и явное недоверие к нему.

——

Пройдя около получаса и попав два раза под пулеметный огонь, мы, перейдя по тропинке через какое то болото, наткнулись на маленькую землянку, в которой помещался штаб 2-го батальона. Нас встретил командир батальона — развязный человек, лет тридцати, в чине капитана, с орденом красного знамени на груди. Разговаривая с нами, он все время хохотал, хотя рассказывал совсем не веселые вещи.

Рядом с ним сидел высокий, молчаливый человек, с погонами старшего лейтенанта. Это был комиссар батальона.

Мы пришли втроем. Двое из нас — вновь назначенные командиры рот, отправились к своим подразделениям, а я остался в штабе. Из кухни принесли обед и мы занялись едой, во время которой комбат без умолку говорил, все время хохоча и подталкивая в бок, сидевшего рядом комиссара. Тот мрачно молчал, изредка вяло цедя ничего не значащие фразы.

После обеда я сказал комбату, что хотел бы пройти на передовую и осмотреть расположение наших рот; это было совершенно необходимо, для моей работы, как начальника штаба батальона.

— Ну что ж, пойди — проговорил комбат — только слушай, возвращайся без дырки в голове. А то тут быстро просверлят. Эй, связной, проводи начальника штаба на передовую. Да смотри, веди, как следует, чтобы без этого… понял?…

Без чего, «без этого», я так и не понял, да и, признаться, не собирался особенно разбираться

Мы отправились. Связной — мальчик лет семнадцати, узбек по национальности, вооруженный автоматом, бодро шел вперед, показывая дорогу. До передовой линии обороны было метров семьсот. Мы шли по тропинке, по бокам которой чернели глубокие воронки, залитые наполовину водой.

— Обстреливают, сволочи, каждый день. Все штаб щупают, — с заметным восточным акцентом, пояснил он.

Пройдя через небольшую рощу на холме и выйдя на ее опушку, мы остановились.

— Теперь осторожнее, товарищ старший лейтенант, здесь снайперы всегда бьют наших….. —

начал мой спутник.

Но я почти не слышал что он говорил.

Прекрасная панорама открылась перед нами. Мы стояли на довольно крутой, с этой стороны, возвышенности, на вершине которой находилась роща. Внизу, в метрах в двухстах, лежало полотно железной дороги, аккуратно усаженное, с двух сторон, густым, низкорослым ельником. Около полотна были заметны наши окопы. За ними расстилался большой луг, замыкавшийся пологим склоном, на верху которого, отчетливо были видны окопы противника. Дальше виднелись холмы, покрытые лесом. Слева, вдоль полотна, местность понижалась и там виднелись далекие рощи, поля, какие то деревушки — на первый взгляд, мирный русский пейзаж. Казалось, что сейчас вдалеке покажется дымок, пройдет поезд, по проселочной дороге проедут повозки с местными жителями — все как всегда….

— Пойдем дальше, товарищ старший лейтенант? — осведомился связной.

— Да…. Конечно…

— Если по тропинке пойдем, наверняка обстреляют, а если по канаве, за кустами, то ничего… Только там грязно очень.

— Попробуем по тропинке….

Быстро, почти бегом, мы начали спускаться. Две пули, противно свистя, пролетели рядом и с громким треском ударились о деревья.

— Разрывными бьют — мелькнуло в голове. Бегом спустившись ниже, оба были уже вне поля зрения противника……

——

Мы находились на участке четвертой роты. Зайдя в землянку командира роты и познакомившись с ним, я просил его не беспокоиться — не ходить со мной по окопам. Мне хотелось осмотреться одному. Войдя по ходу сообщения в окопы, я сразу понял, что мы находимся в чрезвычайно невыгодном положении. Наши окопы находились в низине, в то время, как немцы сидели на горе и могли рассматривать в упор, все, что делается у нас. При этом положении, наши подразделения, сидя в обороне, несли серьезные потери.

Если бы можно было отойти немного назад и укрепиться в железнодорожной насыпи, или еще дальше, метров на пятьдесят назад, то положение наше оказалось бы более выгодным и потери оказались меньшими.

Но оказывается, что этого сделать было нельзя по следующей «существенной причине». «Товарищ Сталин» сказал: «ни шагу назад», а, поэтому, раз во время продвижения вперед, части советской армии дошли до этого пункта, то ни одного шага назад уже сделать нельзя. Так мотивировал мне положение наших позиций комиссар батальона, когда я высказал свои соображения на этот счет. И это не анекдот, а факт, стоивший многих совершенно напрасных жертв.

Окопы были почти безлюдны. Люди врылись в землю, сделав себе что то вроде нор, защищая себя от огня противника. Только фигуры часовых маячили на своих местах. Я подошел к первому из них. Он не пошевелился…. «Убит?» — мелькнуло первая мысль. Нет, человек явно дышал и, главное, стоял прислонившись к стенке окопа. Автомат лежал рядом на бруствере.

Часовой крепко спал… Я остановился и стал его рассматривать. Это был еще почти ребенок. Он сладко посапывал и, казалось, улыбался во сне….

Осторожно тронул его за плечо. Он вздрогнул, открыл глаза, ничего не понимая потянулся сразу к автомату, но, увидев меня, растерялся и испуганно смотря на меня, продолжал стоять, прислонившись к стенке окопа.

— В чем дело, почему вы спите на посту?

Он пробормотал что то невнятное.

— Да, вы не волнуйтесь, я вам никакого зла не сделаю; объясните толком….

— Двое суток уже не спал, товарищ старший лейтенант.

— Почему?

— Да, вот… Днем караульная служба. Как сменишься, так заставляют или оружие чистить, или же еще что-нибудь делать; потом еще какое-нибудь поручение, а ночь всю роем — окопы углубляем. Сегодня не больше часа дали соснуть….,

— Это так с вами только случилось, или с другими тоже…..

— Да, нет… Все такие. Посмотрите.

Я прошел дальше и приблизился к следующему часовому. Он не спал, но посмотрел на меня красными, воспаленными глазами и спросил — кто я такой.

Я ответил и, в свою очередь, спросил:

— Спать хотите?

— Да.

— Сколько спали сегодня ночью?

— Еще не спал.

— А вчера?….

— Не сплю уже третьи сутки.

Удивленный слышанным и виденным — продолжал обход. Всюду — усталые, измученные люди, несмотря на полное затишье в смысле боевых действий.

Увидев одного из старшин рот, я попросил объяснить его — в чем дело?

— Да, видите, товарищ старший лейтенант, из штаба каждый день приказывают, что бы по ночам, когда немцы не видят, углублять окопы. И, что бы всю ночь рыть. Ну, люди, понятно, не спят.

— Так дайте им днем отдых.

— Да даем. Но все равно, опять таки, штаб не дает отдохнуть. То одно, то другое, то третье. Все

время дергают. Вот так и получается.

Когда я вернулся обратно, комбат спросил меня о моих впечатлениях. Я ответил довольно неопределенно, но спросил его о причинах этой «сонной болезни», царящей на передовой. Мне интересно было, какое объяснение даст он. — Слушай, начальник штаба, ты им не верь. Врут дьяволы. Лодыри; все бы им отдыхать, да отдыхать.

— Но послушайте, ведь должны же солдаты когда-нибудь спать. Тем более, что все они молодые ребята. Какой же он боец, если — не имеет отдыха. Все же нужно дать им определенное количество часов сна. Физиологию человеческого организма вы не переделаете!

— Солдат на фронте не должен спать — проговорил комбат, улегся на койку и через пять минут захрапел.

2. Женщины в серых шинелях

Одной из отличительных черт фронтовой обстановки этого периода войны, было присутствие значительного количества женщин. Если в первый период войны женщин можно было встретить в полевых госпиталях в качестве врачей и сестер, то теперь они были, буквально всюду. На всех прифронтовых дорогах, регулировщиками движения были женщины. В прифронтовых военных учреждениях, в транспортных ротах, на кухнях, в складах и т. д., широко использовался женский труд.

Медицинский персонал фронтовых перевязочных пунктов состоял, почти сплошь, из молодых женщин. Женщины связистки (телефонистки, радистки) на передовой линии фронта — стали обыденным явлением, на которое никто не обращал внимания.

Одетые в военную форму, они встречались всюду, во всех воинских частях и штабах.

В начале войны, женщин брали в армию только как добровольцев и, главным образом, для обслуживания госпиталей. Но, по мере продвижения красной армии на запад и в связи с неимоверными потерями в людском составе, использование женщин все более расширялось. Их уже вливали в армию не на основе высказанного ими желания, а по мобилизации. Мобилизовали, главным образом, молодых, бездетных и одиноких женщин и девушек. В армии их всех называли «девушками», независимо от возраста и семейного положения.

Надо сказать, что женский армейский персонал добросовестно выполнял свои обязанности, мужественно перенося все тяжести военной службы и принимая участие в боях.

Героизм и моральная устойчивость русской женщины несомненны. Но это, вместе с тем, нисколько не мешало и другому — освободиться, если возможно, нормальным, законным путем от этого несвойственного женщине положения.

Фронтовая обстановка сближала людей. Много женщин здесь же, на фронте, вышли замуж и несли тяготы фронтовой жизни вместе с мужьями. Часто кто-нибудь из членов этой фронтовой семьи погибал; получались личные трагедии, на которые в советской армии никто не обращал внимания.

Многие сходились не оформляя браков, но соблюдая, во всяком случае, совершенно приличное поведение.

Как и всюду, в армии попадались и морально неустойчивые элементы, пытавшиеся вести

легкомысленный образ жизни. Но они были в меньшинстве и не могли, в этом отношении, «сделать погоду».

3. Разведка боем

В боевом уставе советской армии говорится, что разведка боем, производимая, большей частью ночью, главным образом, имеет своею целью — установить количество и расположение огневых точек противника, выявить их мощность и способность наносить поражение. При этом, соответствующие пункты устава, явно и недвусмысленно указывают, что разведка боем, вообще говоря, должна производиться без потерь….

Около трех часов ночи, командира батальона вызвали к полевому телефону. Звонил командир полка. Он приказал, в течение ближайших часов, подготовить и провести разведку боем. Разведка должна была быть проведена на участке пятой роты, находившейся в наиболее близком соприкосновении с противником. Конкретная цель этой операции заключалась в том, чтобы установить систему огня противника и, если возможно, характер и мощность оборонительных сооружений. Предполагалось, что немцы используют все средства обороны.

Было решено начать разведку в наиболее неожиданное для противника время, не ночью, а на рассвете, в серой мгле мокрого декабрьского утра. В разведку было назначено пятнадцать человек из пятой роты, под командой любимца всей роты, два раза награжденного боевыми орденами — сержанта Беляева.

Начинало светать…. Я находился на наблюдательном пункте, когда легкие орудия противотанковой артиллерии начали вести огонь для прикрытия действий разведочной группы. Огонь велся по участку обороны немцев, где должна была оперировать разведка. Выпустив около полутора десятков снарядов и точно положив их на первой линии окопов противника, орудия прекратили огонь.

Противник безмолвствовал… Я отчетливо видел, сначала невооруженным глазом, а затем в бинокль, как одетые в маскировочные белые халаты, наши разведчики, разбившись на небольшие группки, по два, по три человека, быстро двигались по направлению к немецким окопам, находившимся на расстоянии трехсот — четырехсот метров.

Вот они прошли через проход в наших проволочных заграждениях, вот они вышли на нейтральную полосу…. Сейчас начнется…. Еще несколько секунд и заговорят пулеметные гнезда неприятеля. Я приготовился засечь их расположение.

Противник безмолвствовал….

Еще ближе, еще. Вот, почти не сгибаясь, они приблизились к проволочным заграждениям… Я вижу в бинокль, как первая группка пытается сделать проход, растащив рогатки передвижных препятствий.

Стало еще светлей. Все происходящее совершенно отчетливо видное… Противник продолжает безмолвствовать….

Вот сейчас будет сделан проход. Но блеснул огонь и до меня донесся глухой удар… Мина; значит заграждения минированы; второй удар, третий….

Первые подошедшие к проволоке уже выведены из строя. Я вижу несколько тел, лежащих на земле….. Подбегают другие, доделывают работу своих товарищей. Все совершается с

невероятной быстротой….. Противник молчит…

Проход сделан… Прошли заграждения, бегут к окопам…….

Остались буквально считанные метры…. Вот, передние уже на бруствере окопов. Опять блеснул огонь, серый дым, снова глухой удар. Бруствер тоже минирован. Новые жертвы…

Задние достигают бруствера. Видно как несколько человек исчезает в немецких окопах…..

Наступает полное безмолвие. Дело принимает совершенно неожиданный для нас оборот. Проходят томительные минуты, кажущиеся необыкновенно длинными.

На наблюдательном пункте — телефон. Телефонист беспрерывно докладывает мне — комиссар батальона спрашивает, — что у нас происходит. Говорю все время вслух — как идут дела — а связной передает комиссару. Сейчас говорить нечего, ибо сам не знаю, что там случилось.

Телефонист передает трубку. Слышу истерический вопль…..

— Да, говорите, говорите же, что там…. — кричит мне в трубку комиссар. — Почему они не идут обратно?

— А вы пришли бы сами сюда — приглашаю я его.

— Да… Но я сейчас занят.

— Тогда придется подождать, пока не выяснится обстановка; сейчас ничего сказать не могу.

Обстановка выясняется. Сначала показывается одна фигура, вылезающая из окопа, затем другая, третья…. Возвращается семь человек. Несколько тел лежит у проволочных заграждений….. Противник, по-прежнему, безмолвствует….

Разведчики, добравшиеся до окопов, обнаружили, что в них никого нет. По-видимому, немцы, разгадав наши планы, отошли на вторую линию обороны. Дальше разведчики идти не решились. Операция не достигла цели.

Потеряв половину своего состава и торопясь вернуться, разведчики не вытащили из развороченной взрывами проволоки тела своих товарищей, видимо, думая, что они убиты. Присматриваюсь в бинокль. Вижу, что двое из них шевелятся. Докладываю по телефону командиру батальона. Слышу, как он басит:

— До вечера придется оставить. Вынести не дадут; угробим только людей.

Я остаюсь на наблюдательном пункте и продолжаю следить за дальнейшим. У противника нет и признака жизни.

Вдруг, справа от меня — удар нашего противотанкового орудия; разрыв на проволоке неприятеля около лежащих тел.

Второй, третий, четвертый, пятый! Четыре снаряда попадают в них. Все перемешивается. Теперь, наверное, раненых нет!

Трудно сейчас сказать, что я пережил. Помню, как вбежал в землянку командира батареи и заорал:

— Ты с ума сошел? Что ты делаешь?

Не отвечая, он в упор посмотрел на меня и, после краткого молчания, почти беззвучно, ответил:

— Я выполнил приказ комиссара и командира батальона.

Когда я вошел в землянку штаба батальона, мне навстречу поднялся комиссар и, подойдя вплотную, произнес:

— Я приказал избавить наших раненых от неизбежных зверств фашистского плена. Вы знаете, конечно, как над ними стали бы издеваться немцы, если бы они попали туда? Спасти их мы, все равно, не смогли. До вечера наших бойцов забрал бы противник.....

...Но предупреждаю вас что о моем приказе никому говорить нельзя. О нем знаем только мы и два человека на батарее. Официально же, все происшедшее — ошибка артиллеристов. Вы, надеюсь поняли?

Я понял, но к сожалению, слишком поздно.

4. «Подвиг» уполномоченного НКВД

По мере продвижения советской армии на запад, в ней все увеличивалось количество солдат монгольского происхождения. Узбеки, казахи, тюркмены, татары и др., все чаще и чаще, стали попадаться на глаза. Их бесстрастные лица встречались на каждом шагу. Это явление объяснялось, главным образом, тем, что красная армия несла неисчислимые потери и их нужно было восстанавливать. Своих славянских контингентов уже не хватало. Приходилось усиленно использовать другие народы, населявшие СССР, хотя воевать они упорно не хотели и, поэтому, в данном случае, солдаты были более чем посредственные.

Но с другой стороны, эти солдаты были в некоторых отношениях весьма удобны. Они хуже разбирались в политике, были более равнодушны к этим вопросам (хотя бы внешне), а это, как известно, при некоторых обстоятельствах, считается не плохим свойством.

Но воевать, повторяю, эти сыны востока определенно не желали.

Среди характерных явлений, наблюдавшихся в советской армии во время второй мировой войны, были, так называемые, самострелы. Под самострелом понимается нанесение самому себе ранения или увечья, с целью временного или постоянного избавления от службы в армии. Выше мы уже описывали случай с гранатой, имевший место на ленинградском фронте.

Это явление неожиданно получило широкое распространение. Простреливали себе, обычно, руки или ноги, нанося не опасное для жизни ранение, для того, чтобы только «смыться» в тыл. Были случаи и серьезнее. Один офицер нарочно наступил на мелкую противопехотную мину и был очень доволен, когда она ему аккуратно срезала ступню. «Ну, вот теперь я свободен» — морщась от боли, но радостно сообщил он своему приятелю.

С самострелами стали вести жестокую борьбу. Были разработаны специальные инструкции врачебному персоналу по опознаванию самострелов и их отличия от «нормального» ранения. При самостреле, обычно, стреляют на близком расстоянии или чаще прямо в упор; поэтому около раны образуется ожог и заметны следы от газов, вырывающихся из дула оружия. По этим признакам и стали отличать самострелы. На это «самострельщики» ответили тем, что

стали простреливать себе руки и ноги через мокрые тряпки. Ожоги исчезли. Выяснив этот трюк, врачи начали определять самострел по интенсивности прохождения пули через органы тела, о которой свидетельствовали отдельные детали ранения. Самострелыщики стали стрелять друг в друга на более длинных дистанциях.....

Борьба велась усиленная.... Обе стороны делали самые разнообразные ходы, хитрили как могли, но, в общем явный перевес оставался за самострельщиками, тем более, что их часто негласно поддерживали врачи.

Наконец, с целью решительной борьбы с этим явлением, был отдан приказ, по которому военные суды должны были приговаривать лиц, попавшихся в самостреле, исключительно к расстрелу.

——

В батальонный пункт медицинской помощи пришел узбек. У него была ранена рука — прострелена ладонь. И самый характер ранения и следы газов на руке свидетельствовали о том, что это самострел, сделанный, однако, очень неумело. Батальонный фельдшер заметил все, но не желая подымать шум, отправил его дальше в полковой, а затем и в дивизионный госпиталь.

Бедному мальчишке не повезло. Дело получило огласку; в него вмешались сначала батальонный и полковой комиссары, а потом представитель особого отдела и машина завертелась.

Узбек был арестован и сидел под охраной часовых. Скоро состоялся суд. Он был приговорен к расстрелу.

На другой день, приговоренный, под охраной часовых, был доставлен в расположение нашего батальона, а оттуда на передовую линию, к тому месту, где находилась его рота.

Около небольшого леса, приблизительно в ста метрах от края нашей обороны, была выстроена четвертая рота. В окопы четвертой роты, на время ее отсутствия, был введен взвод соседнего подразделения. К роте приблизился уполномоченный «особого отдела» при нашем батальоне, комиссар батальона и представитель военного суда. За ними, под охраной, шел приговоренный. Его подвели и поставили около ямы, вырытой на опушке леса. Он растерянно улыбался, по-видимому, не отдавая себе полного отчета в том, что с ним делают и, очевидно, думая, что все происходящее — нечто вроде инсценировки.

Представитель суда прочел приговор. Двое солдат подошли к приговоренному, сняли с него шинель и приказали снять сапоги. Поняв, что от него хотят, он, наконец, сообразил, что все это на шутки не похоже и, побледнев, расширенными от ужаса глазами, смотрел на окружающих. С него стащили сапоги и поставили на самом краю ямы, спиной ко всем собравшимся.

Раздалась команда; вышло четыре автоматчика и, по данному сигналу, дали залпом короткую «очередь». Медленно, как бы садясь, приговоренный повалился на бок. Он лежал на земле и стонал. Он был только ранен и, по-видимому, не особенно тяжело. Это было тем более удивительно, если учесть, сколько пуль должно было пройти через него, при стрельбе автоматическим оружием на близкой дистанции.

К лежащему на земле быстро подскочил уполномоченный «особого отдела» и, выхватив из кобуры пистолет, выпустил три пули в голову лежащего. Тот вздрогнул и замолк.... Подошло несколько солдат, спустили тело в яму и быстро начали засыпать могилу землей. Все разошлись.

Через несколько дней мы узнали, что в связи с этим случаем, уполномоченный «особого отдела» награжден медалью — «За боевые заслуги».

——

В тесной связи с «подвигом» уполномоченного НКВД, находится и другой случай, хотя и не имеющий прямой связи с первым, но свидетельствующий, что никаким террором, никакими расстрелами нельзя было бороться с той «крамолой», которая пронизала советскую армию насквозь и проявлялась либо в самострелах, либо еще в чем то ином.

В течение длительного времени, около штабной землянки, или иначе «блиндажа» батальона, очень часто стоял на посту пожилой солдат, по фамилии Чернышев. Он был старателен и охотно, во внекараульное время, оказывал всякие мелкие услуги и, если его посылали куда либо, — толково исполнял любые поручения.

Скоро к нему привыкли и он постоянно околачивался в штабной землянке, или около нее; командир батальона даже распорядился, чтобы его временно откомандировали из роты в распоряжение штаба.

Однажды вечером, когда Чернышев стоял на посту около входа в штаб, немцы, с соседнего участка, открыли косоприцельный пулеметный огонь. Батальонный штаб, обычно закрытый от ружейно-пулеметного огня, оказался под обстрелом. Трассирующие пули летели мимо, ударялись в бревна, блиндажа, вонзались в притолоку двери.

Увидев происходящее, Чернышев попытался укрыться за углом штабной землянки, но не успел и одна из пуль пронизала ему область живота.

Прибывшие санитары доставили раненого в пункт медицинской помощи, где он, не приходя в себя, скончался.

Когда мы, поздно вечером, сидя в штабе, ужинали, я выразил свое сожаление о гибели Чернышева. Меня поддержал комбат.

— Вы сожалеете? Хороший солдат был? — иронически усмехаясь, сказал комиссар.

— А не желаете ли, товарищ старший лейтенант, взглянуть вот на это? — и он бросил на стол какую то, аккуратно сложенную бумажку.

Я развернул ее. Это была немецкая пропагандная листовка, напечатанная на русском языке, критиковавшая сталинский режим и приглашавшая красноармейцев переходить на сторону немецкой армии. Если эту листовку определенным образом сложить, то получался маленький четырехугольный листок, в центре которого, в рамке, был напечатан, на немецком и русском языках, пропуск для перехода на немецкую сторону. Листок, брошенный комиссаром, был аккуратно сложен, именно, таким образом.

— Я эту «драгоценность» обнаружил у него после смерти, во внутреннем кармане. Все было, видимо, приготовлено. Сволочь проклятая! Жаль, что подох, а то показал бы ему!…

Я молчал, ибо независимо от моего отношения к этому делу, надо было молчать. На эти, более чем скользкие темы, лучше было не разговаривать. Что то несвязное пробормотал и комбат, сочно при этом выругавшись.

Комиссары, работники армейского НКВД — люди особой категории, люди, собственно говоря,

мало похожие на людей в прямом смысле этого слова. Они воспитаны так, что насквозь пропитались и оказались насыщенными дьявольской ненавистью ко всему тому, что так или иначе несогласно с ними.

Ненависть и какая то спокойная, будто «естественная» жестокость — вот основная черта их характера. Они также относятся ко всему несогласному в чем то с ними, с глубочайшим презрением, считая себя носителями абсолютной истины и не пытаясь даже разобраться в каких то иных взглядах. Человеческая жизнь для них ничто.....

Так их воспитали и тот из них, кто действительно верит в то, чему его научили, представляет собой тип законченного и злобного фанатика, с беспредельной нетерпимостью относящегося ко всему инакомыслящему. Остальные же — это чиновники, которые из личных, служебных соображений стараются быть такими, какими они должны быть....

5. Наступление

Через несколько дней наш полк, совместно со всей дивизией, был переброшен на двадцать километров южнее, где, сменив сильно потрепанную гвардейскую часть, занял ее позиции в нескольких километрах от железнодорожной станции М.

Окопы, оставленные гвардейским полком, как водится, находились в лесистой низине. под сопкой, а на сопке (тоже как всегда) находился противник. Сложная сеть проволочных заграждений была протянута по склону холма..

Как уже говорилось раньше, немцы, на этом участке фронта находились в мешке. Видимо, учитывая это, немецкое командование решило отойти без боев, с тем, чтобы избегнуть грозящего им окружения.

Разведка донесла, что на ближайшей станции производится спешная погрузка всевозможного имущества, с целью эвакуации. По-видимому, отходя, немцы хотели вывезти все, вплоть до гражданского населения.

Командование, получив эти сведения, решило помешать планомерному отходу германских частей, нанести на нашем участке фронта удар, захватить станцию М., прервать эвакуацию, внести панику и принудить противника отступить ускоренными темпами. Было ясно, что немецкая часть, стоящая перед нами, является незначительным заслоном, прикрывающим отход основных сил.

Между нами и станцией лежала широкая гряда холмов (сопок), покрытых лесом и кустарником. На них находился противник. Справа, на участке соседнего полка, проходило шоссе, которое изгибаясь между холмами, выходило прямо к станции.

Единственно правильным тактическим планом являлось бы обходное движение (а ни в коем случае не атака обороны противника в лоб) и использование шоссе для широкопоставленной танковой операции. Надо было прорвать фронт, в другом, более слабом месте и по ближайшему тылу противника выйти к станции. Одновременно, массированным танковым ударом следовало прорвать оборону немцев на шоссе и, прикрывая пехоту, вместе с нею, выйти к станции.

К сожалению, этого ничего не было сделано. Было приказано нечто совсем другое. Основной удар был направлен на сопку, находившуюся перед нашим батальоном, так как она господствовала над станцией и над линией железной дороги. С этой точки зрения взятие ее было целесообразно, но, во первых, оно бы стоило колоссальных жертв, а во вторых, эти

жертвы могли бы быть принесены совершенно напрасно, ибо ручаться за успех операции при атаке в лоб, в данном случае было весьма трудно.

Одновременно было указано, что эту операцию, порученную нашему батальону, будет поддерживать полковая артиллерия, а, кроме того, по шоссе подойдет танковый дивизион, который также поддержит нас своей артиллерией и будет вести наступательный бой в районе шоссе.

Настало зимнее солнечное утро. Снег хрустел под ногами а покрытые им ели, низко наклонили свои ветви к земле… Под ними суетились и сновали люди, почти шепотом переговариваясь друг с другом. Противник был близко, а в морозном воздухе особенно хорошо разносятся все звуки. Роты готовились к наступлению.

Находясь на артиллерийском пункте, я внимательно осматривал в бинокль оборону противника. Ясно был виден бруствер окопов, ходы сообщения, но ни одного признака жизни. Сопка точно вымерла. Создавалось впечатление. что немцы ночью незаметно отошли.

Наша батарея начала артиллерийскую подготовку. Снаряды точно ложились на передний край обороны противника. Сделав с десяток выстрелов. батарея прекратила стрельбу.

— В чем дело — обратился я к артиллерийскому офицеру — почему вы прекратили огонь?

— Снарядов нет! — копотко ответил он.

— То есть как нет? О чем же вы думали раньше. В самый ответственный момент вы заявляете, что не можете вести огонь!

— Да я двадцать раз в штаб полка звонил. А они мне отвечают: «не беда, пехота вывезет». Что же я могу сделать? Из ладошек стрелять, что ли? А вы вот возьмите и не «вывозите» их! Сволочи! Взял бы, да перестрелял бы всех, а в первую очередь, полкового комиссара.

И, крепко выругавшись, он помчался в штаб с требованием снарядов.

Меня вызвали к телефону. Звонил комбат.

— Слушай, что там с артиллерией? Почему прекратился огонь?

Я объяснил.

— Да, ты знаешь, что они сейчас звонили и требовали начинать. Что они делают! Приходи хоть ты скорее.

Одетая в белые маскировочные халаты, четвертая рота вышла на исходный рубеж. В ее задачу входило: по возможности, незаметно подойти к проволочным заграждениям противника. прорезать в них проходы и штурмом брать сопку, уже при поддержке остальных двух рот.

Маскируясь в снегу, быстрыми перебежками, красноармейцы двинулись вперед. Миг… и до сих пор, молчавшая сопка заговорила. Пулеметный огонь начал косить людей. Сразу же появились раненые и убитые. Снег окрасился кровью….

Минометы противника начали вести огонь. Лес, в котором мы находились, оказался буквально засыпанным минами, к счастью, большей частью рвавшимися в верхушках деревьев.

Тяжелая артиллерия немцев начала вести огонь по нашим ближайшим тылам, стремясь отсечь

наступающие подразделения и прервать их связь с тылом. Четвертая рота откатилась назад, потеряв половину своего состава и не выполнив задания. Напрасно мы звонили в штаб полка и просили отложить наступление до темноты; напрасно мы требовали артиллерийского огня и поддержку минометной батареи.

Ничего этого дано не было; беснуясь и неистово ругаясь, командир полка требовал немедленного выполнения операции; он был по своему прав, ибо от него этого требовал штаб дивизии, а от штаба дивизии требовал штаб армии, как всегда не знающий конкретной обстановки и полагая, что на месте «все в порядке». На бумаге была и артиллерия и танки, на деле ничего, кроме винтовок, ручных пулеметов и автоматов. Это был типичный «стиль» большинства локальных операций красной армии.

Внезапно, в нашем блиндаже появился комиссар полка.

— Что же вы не наступаете? — был первый его вопрос.

— Да мы, товарищ комиссар, начали, но ничего не выходит. Надо артиллерию.

— Да ведь артиллерийская подготовка была.

— Ну что ж там, десяток выстрелов дали. Огневые точки подавить надо было. Смотрите, как лупят!

Между разрывами мин была отчетливо слышна пулеметная трескотня.

— Рассуждать тут нечего, надо брать и все тут. Сейчас по шоссе должны подойти танки. Сверьте ваши часы с моими и через пятнадцать минут, то есть в десять сорок пять, начинайте атаку.

Комбат пожал плечами и бросил мне.

— Начальник штаба — распорядись!

Я вышел. Огонь противника усилился. Видимо, понимая наши намерения, он сверху буквально пронизывал лес огнем. С трудом добравшись до опушки, у которой весь снег был уже в крови, я передал командиру пятой роты приказание комбата. Придав к ней остатки четвертой роты, командир которой был уже убит, я посоветовал ему пускать людей отдельными небольшими группами, для прорезки ходов в проволочных заграждениях и, одновременно, отвлекая внимание противника к центру, попытаться пройти с правого фланга и ворваться в оборону немцев.

Согласившись со мной, командир пятой роты начал операцию.....

Огонь противника усилился. Но, несмотря на это, несколько человек находилось уже у проволоки.

Справа на шоссе был слышен шум моторов. Шли танки, срочно посланные для «поддержки нашего батальона. Подойдя по шоссе, танки, развернувшись, открыли прямой наводкой огонь. Однако, так как они получили приказание не непосредственно от командира батальона, а от штаба полка и детально не знали обстановки боя, они стали вести огонь по проволочным заграждениям, у которых скоплялась пятая рота.

Положив с удивительной точностью несколько десятков снарядов, солидно разворотив

проволочные заграждения и уничтожив не мало своих собственных солдат — танки ушли дальше по шоссе….

Когда начали рваться снаряды, выпускаемые танками, то солдаты, лежавшие около проволочных заграждений, глубоко зарывшись в снег, вообще, в первый момент, ничего не поняли. Но точность огня внесла панику и рота начала откатываться назад, потеряв много людей убитыми и ранеными. Видя поднявшихся во весь рост красноармейцев, бегущих обратно, противник, в свою очередь, открыл по ним ожесточенный пулеметный огонь, скосивший немало людей.

Жалкие остатки четвертой и пятой рот, из которых можно было бы составить два не полных взвода, были, по существу, небоеспособны. Оставалась еще шестая рота.

Когда комиссар полка узнал о происшедшем, он вскочил и дико завопил:

— Это вредительство, это измена! Я выясню кто виноват. Расстрелять, всех расстрелять!

— А по моему, товарищ комиссар полка, никакой измены здесь нет — сказал я.

— А что же это такое?

— Обыкновенная бестолочь.

— Вы, тоже скажете…

— Да, конечно — вмешался комбат — разве это подготовленное наступление? Просто смертоубийство.

— Учтите, товарищ комиссар полка — снова сказал я — у нас осталась одна шестая рота, которая уже несет потери. Если и она тоже будет уничтожена, то этот участок фронта окажется совершенно оголенным. В случае контр атаки противника, ему сопротивление оказывать будет некому.

— Что вы предлагаете?

— Перенести наступление на ночь и прислать минимум одну резервную роту.

— Как вы смотрите на это? — обратился комиссар к комбату.

— Я согласен….

Поняв, наконец, бесполезность продолжения никому не нужной бойни, комиссар добился того, что наступление было отложено на ночь. Позднее, нам сообщили, что к вечеру нам на помощь будет прислана штрафная рота.

——

Наступило некоторое затишье, хотя противник продолжал обстреливать нас из минометов. В лесу стоял почти непрерывный гул от разрыва мин.

Набежали тучи, пошел снег. Видимость ухудшилась. Пользуясь этим подъехала походная кухня и стала раздавать, оставшимся в живых, обед.

Раненых, а их было очень много, почти всех удалось эвакуировать. Убитых убирать было

некогда, да и крайне опасно. Угробив две трети батальона, мы до вечера должны были бездействовать.

И, как часто бывает в жизни, самое трагическое переплетается с самым смешным. Мы сидели с комбатом вдвоем в нашем «блиндаже». Комиссар отправился в штаб полка. Я вызвал дежурного связиста и приказал принести нам обед.

— Постой, постой — заволновался вдруг комбат, — знаешь, у меня давно живот болит…. я все терплю и терплю…..

— Ну, так в чем же дело….. Пожалуйста — и я сделал жест, приглашавший его выйти из блиндажа.

— Ну, нет, ты смотри, что делается!

Действительно, грохот близких разрывов не прекращался.

— Нет, знаешь — продолжал комбат — я иначе. Эй, связной! Поищи и принеси мне лишнюю каску. Там, наверное, кто-нибудь из раненых оставил.

Я давно замечал, что наш командир батальона был не из особенно храбрых. Вылезать из землянки или из блиндажа он очень не любил, а на передовую линию никогда не ходил. Но, признаться, такого «номера» я от него не ожидал. Хотя, в данном случае, сильный минометный огонь противника несколько оправдывал эту предосторожность.

Каска была принесена. Живот у комбата перестал болеть; я выскочил из помещения. Около него наши ординарцы давились от смеха.

Когда стемнело, около восьми часов вечера, в штаб батальона явился бравый пожилой майор и представился как командир штрафной роты, прибывшей к нам на подмогу.

— Ну, что тут у вас такое? Немцев выбить не можете? Мои молодцы живо их выкинут! — самоуверенно говорил он.

— Ну что ж! Как говорится, в добрый час — иронически проронил комбат, сидя в углу и попыхивая трубкой. Он чувствовал себя виноватым и обиженным, как невыполнивший приказ и за неудачную утреннюю операцию.

— Да, да. Вот скоро начнем.

— Вы пойдете на передовую? — осведомился я у него.

— Нет, зачем же; я буду руководить отсюда, по телефону — ответил майор. «Ну еще один «любитель каски явился» подумал я и посмотрел на ординарца. Тот взглянул на меня и мы оба чуть громко не рассмеялись, одновременно вспомнив предобеденный инцидент.

С наступившей темнотой противник усилил огонь. Штрафная рота готовилась начать атаку. Видя, что командир штрафной роты и не собирается прогуляться на опушку леса, что бы самому руководить наступлением, я тоже, уже принципиально не пошел и нарочно задержался в блиндаже, чтобы посмотреть, что этот бравый командир будет делать дальше.

— Дав по телефону приказ — наступать, майор поудобнее устроился, закурил папиросу и мечтательно пустил дым в потолок.

С передовой по телефону передавали, что противник, освещая местность ракетами, открыл пулеметный огонь и положил роту в снег. Рота лежит в снегу, не может подняться и несет потери. Рота лежала, неся тяжелые потери, а майор, по телефону кричал, чтобы шли вперед.

——

Трудно сказать, что там происходило, но только очень скоро, штрафная рота, не сделав почти ни одного выстрела, была уничтожена…… За ней наступила очередь нашей шестой роты….. В общем, к утру, от батальона, ничего не осталось….

Еще накануне, я чувствовал себя не особенно хорошо. Утром у меня поднялась температура, достигая сорока градусов. Видимо, начался очередной припадок малярии, мучившей меня. Я был срочно отправлен в дивизионный госпиталь и уже там узнал конец этой трагической эпопеи.

Когда утром выяснился провал всей операции, при чем не только в нашем батальоне, но и в соседних подразделениях, взбешенный командир полка, собрал всех оставшихся людей, вплоть до поваров и писарей и бросил их в «наступление». Результаты были те же. Оставались еще четыре офицера. Им было заявлено:

— Раз вы не умели руководить своими подразделениями в бою и погубили их, то идите и берите сопку сами.

Оскорбленные и разобиженные они вышли из лесу во весь рост, с автоматами в руках и были немедленно скошены огнем противника.

И эта картина не случайна и не единична. За исключением отдельных, специально подготовленных операций, то, что происходило на нашем участке, происходило везде.

Когда немцы эвакуировали все, что считали нужным, они зажгли станцию и сами оставили и ее, и нашу сопку. Это случилось через два дня после конца боев.

Выяснилось, что на сопке находилось не более взвода неприятельских солдат. Эти несколько человек уложили около пятисот красноармейцев. И это никого не возмущало.

Когда задают вопрос, как и чем советские войска брали вверх над немцами, то ответ может быть только один: пушечным мясом.

Совершенно не ценя человеческую жизнь, ставя ее ни во что, руководители красной армии бросали на убой массы людей, захлестывая ими противника. Советские войска побеждали тогда, когда немецкие пулеметы захлебывались от надвинувшихся на них людей и уже не могли физически уничтожить напиравшую на них массу.

В этом и заключается один из основных «секретов» второй мировой войны на восточном фронте, который никогда не раскроют никакие ученые и умные рассуждения о стратегии и тактике советской армии. Война не малой кровью, а такой большой, которую до сих пор еще не видел мир — вот основа победы советских войск.

6. Встреча с врачом

Болезнь избавила меня от участи четырех последних офицеров нашего батальона, заплативших своею жизнью за преступную тупость высшего командования и хаос, царивший в армии.

Я уже поправлялся и стал вставать, собираясь выписываться из полевого госпиталя. Но у меня сильно начали болеть ноги и мне было трудно ходить.

Однажды, когда я стоял у входа в больничную палатку, ко мне подошел военный врач. Лет тридцати пяти, с двумя орденами на груди, он носил погоны капитана медицинской службы. Как выяснилось несколько позже, это был старший врач госпиталя.

— Ну как здоровье, товарищ старший лейтенант — обратился он ко мне.

Я ответил, что собираюсь выписываться.

— А ноги как?.....

— Да не особенно.

— Вот что, оставайтесь пока здесь, а так как в общих палатках обстановка весьма тяжелая, то переходите в мою личную палатку. У меня стоит совершенно пустая койка. Вы на ней и устроитесь. Побудьте у меня, отдохните. Ведь, после этого побоища дивизия, очевидно, пойдет в тыл на формирование.

Я согласился и прожил у него неделю.

Это был интересный человек. В детстве он был беспризорник и жил под железнодорожными вагонами, в парках, в подвалах и в пустых камерах теплоцентралей.

Он вступил в комсомол и выбился в люди. Впоследствии — закончил школу, какой то техникум, работал на стройках, а затем попал в медицинскую академию и стал врачом. С 1935 года — член ВКП(б), участник советско-финской войны, дважды орденоносец.

Но самое замечательное было то, что этот человек буквально чуть ли не бледнел и трясся при упоминании имени Сталина. Более ненавистного имени для него не было.

Когда он немного познакомился со мной и понял, что он имеет дело с человеком достаточно трезво и критически относящимся ко всему происходящему, он стал делаться все откровеннее и откровеннее.

— Поймите, я был ничто — говорил он. — Я всем обязан советской власти, ибо из простого, бездомного, уличного мальчишки, стоявшего на грани преступности и имевшего в перспективе большую уголовную «будущность», я превратился в человека с высшим образованием, во врача.

И комсомол и партия привлекли меня по чисто идейным причинам; мой партийный билет не был для меня просто «путевкой в жизнь», берущейся во имя карьеры. Нет, я любил, и партию, и наш советский строй, и те великие идеи, за которые мы боремся уже почти тридцать лет…

Но я, в конце концов, понял, что это все мираж. В нашей стране нет никакой демократии, нет никакой «диктатуры пролетариата», нет даже диктатуры партии….. Есть только чудовищно кровожадная, жестокая и свирепая диктатура правящей, партийно-бюрократической верхушки, цепкими когтями вцепившейся во власть и, мечтающей о своей уже не всероссийской, а все мирной диктатуре.

Они подавили не только народ, они подавили и нас партийцев…

Из политической партии, имевшей когда то принципы внутрипартийной демократии, какую то,

более или менее, нормальную партийную организацию, мы превращены в послушное стадо более привилегированных и приближенных чиновников, через которых диктаторы осуществляют все свои мероприятия……

Нет партии, ибо то, что есть — это не партия, а развращенная до мозга костей своими мелкими алчными стремлениями, раболепная и жадная банда лакеев, низкосклоняющаяся перед хлыстом своего хозяина, и умеющая только говорить:

«Чего изволите-с?»

Посмотрите на наших комиссаров. Ведь какой вздор и вранье им не преподносят сверху, они с серьезным видом и с убеждением, что это так и должно быть, повторяют его красноармейцам.

И понимаете, что самое удивительное! — воскликнул он — люди настолько уже стали какими то роботами, так разучились самостоятельно мыслить, что перестали понимать сущность всей этой остроумной «механики». Я нахожусь особенно в глупом положении, ибо не только ненавижу Сталина, но ненавижу и немцев. И чем кончится эта моя внутренняя борьба на «два фронта» — трудно сейчас сказать!

Он замолк… В железной печурке потрескивали дрова; приятное тепло наполняло палату. Отблески огня дрожали на потолке, переливались, создавая мягкий полусвет.

Потрясенный его взволнованной и полной ненависти речью, я молчал. Мне ясно было, что это не комедия и не провокация. Все было понятно и еще лишний раз подтверждало то, что давно было известно.

7. Тоска

Серые сумерки спускаются на землю. Бесконечные снега сереют, сливаются с темным зимним небом. Стволы деревьев одиноко чернеют среди беспроглядной вечерней мути… Падают снежинки….

Иногда налетающий откуда то ветерок шумит в верхушках сосен, мерно раскачивающих своими вечнозелеными вершинами….

Бои закончились…. Зимние сумерки, снега, снега, снега и бесконечная тоска…. Тоска и леденящий душу ужас обреченности, обреченности смертника, ожидающего своей очереди идти на казнь. «Сегодня я вытянул один из счастливых номеров лотереи смерти, которые достались немногим» — думают оставшиеся в живых. «Но это разве выход из положения… Ведь это только отсрочка того что неминуемо должно быть! «Что же делать?» — и, думая так — они лихорадочно ищут выхода, но немногие находят его.

——

Жалкие остатки полка и дивизии расположились в лесу. Растянуты палатки. Их очень мало, но людей еще меньше и, поэтому, всем есть место. Небольшие походные печурки, поставленные в палатках, успешно борются с зимним холодом и побеждают его. В палатках тепло, пока ярко пылает в печурке огонь. Скромный походный светильник, робко мерцает крошечным огоньком, давая еле заметный полусвет.

Нас собралось в палатке около десяти человек. Командир хозяйственного взвода, пожилой, солидный человек, каким то чудом уцелевший в этой бойне, два полковых писаря, два

ординарца, повар, несколько связных солдат — компания разнокалиберная по своему составу, но единственно возможная после таких боев.

Тихо…. Слышно как гудит пламя в печке, да трещат дрова. Каждый думает свои невеселые думы, вспоминает погибших друзей. Раздались звуки гармоники и знакомая мелодия столь популярной в армии «Землянки», наполнила палатку.

«Гаснет в дымной печурке огонь,

На поленьях смола — как слеза,

И поет мне в землянке гармонь

Про улыбку твою и глаза….»

Свежий, звучный тенор одного из сидящих в палатке, захватывает всех остальных. Невольно вспоминается «мирная» жизнь (какая бы она не была), огромный шумный город, родные, друзья, знакомые и еще многое другое.

«Про тебя мне шептали кусты

В белоснежных полях под Москвой,

Я хочу, чтобы слышала ты

Как тоскую в разлуке с тобой».

Грустные и, вместе с тем, близкие многим звуки мелодии, проходят в душу, невольно заставляют присутствующих подхватить слова знакомой песни и теперь певец поет на фоне маленького импровизированного хора.

«Ты теперь далеко, далеко,

Между нами: леса и снега,

До тебя мне дойти нелегко,

А до смерти четыре шага!»

«Пой гармоника вьюге на зло!

Заблудившее счастье зови,

Мне в холодной землянке тепло,

От твоей негасимой любви!…..

Шумит в лесу зимний ветер… От его порывов, ударяющих в стенку палатки, вздрагивает робкий огонек нашего светильника. Откуда то доносятся разрывы немецких снарядов; все молчат, думая что то невеселое.

Глава 8

СНОВА В ТЫЛУ

1. В колхозной деревне

Эшелон, состоящий из товарных вагонов, уносил остатки разбитой дивизии на восток.

Нас, оставшихся в живых и не раненых, было только около четырехсот человек. Свыше семи тысяч человек оставила дивизия на фронте и в полевых госпиталях за несколько дней совершенно никому ненужных, неудачных боев.

После почти трехдневного пребывания в вагоне, мы, темной февральской ночью, выгрузились на товарной станции города Калинин. Так назывался теперь один из старейших русских городов, который всюду и всегда был известен как Тверь.

Разбитый, сумрачный город; всюду следы бывших здесь боев. Проходим окраину и снова ночной, сорокакилометровый марш, по накатанному снегом шоссе Москва — Ленинград. К утру пересекаем полотно Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги, и размещаемся в ближайших деревнях.

——

Первые же дни показали, что поведение нашей дивизии на фронте, как и многих других дивизий, кому то не понравилось. Началась смена и перетасовка начальства. Сменяются командир дивизии и его заместитель, командиры и комиссары полков и даже командиры батальонов.

——

На место выбывших из строя, прибывает новый командный состав и, наконец, через несколько дней — младшие командиры и рядовые.

Здоровые крепкие ребята — сплошь сибиряки, они представляли импозантное зрелище. Когда пополнение пришло к нам в батальон, то одновременно, приехал и комиссар полка, который произнес небольшую, но характерную для того момента речь. Он сказал:

— Вы являетесь нашими последними крепкими резервами. Их у нас почти больше нет. Вы призваны, по существу, завершить победоносную войну и водрузить флаг Советского Союза над цитаделью германского фашизма, над Берлином. Я не сомневаюсь, что вы будете активными участниками тех последних боев, которые будут завершать войну. Трудно сказать, как сложится послевоенная международная обстановка. Надо быть готовым ко всему. Стойте же твердо и непоколебимо на защите нашей любимой родины….»

Снова начались нескончаемые занятия. С утра до вечера, солдаты, зарываясь по пояс в снег, ползали, перебегали, ложились стреляли, «изучали» оружие, уставы, слушали бесконечные беседы комиссаров на самые разнообразные политические темы. Вечером, сидя у огня в колхозных избах, вспоминали свои дома, близких и родных, беседовали с хозяевами, стеснившимися до крайности из за не прошенных гостей, потом спали вповалку на полу и начинали следующий день, как две капли воды похожий на предыдущий.

2. Убийство

Трудно сказать с чего это началось. Но факт оставался фактом, что старший сержант Грузин поймал одного из солдат при «реквизиции» каких то продуктов у крестьян. Вор был арестован и посажен на десять суток под арест. Имевшие с ним дело говорили, что он, неоднократно, грозил отомстить Грузину за учиненную «обиду».

Прошли положенные сроки, провинившийся давно был выпущен из под ареста, вся эта история, если не была совсем забыта, то, во всяком случае, потеряла свою остроту. Роты выходили за деревню в поле для производства учебной стрельбы боевыми патронами. Солдаты роты, в которой служил Грузин, лежа в снегу, стреляли по мишеням, выставленным на другом конце поля. Сам Грузин стоял около своего отделения, поправляя стрелков, делая им необходимые указания. В трескотне выстрелов трудно было что либо услышать и никто, конечно, не заметил одиночного ружейного выстрела, сделанного из гущи молодой поросли, росшей позади стрелявших. Никто не слыхал, но зато все увидели, как упал наповал убитый Грузин. Пуля вошла в спину, пробила сердце и вышла через грудь.

За этой порослью стояли две другие роты, ожидавшие своей очереди для производства учебной стрельбы. Кем был дан выстрел и чья преступная рука оборвала жизнь Грузина — осталось неизвестным. Да и этим, по существу, никто особенно и не интересовался. Что означала одна человеческая жизнь для армии «победившего социализма».

3. Эшелон направляется на юг…

Наступала весна… Кончились последние февральские метели, отошли морозы. Радостно светило солнце на светло-голубом весеннем небе, по которому плыли белые, перистые облака. Таял снег, отовсюду текла вода, образуя стремительные потоки, торопящиеся Бог знает куда.

На полотне железной дороги, кое где, из под снега вылезли шпалы и балласт и, в этих местах поднимался легкий, еле заметный пар. Третья военная весна вступала в свои права….. Стояли последние дни февраля 1944 года.

Снова поход. На этот раз уже дневной, по освобожденному от снега асфальтовому шоссе.

Товарная станция Твери. Ночная посадка в эшелоны; после длительного стояния на станции, наш состав трогается в путь.

К вечеру попадаем в Москву. В течение целого дня поезд перебрасывали с одной железной дороги на другую, пока, наконец, поздно вечером, его не поставили на запасных путях киевского направления. В ту же ночь стало точно известно, что наша дивизия перебрасывалась на украинский фронт, в западную Украину, в район города Ровно.

Больше трех недель шел эшелон к месту своего назначения. Мы проезжали знакомые города, которые трудно было узнать и назвать городами. Взорванные вокзалы, груды развалин вместо домов, оборванные, полуголодные люди, живущие в каких то норах — вот те впечатления, которые остались у нас от мест, по которым прокатилась война.

Окончательно пахнуло теплом. Мы въезжали в Украину. Деревни стояли, как будто бы и нетронутыми. Как всегда весело смотрели белые стены украинских хат, махали крыльями ветряные мельницы, но странное безлюдье царило вокруг. Лишь на просторах еще не вспаханных полей, встречались одинокие женские фигуры, пахавшие землю на коровах.

4. Новая тема политзанятий

Мы подъезжали к Киеву. Плотно позавтракав американскими консервами, комиссар батальона пришел к нам в вагон — проводить свою очередную политбеседу. В этот раз речь шла о международном положении, о положении на фронтах. Одновременно, комиссар давал кое какие прогнозы в смысле будущих военных действий и сроков возможного окончания войны. Наконец, он заявил и следующее:

— Окончание войны несет нам несомненную победу. Это факт совершенно неоспоримый. Когда придет эта победа и закончится война — сейчас трудно сказать. Может быть, через шесть месяцев, может быть, через год. Но дело заключается в том, что конец войны отнюдь не решает еще ряда вопросов международного порядка, которые возникнут после нее.

Из за мирного договора, который мы подпишем вместе с Англией и США, выглядывает конкретная и близкая возможность новой войны.

Надо отчетливо понять, что наши союзники, которые помогают нам, вместе с нами воюют против Германии, (хотя и не совсем так, как бы мы этого хотели), в значительной мере являются нашими друзьями, лишь постольку, поскольку мы совместно заинтересованы в победе над Германией.

Между первым в мире социалистическим государством — СССР и капиталистическим миром лежат непримиримые противоречия, коренящиеся в противоположных системах этих двух миров. Рано или поздно встанет во весь рост конкретная проблема — кто кого?

Мы боремся за победу коммунизма во всем мире и, следовательно, за полное уничтожение капитализма. Центральными государствами капиталистического блока являются США и Англия. Следовательно, борьба с капитализмом — есть, прежде всего, борьба с этими странами.

Окончание войны внесет новые противоречия между нами и нашими союзникам. Наши интересы после войны будут совершенно различны и даже прямо противоположны. Эта противоположность интересов не может дать долго сосуществовать двум различным системам…. Надо также учесть, что мы, одновременно, вступили в полосу усилившегося влияния коммунизма во всем мире, укрепления нашего авторитета и подготовки условий для победы коммунизма в ряде капиталистических стран. Это вызовет после войны соответствующую реакцию, которая, вероятно, приведет к окончательному разрыву с нашими союзниками и, одновременно, создаст благоприятную обстановку, для победы коммунизма.

И в этом во всем нет ничего, собственно говоря, удивительного. Наша совместная борьба против Германии, несомненно, — есть явление конъюнктурное, временное. Если мы и имеем материально-техническую помощь от США, то мы оплачиваем ее дорогою ценою, ибо центральная тяжесть войны легла на нас.

Война создала необычайный престиж СССР, увеличила во много раз мощь и боеспособность нашей родины. Это надо учесть и приложить все силы, для скорейшего достижения наших главных целей. Завоевание Европы нами в этой войне — является подготовкой одного из плацдармов будущей, последней и решающей битвы. Трудно сказать, как будут развиваться события после окончания военных действий, какой перерыв будет дан до новой войны….

Имеются основания думать, что этот перерыв будет не особенно длинным и, во всяком случае, не двадцать лет, а гораздо меньше…..

Так говорил комиссар… Эта беседа комиссара особенно никого не поразила. Мы все настолько привыкли к двуличной и «извилистой» политике СССР, настолько хорошо знали

действительные стремления кремлевских правителей, что нас этим удивить было нельзя. Мы прекрасно понимали, что вся сущность большевизма, настолько враждебна всему свободному миру, настолько нетерпима и полна жесточайшей ненависти ко всему, что не согласно с его доктриной, что ни о какой серьезной дружбе с союзниками говорить, вообще, не приходилось.

Нам было одно неясно: как этого не понимают западные державы и их государственные деятели, заключающие с СССР всякого рода пакты, лишенные, с точки зрения трезвой оценки действительности, всякого здравого смысла.

Глава 9

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

1. Через Западную Украину

Переехав старую границу СССР около станции Шепетовка, поезд вошел на территорию Западной Украины, до 1939 года, принадлежавшей Польше.

С момента перехода на территорию быв. Польши обстановка в корне изменилась. Была сразу же усилена охрана эшелона. На стоянках, по вечерам, стали запрещать удаляться от вагона. Прошли еще сутки и поезд, все ночи, стал простаивать на станциях, двигаясь дальше лишь после наступления рассвета. Это объяснялось тем, что все леса кругом буквально кишели антисоветскими партизанами, без церемонии, по ночам, спускавшими под откос, проходившие воинские эшелоны, поезда с военными грузами и т. д. Было объявлено, что ввиду того, что на территории, которую мы проезжали, орудуют шайки «бандитов», необходимо соблюдать особую осторожность.

Но с нами ничего не случилось и на пятый день езды, по территории Западной Украины, поезд ночью подошел к станции, лежащей недалеко от линии фронта — конечному пункту нашего путешествия.

Была свежая, безлунная, весенняя ночь. В полной тьме, почти на ощупь, мы спешно разгружались и отходили в ближайший лес, росший около станции. Было около двух часов ночи, когда закончилась разгрузка. Мы сидели в лесу, ожидая рассвета, для того, чтобы выступить дальше по намеченному маршруту.

С запада слышалась беспрерывная канонада. Ее гул то нарастал, то затихал, сливаясь с шумом сосен, слышимом при набегавшем свежем ветре. Зарницы от артиллерийских вспышек непрерывно освещали небосклон, свидетельствуя об интенсивности огня. Шел многодневный бой в районе Ковеля, находившегося в полукольце советских войск.

Утром мы выступили походной колонной по направлению к фронту.

Стояли прекрасные, солнечные весенние дни. Снег уже совсем сошел; из под прошлогодних листьев, сильно и буйно выпирала свежая молодая трава, на деревьях набухали почки. Зеленым ковром расстилались озимые хлеба, по которым, то тут, то там, поднимались и стремительно удирали зайцы, сопровождаемые стрельбой наиболее заядлых охотников. Но сколько не стреляли из автоматов по зайцам, попаданий — почти не было.

Но, к сожалению, стрельба велась не только по зайцам.… С каждым днем увеличивалась

усталость от войны и пропорционально этой усталости, росла распущенность солдат и даже офицеров. Дисциплина и без того слабая, падала все больше и больше.

Несмотря на категорическое запрещение, красноармейцы, проходя через деревни, считали «своим долгом» стрелять. Сначала — в воздух, потом — по собакам и курам. Кончилось это веселье следующим образом. Проходя мимо одного из домов и видя около него лающую собаку на цепи, какой то «весельчак», не долго думая, пустил очередь» из автомата.

Не знаю, попал ли он в собаку, но совершенно несомненно то, что часть пуль он залепил в стену хаты. Проникнув через глиняную стену, пули вошли во внутрь и одна из них попала в сердце хозяина дома, мирно сидевшего за столом. Семья подняла крик. Сбежались люди. На место происшествия прибыл комиссар батальона, начальник особого отдела и ряд других лиц. Но мертвого этим воскресить было уже нельзя Мы пошли дальше, оставя плачущую семью, проклинающую своих «освободителей».

Я не видел вообще у жителей освобожденных местностей проявлений особых симпатий к советским войскам. Не было проявлено и особой неприязни. Да, пожалуй, ее и побоялись бы высказать. Основное настроение — это внешнее равнодушие, сдержанное отношение, с большей долей недоверия и страха. «Ах, не все ли равно!» И там и здесь достаточно плохо. Мы вас не трогаем, оставьте и вы нас в покое» — вот основной смысл этого внешне-спокойного и нейтрального отношения к событиям.

Но не все относились так.

Часто под внешним равнодушием и кажущимся «нейтралитетом» скрывалось и нечто иное. Выше указывалось, что леса Западной Украины были наводнены антисоветскими партизанами. Несомненно, что они не могли действовать и существовать без поддержки местного населения, именно того, с которым встречались мы. И не случайно ходили рассказы о том, что многие партизаны приходят ночевать в те деревни, где нет в данный момент подразделений советской армии.

Утомившись долгой дорогой, мы, группа офицеров и солдат, спали на соломе, в одной из изб, небольшой деревушки, лежавшей около леса. Часовые, стоявшие ночью около избы, доложили, что несколько раз видели на опушке леса, мелькавшие огоньки. Кроме того, какая то группа вооруженных людей проходила по боковой улице деревни, но часовые не могли рассмотреть их, так как это происходило на некотором расстоянии от них. Поскольку они никого не трогали и прошли мимо, охрана не поднимала тревоги.

Утром я стоял около стены какого то сарая во дворе, поджидая упряжки лошадей в противотанковое орудие, шедшее вместе с нашим подразделением. Две пули, просвистев около моей головы, ударились в стену сарая. Еще несколько прожужжало над нами…. Стреляли из лесу, находившемуся от нас в трехстах метрах. Наши пулеметчики дали короткую очередь, из ручного пулемета, по опушке леса. Обстрел прекратился.

Среди белого дня — полк был неожиданно обстрелян ружейным и пулеметным огнем. Огонь велся из лесу, лежавшем в двухстах метрах от шоссе, по которому двигалась колонна. Нападение было столь неожиданным и интенсивным, что вызвало замешательство. Появились раненые и убитые….

Обстрел усиливался…. На опушке леса показалась группа вооруженных всадников; круто повернув лошадей, они скрылись среди деревьев.

Четвертая рота, развернутая цепью, полукругом охватывая выступавшую опушку леса, переползая и перебегая, сближалась с противником. Разгорался настоящий бой….

Огонь из лесу внезапно прекратился. Когда четвертая рота с криком «ура» ворвалась в лес — там никого не было. Невидимый противник исчез.

Несколько дней перед этим, дивизия, возвращавшаяся с фронта, должна была вести многочасовой бой с партизанами, по всем правилам военного искусства. К концу того же дня, наш батальон расположился на ночевку в лесу. Было дано распоряжение — не допускать больше ночевок в населенных пунктах. Командование боялось предательства населения и неожиданного нападения крупных отрядов партизан.

К вечеру захолодало; небо затянуло серыми тучами и неожиданно повалил мокрый снег. Все покрылось белой пеленой Люди сидели под деревьями или под наскоро сделанными шалашами из веток и дрожали от сырости и холода.

Мне доложили, что в стороне, стоит несколько пустых деревенских домиков. Обследовав их, мы убедились, что почти все они полуразрушены. Но один из них был, более или менее, цел и в нем была даже целая плита. Взяв с собой человек: пять, солдат и пригласив наиболее близких мне офицеров и врача, мы отправились в этот дом, — решив там отдохнуть. Тщательно заперев двери и завесив окно, чтобы не проникал ни один луч света — затопили плиту, обсушились и переночевали в теплой комнате. Ночью, по очереди дежурили, прислушиваясь к каждому звуку снаружи.

Когда утром мы вернулись в батальон, нас встретил испуганный комиссар.

— Вам товарищи, видимо, очень хочется, раньше времени, сложить головы?

— Почему?…

— Вы ночевали в домах подле леса? Разве вы не понимаете, что вас могли там всех перерезать и мы даже не успели бы вам помочь! Приказываю больше подобных «номеров» не выкидывать!

Возражать было трудно.

——

Уже в 1943 году в красной армии не хватало лошадей. Автомобилей и других механических средств передвижения, для обслуживания всех нужд армии — было мало, а, поэтому, обозы и часть артиллерии двигались на лошадях.

Для пополнения советской армии лошадьми, стали привозить, так называемых, «монголок». «Монголка» — это маленькие, низкорослые, лохматые лошади, дикие табуны, которых ходили по монгольским степям. Их ловили, совершенно необъезженных доставляли в армию и использовали для военных нужд. В 1944 году вся советская армия перешла исключительно на «монголок». Что же касается обычных лошадей, то они стали редкостью и в тылу, и на фронте. В нашей дивизии весь обоз и вся артиллерия шли исключительно на «монголках». Они упорно не хотели идти в упряжи, рвали ее, не подпускали к себе людей, кусали и лягали их, постоянно останавливались, не слушались и т. д. Это было сущее мученье. Ездовые и обозные солдаты доходили с ними до исступления, но ничего сделать не могли. «Монголки» стали, своего рода, бичом армии.

Когда наша дивизия входила в деревни и поселки б. Польши, то всем нам бросались в глаза,

большие, породистые и сытые лошади крестьян Западной Украины. Война и немецкая оккупация не лишили их этого достояния. В начале на этих лошадей любовались и завидовали.

Но, однажды, кому то в голову пришла «остроумная» идея — обменять наших «монголок» на этих лошадей. Очевидно, эта мысль зародилась у кого то, кто имел непосредственное отношение к «монголкам» и мучился с ними. Каким-то образом, этому ловкачу, удалось, у одного из крестьян, вывести его лошадь и всучить ему в обмен «монголку». Он хвастался этим своим «достижением», гордо демонстрируя обмененную лошадь. Весть об этом дошла до какого то начальства; оно же, воспользовавшись этим случаем, решило вообще, обменять всех «монголок» на крестьянских лошадей.

Было отдано соответствующее распоряжение и «обмен» начался…. Этот «обмен» превратился в нахальный неприкрытый грабеж «освобожденного» населения. В начале крестьян уговаривали, давали какие то расписки и проч. Но видя их упорное сопротивление, стали просто входить в крестьянские дворы, выводить лошадей и оставлять своих «монголок». Плач и стон пошел по деревням……

Мужчины мрачно смотрели и, в большинстве случаев, молчали. Некоторые пытались сопротивляться, но их быстро успокаивали весьма вескими аргументами в виде оружия. Многие женщины плакали, умоляли оставить им хотя бы одну лошадь. Но у них безжалостно забирали их. Освобожденные от военной службы «монголки», понуро стояли во дворах своих новых хозяев….

Так, за счет нескольких сел и деревень, дивизия обновила свой конский состав.

——

Перед вечером мы остановились в большом селе. На пригорке, над рекой, высилась прекрасная пятиглавая церковь, с блестевшими на солнце золотыми крестами. Когда все разместились, я пошел посмотреть поближе, понравившийся мне храм. Церковь была закрыта; я вошел в церковную ограду, обошел вокруг церкви и остановился на краю ската, спускавшегося к реке. Вид был превосходный….

За мной раздалось негромкое покашливание. Я обернулся… У стены храма стоял пожилой священник и со смешанным чувством любопытства и страха, смотрел на меня.

— Добрый день, батюшка!

— Здравствуйте! Что, на реку любуетесь?

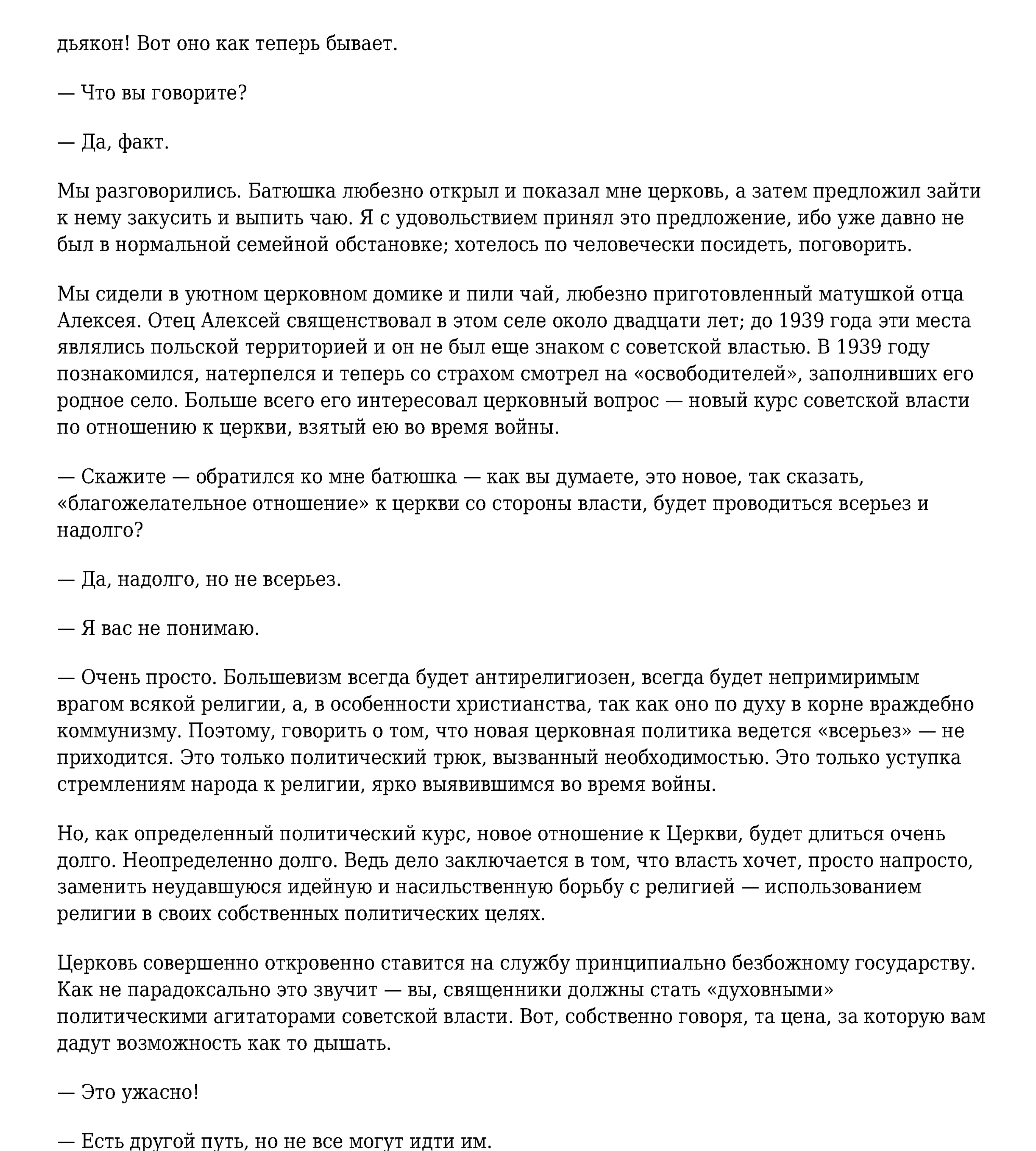
— Да, зашел, хотел вашу церковь посмотреть; она мне издали очень понравилась, да вот закрыта только….

— А вы, что надолго?

— Да нет, завтра дальше двигаемся.

— А почему вас церковь интересует?

— Видите ли батюшка, я такой же православный человек, как и вы, человек, так сказать, церковный, имевший к церкви прямое отношение. А то, что я сейчас в форме — так на это не надо обращать внимания; сейчас, во время войны, можно встретить в армии кого угодно. На ленинградском фронте у нас в полку служил поваром священник, а наводчиком на орудии —

дьякон! Вот оно как теперь бывает.

— Что вы говорите?

— Да, факт.

Мы разговорились. Батюшка любезно открыл и показал мне церковь, а затем предложил зайти к нему закусить и выпить чаю. Я с удовольствием принял это предложение, ибо уже давно не был в нормальной семейной обстановке; хотелось по человечески посидеть, поговорить.

Мы сидели в уютном церковном домике и пили чай, любезно приготовленный матушкой отца Алексея. Отец Алексей священствовал в этом селе около двадцати лет; до 1939 года эти места являлись польской территорией и он не был еще знаком с советской властью. В 1939 году познакомился, натерпелся и теперь со страхом смотрел на «освободителей», заполнивших его родное село. Больше всего его интересовал церковный вопрос — новый курс советской власти по отношению к церкви, взятый ею во время войны.

— Скажите — обратился ко мне батюшка — как вы думаете, это новое, так сказать, «благожелательное отношение» к церкви со стороны власти, будет проводиться всерьез и надолго?

— Да, надолго, но не всерьез.

— Я вас не понимаю.

— Очень просто. Большевизм всегда будет антирелигиозен, всегда будет непримиримым врагом всякой религии, а, в особенности христианства, так как оно по духу в корне враждебно коммунизму. Поэтому, говорить о том, что новая церковная политика ведется «всерьез» — не приходится. Это только политический трюк, вызванный необходимостью. Это только уступка стремлениям народа к религии, ярко выявившимся во время войны.

Но, как определенный политический курс, новое отношение к Церкви, будет длиться очень долго. Неопределенно долго. Ведь дело заключается в том, что власть хочет, просто напросто, заменить неудавшуюся идейную и насильственную борьбу с религией — использованием религии в своих собственных политических целях.

Церковь совершенно откровенно ставится на службу принципиально безбожному государству. Как не парадоксально это звучит — вы, священники должны стать «духовными» политическими агитаторами советской власти. Вот, собственно говоря, та цена, за которую вам дадут возможность как то дышать.

— Это ужасно!

— Есть другой путь, но не все могут идти им.

— Какой?

— Вы ничего не слыхали про катакомбную церковь в СССР?

— Слыхал, видел даже, во время оккупации, ее представителей.

— Ну, вот видите. Путь катакомбной церкви — путь отказа от компромисса с советской властью и уход в нелегальную церковную деятельность, в церковное подполье…. Этим путем могут идти

только самые сильные духом. Для них нет «благожелательного отношения» и их преследуют и травят как зверей. Их удел концлагерь и смерть.

— Да, но Церковь сильна кровью мучеников….

— Вы правы!

Мы расстались с батюшкой друзьями. Благословив меня, он долго стоял на пороге своего домика, смотря мне вслед и приветливо кивая своей убеленной сединами головой.

2. Последние бои

Выполняя приказ командования, дивизия выходила на линию фронта, к железной дороге Ковель-Холм, соединявшей основные силы противника с тылом. Прямо с хода, дивизия была брошена в наступательный бой. Перед ней была поставлена задача, во что бы то ни стало, выбить немцев и, перерезав железную дорогу, захватить ряд станций и населенных пунктов.

В лесной прогалине, недалеко от опушки большого соснового леса, помещался штаб батальона. В двух небольших комнатках одинокой крестьянской хаты, набилось невероятное количество народа. Помимо командования батальона, здесь находились комиссар полка, представитель штаба дивизии и какие то, неведомо откуда появившиеся офицеры связи; тут же толкались наши ординарцы, два заблудившихся ездовых из соседнего полка, батальонный врач со своими санитарами и всеми медицинскими принадлежностями. Все это говорило шепотом, чего то ожидая и переговариваясь. Батальон готовился перейти в наступление на решающем участке всей операции. Мы находились на наиболее близком и наиболее уязвимом для противника месте в смысле захвата железной дороги.

У стола над картой склонился новый командир батальона, пожилой, около пятидесяти пяти лет, человек, находившийся в запасе и недавно мобилизованный в армию. Из всех комбатов с которыми я имел дело в эту войну, этот производил лучшее впечатление. Он был значительно интеллигентнее общей массы офицерства красной армии, спокойнее других и, главное, не трус. Напротив него сидел комиссар полка.

— Товарищ командир батальона — говорил комиссар — учтите, что никаких резервов у нас нет. Наша дивизия — это единственное пополнение, прибывшее на этот участок фронта. Вы посмотрите на какой громадный отрезок фронта нас поставили.

И комиссар стал показывать что то на карте. — Вы понимаете — продолжал он, — что здесь должны находиться минимум две дивизии, если не больше. Говорят, что скоро сюда прибудет семьдесят вторая гвардейская, но пока ее нет. Мы невероятно растянулись при очень незначительной глубине нашей обороны и еще должны перейти в наступление. У вас особенно ответственный участок и от успеха намеченных операций зависит многое….

——

Погода продолжала бесноваться. Дул пронзительный северо-западный ветер. Низко стелящаяся пелена серых туч, быстро проходила над землею; не переставая падал мокрый снег, переходя в самую настоящую метель и занося свежую апрельскую зелень. Земля покрылась мокрым и скользким слоем тающего снега.

Наблюдательный пункт находился на опушке леса, в каком то старом немецком, полуразвалившемся окопе. Ничего другого, более подходящего, не было.

За опушкой начинался легкий, пологий скат, засаженный молодыми соснами, достигавшими половины человеческого роста; ниже находилось болото, покрытое кустарником, а еще ниже, в метрах шестистах, шло полотно железной дороги. Оно подходило к нам под углом и, в этом месте, лежало на наиболее близком расстоянии. Слева оно отходило на запад и уже было удалено на довольно значительную дистанцию. Справа тоже был фронт, на котором оборонялся соседний полк, прикрывавший наш фланг. Мы стояли на участке обороны, врезавшемся в территорию противника в виде длинного языка и находились на его самой крайней, передней точке.

За полотном местность повышалась и там окопались немцы. Оттуда велся довольно вялый пулеметный и минометный огонь. Возвышенность, где находился противник, терялась в серой завесе падающего снега. Несколько правее, сквозь снежную пелену, проглядывали очертания деревни, был отчетливо виден переезд через железнодорожное полотно, от которого к нам шла довольно широкая грунтовая дорога.

Вдали был слышен гул моторов. По возвышенности за полотном шли немецкие танки. Изредка они открывали огонь, как бы прощупывая местность; тогда около нас начинали рваться снаряды. У меня осталось впечатление, что противник, после боя со стоявшей до нас дивизией, не имел точных сведений и нерешительно простреливал местность. Мы тоже толком ничего не знали, но переходили в наступление. Что ждало нас за серой завесой непогоды и тонкой линии полотна железной дороги — никто не знал.

Кто то распорядился, глядя на карту, машина завертелась, в соответствующих инстанциях распоряжение было «отшлифовано» и вылилось в «немедленное» наступление без предварительной разведки, без соответствующей подготовки, без необходимых средств артиллерийской поддержки. Два 45-мм. противотанковых орудия стояли у дороги, пересекавшей полотно и имели лишь по десятку снарядов, которые они берегли на случай появления немецких танков. Стоявшие на позициях прекрасные 57-мм. орудия противотанковой обороны, наведя свои дула в сторону немцев — молчали. Артиллеристы без дела сидели в маленьких, наскоро вырытых окопчиках. У орудий не было ни одного снаряда. Небольшой запас их, шедший вместе с нами в обозе, застрял где то в весенней грязи….. Командование же этого участка фронта не начало еще нас снабжать боевыми припасами.

Минометная рота, расположенная неподалеку от штаба батальона, не могла вести огонь, не зная, собственно, куда стрелять и боясь попасть по своим.

«Наверху», вероятно, не знали о действительной обстановке и предполагали, что «все в порядке». Получался обычный разрыв между планами и действительностью, разрыв, стоивший советской армии весьма дорого. Впрочем, в данном случае, непонятно, как можно было предполагать, что все будет в «порядке», если подошедшая дивизия была пущена в наступление без ознакомления с обстановкой.

Развернувшись в цепи, роты исчезали в снежной мгле, взяв направление на полотно железной дороги. В центре шла пятая рота; справа развернулась шестая, — двигаясь ощупью к переезду; слева наступала четвертая, шедшая уступом за пятой. Спустившись с возвышенности, роты вступили в болото, поросшее кустарником. Пройдя еще немного, они были встречены сильным огнем, заметившего их противника. Ожесточенно затрещали пулеметы, стали рваться 120 мм. мины, открылся интенсивный артиллерийский огонь. Дальше двигаться было невозможно. Цепи залегли, не дойдя до железной дороги, неся потери и не имея возможности окопаться в болоте.

Из штаба неслись приказы — «наступать дальше», но они выполнены не были. Солдаты не шли,

несмотря на приказы офицеров. «Низы» оказывались умнее «верхов» и неплохо разбирались в обстановке боя. Немцы вели огонь, главным образом, с левой стороны. Справа, где находилась деревня, не было сделано ни одного выстрела. Говоря с комбатом по телефону я обратил его внимание на это обстоятельство.

— Знаете, что… я вам пришлю сейчас нескольких разведчиков. Разъясните им обстановку на местности и пошлите их узнать, что там делается. Может быть, удастся занять деревню — говорил по телефону комбат. Он, видимо надеялся «захватить населенный пункт» и как то оправдать всю эту явно неудачную операцию, за которую он нес ответственность.

Через десять минут ко мне явился молодой младший лейтенант, лет восемнадцати, с тремя солдатами. Он только что окончил военную школу и не знал не только войны, но и вообще жизни. Мальчик мечтал о подвигах и орденах….

Я объяснил ему положение, показал куда надо идти, дал точные инструкции, что следует делать, строго запретил ему вести какие либо активные действия. Все четверо, бегом спустились к полотну и исчезли из виду.

Приблизительно через час с лишним, эта четверка неожиданно вынырнула откуда то из за деревьев и доложила о результатах разведки.

Беспрепятственно перебравшись через железную дорогу, разведчики вышли к старому кладбищу, находившемуся около самой деревни. Прячась за могильными памятниками, они приблизились к деревне. На ее окраине стоял сарай, видимо, для сена, имевший с двух сторон широкие двери для сквозного проезда возов с хлебом или с сеном. Отворив двери, разведчики вошли во внутрь. Сарай был пуст. Прильнув к щелям в стене, выходящей на деревенскую улицу, разведчики стали наблюдать.

Была ли причиной этого полнейшая неопытность, или виной была метель, но заметив на деревенской улице группу солдат с автоматами, наши разведчики, вернее их молодой командир, решили, что это свои. Выйдя из сарая, они направились к ним навстречу. И лишь сойдясь довольно близко, — к своему ужасу, оказались перед бравым немецким унтер-офицером и несколькими солдатами. Наши оцепенели; застыли от неожиданности и немцы. Первыми опомнились разведчики. Пустив очередь из автоматов, они юркнули обратно в сарай, захлопнули двери, пролетели через него и кинулись на кладбище. Прячась за могилы, они ушли, отстреливаясь от гнавшихся за ними немецких солдат.

— Вот видите, товарищ старший лейтенант, чуть с хода в плен не попал — говорил юный офицер, блестя глазами и радостно улыбаясь, вспоминая свое первое боевое крещение.

Быть может, для него было бы лучше, если он попал в плен. На другой день он был убит наповал шальной пулей, попавшей ему в голову.

——

К вечеру бой закончился…. Пришел приказ — окопаться. Отойдя немного из болота, роты начали рыть окопы и готовиться к переходу к обороне. На наш участок прибывала еще одна дивизия, которая вместе с нами должна была, во чтобы то ни стало, прервать связь противника с тылами и окружить немцев, обороняющих Ковель.

3. В боевом охранении

Немцы продолжали твердо удерживать оборону вдоль железнодорожного полотна, хотя в этом районе оно не могло уже быть использовано. На участке шестой роты расстояние до противника доходило до двухсот метров. Но дальше, на запад, между нами и немцами вклинивалось огромное болото, поросшее низкорослым леском, и достигавшее по ширине до тысячи метров. Посреди болота почва подымалась, как бы образуя песчаный остров и на нем росла прекрасная сосновая роща. В роще стоял чей то домик, с маленькой крестьянской усадьбой. Интервал в тысячу метров и отделявшая нас от противника роща, создавали несколько ненормальное положение на левом фланге нашего батальона, Невидимый противник и предательски торчащий лес, неизвестно пустой или занятый немцами, заставляли нервничать наше командование. Роща, действительно, могла таить в себе всякие неприятности и, в частности, служить прекрасным плацдармом для неожиданного нападения.

Немцы, видимо, тоже побаивались рощи и, в течение целых суток обстреливали ее из артиллерии. Покалечив немало деревьев и спалив крестьянскую усадьбу, они успокоились и перестали интересоваться ею.

Через несколько дней комбат созвал совещание. На нем была выдвинута идея, незаметно занять рощу, поставить там боевое охранение, абсолютно скрытое для противника. Представитель штаба полка рекомендовал послать туда офицера, для постоянного и ответственного наблюдения за противником, дав ему несколько солдат для охраны и обслуживания.

Долго думали — кого туда послать. Все офицеры были заняты. Я предложил свои услуги, с тем, однако, чтобы наладить все это дело, а затем передать его кому-нибудь из младших офицеров. Комбат не соглашался, но присутствовавший помощник начальника штаба полка, придававший большое значение правильной организации боевого охранения, поддержал меня, хотя и ограничил мое участие двумя — тремя днями, с тем, чтобы я потом снова вернулся в штаб, а дальнейшая деятельность боевого охранения велась под моим наблюдением, уже из штаба батальона.

Поздно ночью, отобрав группу смелых и боевых солдат, я двинулся на выполнение поставленной задачи. Ночь была темная, безлунная. Ощупью, перебравшись через болото, мы, наконец, подошли к роще. Полная тьма. Ни одного звука не доносилось из нее. Мы стояли и вслушивались — не хрустнет ли ветка, не услышим ли мы звук человеческого голоса, свидетельствовавшего бы о присутствии противника. Ничего… Только тьма и мертвая тишина. Мои разведчики, держа автоматы наготове, оставляют меня сзади, растягиваются цепью и, пригибаясь к земле, бесшумно входят в лес. Снова ничего…

Роща оказалась пустой. Лишь посреди ее на лужайке тлело пожарище и откуда то вынырнула кошка, которая жалобно мяукая, стала тереться у моих ног.

На рассвете уже были готовы, хорошо замаскированные маленький блиндаж и окоп, в которых мы все разместились, не без удобства.

Пробравшись ползком на окраину рощи, я стал вести наблюдение за противником. Стоял яркий, солнечный, апрельский день.

Видимость была превосходная и все происходившее у немцев было видно как на ладони. Место для наблюдения было отличным и находилось на очень близком расстоянии от неприятеля. Убедившись, что в роще никого нет и, что наши окопы вырыты на большом расстоянии за болотом, немцы вели себя совершенно открыто, выходили из окопов, расхаживали по железнодорожной насыпи, нагружали какие то повозки и т. д.

Вечером, когда начало темнеть, нам принесли пищу. Поужинав, солдаты углубили, удлинили и расширили окопы, устроили на опушке наблюдательный пункт, тщательно замаскировали его, обнесли передний край рощи колючей проволокой, поставили и повесили около нее ряд самодельных сооружений, издававших звон и шум при нажиме на проволоку, приготовились, на всякий случай, к приему ночных гостей.

Но ночь прошла спокойно, и утром я вернулся в штаб, послав в рощу одного из молодых офицеров. Однако, я часто после этого, на рассвете, пробирался к боевому охранению и вел необходимые наблюдения, возвращаясь вечером в штаб.

4. В окружении

Наступила чудная весенняя погода. Последние зимние бури исчезли, не оставив следа. Солнце грело влажную, не успевшую еще высохнуть почву, зеленела свежая трава, среди которой поднимали свои головки первые весенние цветы. На деревьях раскрывались почки, превращавшиеся в молодую весеннюю зелень. По веткам, распушив длинные, пышные хвосты, гонялись белки, не обращая никакого внимания на «несколько беспокойную» обстановку. Над зеленеющими полями, на которых то тут, то там, чернели воронки от снарядов, пользуясь наступившим затишьем, неумолкаемо пели жаворонки.

Под вечер я пришел в рощу, чтобы лично расспросить начальника боевого охранения о том, что он видел за день. Особенного ничего не случилось, за исключением каких то переброской частей на левом фланге, против участка соседнего батальона.

Но зато вся «компания» была заинтересована совсем другим. «Хозяйка» рощи — кошка приволокла нашим солдатам живого зайчонка и оставила его около них. Зайчонок просидел весь день в окопе, даже немного освоился с окружавшей обстановкой. Теперь шло обсуждение — куда и как выпустить зайца, чтобы он не попал снова в лапы кошки, не залез бы в болото и мог убраться куда-нибудь по добру по здорову. Было решено, что я возьму его с собой и выпущу по ту сторону болота.

Оставаясь в роще до темноты, я, когда стемнело, взобрался на дерево, чтобы посмотреть на общее направление линии фронта, которая отчетливо обозначалась осветительными ракетами, непрерывно пускаемыми со стороны противника. Справа все было как всегда, но картина представившаяся мне слева, привела меня в изумление. Слева, в километре от нас, линия фронта поворачивала на юг, в затем — снова уступом на юго-запад. Теперь она шла от этого последнего места прямо на восток, охватывая нас отчетливо выраженным полукольцом Только в районе единственного моста через реку, соединявшего нас с тылом, еще не было видно ракет.

Захватив зайца и, выпустив его на другом берегу болота, вернулся в штаб и доложил комбату о своих наблюдениях.

— Вы знаете, я сам чувствую что то неладное.

Говорил с командиром полка, а он утверждает, что «все в порядке». Я вас попрошу. Побудьте завтра в роще. Понаблюдайте за противником сами. Боюсь, чтобы не случилось какой-нибудь неприятной неожиданности. Да, кстати, в штабе дивизии мне сказали, что вам присвоено звание капитана. Поздравляю…

Я охотно исполнил приказание комбата, которое в этот момент звучало уже как просьба (так всегда бывало в минуты опасности). В эти прекрасные весенние дни бывать в роще — было сплошным удовольствием. Кроме того, как не парадоксально это звучит, роща была пока

самым безопасным и спокойным местом. Наши окопы и тылы беспрерывно обстреливались редким методическим огнем немецкой артиллерии. Считая, очевидно, рощу «нейтральной» и думая, что в ней никого нет, противник совершенно не обстреливал ее, предоставив нам пользоваться этим, своего рода, «парком отдыха».

В этот раз я пришел в рощу на рассвете; убедившись, что все в порядке, — отправился на опушку леса и стал вести наблюдение. Все было как всегда, только на левом фланге отчетливо слышались звуки двигающихся танков, треск каких то моторов и заметно было оживление.

Было около одиннадцати часов дня, когда передо мною вырос вдруг посыльный штаба батальона.

— Как вы попали сюда? — удивленно спросил я. — Зачем вы пришли?......

— Товарищ старший лейтенант, пришел приказ срочно отступать. Батальон уже двинулся. Комбат послал меня сказать, чтобы вы догоняли нас.

— Ну, досиделись. А теперь драпают!....

Быстро собравшись, мы спустились к болоту. Переходить через него посреди бела дня — было безумием. Но немцы, видимо, занятые чем то другим, нас не тронули. Мы поднялись и вошли в наши окопы. Они были пусты. Пройдя их, я еще раз обернулся и внимательно оглядел линию окопов противника, ожидая увидеть наступающие части. Все было тихо и мертво. Углубившись в лес, мы подошли к штабу батальона. Никого. Раскрытые окна и двери. Следы быстрого, почти панического бегства. Мы переглянулись.... Что же такое происходит, если нас бросили и бежали?

Неприятное чувство охватило меня. Остаться одному с одиннадцатью солдатами, в полной неизвестности — куда идти и, что делать и видеть, при этом, как все остальные куда то бежали, — положение странное и необычное.

Приказав оставить себе только автоматы и патроны, а все лишнее в создавшихся условиях — сложить в помещении штаба, я двинулся дальше на восток.

Лес, деревья, снова никого.... Выходим на какой то холм... Слева под ним проходит шоссе. По шоссе двигаются, в том же направлении, что и мы, какие то группы людей. Справа — гряда холмов, на которой рвутся немецкие мины.

Мы спускаемся на шоссе.

Как я и предполагал, прошедшей ночью, противник, прорвав нашу оборону, занял единственную переправу через реку и окружил нас, замкнув на востоке линию фронта.

Об опасности окружения высшее командование знало уже давно. Не имея сил отбить контрнаступление противника, который повел его на узком участке вдоль реки, оно, вместе с тем, не решалось и на отступление, боясь нарушить «знаменитый» сталинский приказ.

В результате проволочки, обе дивизии оказались в окружении. Тогда был отдан запоздалый приказ об отступлении, который окончательно погубил все дело. Если бы, окруженные дивизии продолжали держать оборону — ничего бы ужасного не случилось. Но был дан приказ отступать, хотя уже было некуда. Но приказ — есть приказ. Полки и батальоны снялись с фронта и пошли.... Когда мы приблизились к шоссе, то по нему двигался в полном беспорядке поток людей. Пехота, артиллерия, минометные роты, все перемешавшись в кучу, куда то

неслось…. Какие то группы солдат пробирались вдоль шоссе по тропинкам.

Видя эту картину, я, поговорив со своими красноармейцами, отошел в сторону, для того, чтобы осмотреться и решить, что делать. Сбоку послышалась стрельба. В бинокль отчетливо было видно, как за деревней, на гребне возвышенности, появился ряд высоких фигур, быстро спускавшихся вниз и ведших огонь из автоматов. Немецкие автоматчики занимали деревню……

Неожиданно, на шоссе начали рваться снаряды. Откуда то появившаяся немецкая батарея стала обстреливать прямой наводкой, бегущих по шоссе людей.

Миг, и все, что было на дороге рассыпалось в разные стороны, бросая оружие, снаряжение, лошадей и прочее. На опустевшем шоссе остались стоять брошенные орудия, минометы, повозки. Валялись пулеметы, патроны, противогазы, шинели и т. д. Наиболее догадливые успели выпрячь лошадей и ускакать на них.

Осколки, поблизости разорвавшегося снаряда, взорвали бензиновый бак в автомобиле. Опаленный шофер, в горящей одежде, выскочил из кабины, сорвал ее с себя и, совершенно голый, с диким воем несся по дороге….

Дорога опустела. Немцы прекратили огонь. Мы огляделись….

По бокам, с обеих сторон, был противник. Сзади, из лесу, выходили группы солдат в черной форме. В бинокль можно было узнать форму частей «СС». Как выяснилось позднее, мы имели дело, с прибывшей для проведения этой операции, дивизией «СС» — «Викинг».

— Товарищ старший лейтенант, — тронул меня за рукав сержант — не пора ли нам?……

Глядите! — и он показал мне рукой в сторону. В метрах трехстах, — параллельно шоссе, медленно, как бы ощупывая местность, двигались черные рослые фигуры.

— Ну, ребята, быстро через болото — в лес бегом…. — скомандовал я и двинулся вперед.

Это был какой то марафонский бег. С трех сторон по нас стреляли немецкие автоматчики; пули свистели вокруг и, с каким то противным хлюпаньем, вонзались в болотные кочки.

Когда мы подбежали к лесу, силы у меня иссякли. Я упал на землю и с жадностью начал пить мутную болотную воду. Бежавшие со мной солдаты, подхватив, втащили меня в лес.

Немцы отстали. Мы медленно двигались по какой то лесной дороге, потом по прогалине, потом еще где то и, наконец, попали в небольшой лесок, наполненный беглецами из разбитых дивизий.

Здесь были и здоровые и раненые, представители всех частей и подразделений. Появился откуда то командир нашего полка и начал «организовывать» оборону. Внезапно налетевшие аэропланы стали обстреливать лес из пулеметов.

Через час немецкие передовые части подошли к нашему лесу. Убедившись, что он наполнен бежавшим противником, они не стали вступать в бой, а начали обтекать рощу с двух сторон, направляясь дальше на восток. Мы видели, как мимо шли немецкие тяжелые танки, артиллерия, пехота, как расхаживали по шоссе немецкие офицеры, прекрасно видевшие все, но не обращавшие на нас ни малейшего внимания.

В нашем импровизированном бивуаке творилось что то невероятное. Кто то окапывался,

готовясь к «обороне», кто то, неистово ругался, «обкладывая», не стесняясь высшее начальство (и надо добавить, что совершенно справедливо); раненые стонали и требовали помощи; офицеры бегали, что то стремясь сделать; но делать было уже поздно. Командир полка ходил, стараясь уговорить солдат сопротивляться и, как то поднять их дух. Но они даже его не слушали.

Мне говорили, что командир покончил самоубийством и надо сказать, что совершенно напрасно, ибо он был абсолютно невиновен в случившемся. Кончить самоубийством давно бы следовало кому то другому, истребившему в этой войне миллионы россиян.

Видя эту угнетающую картину и понимая, что здесь кроме неожиданных эксцесса и непоправимых ошибок — ничего не будет, а сделать что либо уже было нельзя, я договорился со своими красноармейцами, что вечером, когда стемнеет, мы попытаемся покинуть лес, и отправиться дальше одни, с тем, чтобы самостоятельно, без давления всяких начальств решать самим свою судьбу: или попытаться перейти через линию фронта обратно к «своим», или сдаться в плен.

Стреляться ни я, ни кто либо другой, во всяком случае, не собирались.… Я прекрасно знал, что почти все мои красноармейцы втайне мечтают о плене и не хотят идти обратно, но боятся об этом открыто сказать. Я их превосходно понимал, но не давал понять им этого, чтобы не смущать людей, в силу сложившиеся обстоятельств, получивших, наконец, возможность без особого риска для жизни, избавиться от надоевшего им режима. Кроме того, всегда возможны были и в этой обстановке всякого рода предательства и провокации, а поэтому, надо было соблюдать максимум осторожности во всех отношениях.

Я считал правильным помочь в этой обстановке также и тем, кто хотел, по тем или иным соображениям вернуться обратно и кого иные перспективы никак не устраивали. Достаточно напомнить, хотя бы то, что среди военнослужащих было некоторое количество евреев, которым в плен к немцам, понятно, попадать совсем уже не следовало.

Поговорив с моими солдатами и предложив им присоединить к нам еще желающих действовать самостоятельно, я стал внимательно изучать карту местности, чтобы не путаться в темноте по лесам и болотам.

Вечером, в полной тьме, мы вышли из лесу. К нам присоединилось человек десять — двенадцать, так, что у меня получился целый взвод. Остальные бывшие в лесу, тоже вышли двумя группами и исчезли в темноте.

Темная! весенняя ночь……

Мы, почти ощупью, стараясь не шуметь, шли, стремясь отделиться от остатков дивизии, перейти линию восточной железной дороги и выйти к реке. Все время над нами летали немецкие разведчики и бросали снопы ракет, заставлявших нас ложиться на землю. Слышно было, как в ближайшей деревне перекликались немецкие часовые. Один из них, услышав шум от нашего передвижения — открыл огонь.

Тихо прокравшись около какой то деревни, — выходим к железнодорожному полотну……

Справа послышались голоса. Мы легли ничком на землю. В двух шагах от нас прошел немецкий патруль, не заметив нас. Немцы о чем то разговаривали и смеялись.

Помню, как до меня донеслась следующие фразы:

— Kriegen wir heute Nacht ein Dach ueber dem Kopf?

— Glaube ich nicht, heute ist der Teufel hier los, ueberall streichen die

Reste der geschlagener russischen Truppen umher!

(перевод, ldn-knigi: — будем ли мы этой ночью иметь крышу над головой?

— недумаю, сегодня тут черт знает что творится, всюду шляються остатки разбитых русских частей)

Мы их не слушали….

Дождавшись, когда их шаги и голоса замолкли вдали, мы тихо, ползком поднялись на насыпь, переползли полотно и спустились вниз. Попав в глубокую канаву, полную воды, — вышли на какое то обширное болото и стали его переходить. Болото уже кончалось. Впереди стал вырисовываться лес. Еще немного и мы вылезем, наконец, из воды…

— Стой! Кто идет? — раздался окрик на немецком языке.

Мы легли… Щелкнул затвор несколько пуль пролетело над нами. Мы лежали не двигаясь. Было слышно как немцы переговаривались между собой.

Прошло минут пятнадцать… Начинаем потихоньку отползать в сторону… Еще немного, еще… Встаем и в полной тишине обходим лес.

Снова поля. Справа виден свет; видимо догорает какое то пожарище или большой костер. Подходим ближе. У костра сидят люди. Посылаю узнать кто это? Оказывается немцы.

Сворачиваем куда то и попадаем снова в лес. Около густого ельника мерцает слабый огонек. Землянка… От нее идут провода. Слышна немецкая речь. Охраны никакой. Снова уходим в сторону. Едва ли целесообразно встречаться и разговаривать с немцами глубокой ночью.

Фронт уже совсем близко. Ракеты взлетают почти над головой.

Слышно ржанье и конский топот. В свете ракет видим оседланную белую лошадь, которая галопом носится одна по лесу. Над головой с шипением летят советские мины. Слышны слова немецкой команды. Где то поблизости, по-видимому, стоит немецкая минометная батарея.

Лес кончается. Перед нами, озаренное заревом поле. На краю деревни горит огромный сарай. Стараясь находиться в тени, проходим мимо него. Однако, нас замечает немецкий часовой, стоявший около одного из домов. Тревоги он не подымает, но быстро прячется в дом. Когда мы прошли, он вернулся на свое место.

Нас догоняют какие то две фигуры. Настораживаемся… Слышим: «Хлопцы, не стреляйте — свои!» Подходят двое сержантов. Тоже блуждают и случайно столкнулись с нами.

В темноте мы окончательно теряем ориентировку и заходим в небольшую рощу, опушка которой вся изрыта танковыми гусеницами. В глубине находим какие то окопы; дальше идти, по существу, некуда, да и не зачем. Финал уже ясен….

Большинство залезает в окопы и немедленно засыпает. Я, с двумя другими, устраиваюсь под елкой. Тяжелый сон охватывает всех….

Сквозь сон чувствую, как кто то трясет меня за плечо. Открываю глаза. Уже день. Слышу над собой, произнесенную, на ломаном русском языке, фразу:

— Вставай пан! Война кончена!

Встаю. Вокруг — шесть рослых солдат, с наведенными на меня винтовками. Молча отдаю им пистолет, патроны, документы. Последние возвращаются мне обратно. Тоже происходит и с другими. Подъезжает на лошади немецкий офицер. Любезно здоровается и угощает папиросой. Объясняемся с ним по-немецки. Оказывается мы забрели в расположение батареи тяжелых минометов и остались, каким то образом, незамеченными до утра.

Присланная на этот участок немецкая дивизия «Викинг» буквально разгромила стоявшие там советские части. Почти все, включая штабы дивизий попали в плен. Лишь незначительная часть вышла из окружения.

Немецкий генерал, проводивший эту операцию, сказал:

— Если бы мне дали шесть или семь дивизий, я гнал бы красных до Киева....

Но, именно, главное заключалось в том, что этих дивизий у него не было.

Под вечер, наша группа пленных была собрана в лагерном пункте. Мы должны были пройти несколько километров до железнодорожной станции. Там нас хотели посадить в поезд к отправить в немецкий прифронтовой лагерь военнопленных

Вечерело. Солнце спускалось к западу, освещая зеленые поля хлебов, далекие леса, проселочную деревенскую дорогу, маленькое озеро, над которым летела стая диких уток.....

Мы уходили на запад... Судьба большинства из нас была неизвестна.

Но я твердо знал, что обратно я не вернусь до тех пор, пока в России будет господствовать этот страшный режим.

Глава 10

СОВЕТСКАЯ АРМИЯ В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

Эта глава, написанная в 1949 году, была включена в аргентинское издание моей книги. Аргентинское издание «Я сражался в красной армии», вышло в свет до начала корейского конфликта. Поэтому, иностранные и русские рецензенты, писавшие отзывы об этой книге, должны были отметить, что в ней было предвосхищено многое из того, что в дальнейшем случилось в Корее. Но удивительного в этом ничего нет; надо только хорошо знать и понимать стратегию и тактику современного большевизма.

Естественно также, что глава, написанная еще в 1949 году, на темы третьей мировой войны, — в 1951 году потребовала уже ряда переделок. Поэтому, сейчас она публикуется в несколько измененном виде, по сравнению с иностранным изданием. Кроме того, мы должны были изменить эту главу еще и потому, что написана она была исключительно для читателя-иностранца и в ней разбирались многие вопросы, уже хорошо знакомые российскому читателю. Эти вопросы сейчас из нее исключены и из них оставлено, главным образом, то, что представляет известный интерес с точки зрения методики изложения некоторых вопросов

российского антибольшевизма, для читателей малознакомых с ними.

——

Жаркий летний день… С голубого простора льются горячие лучи солнца. Вся природа, как бы наполнена той необычайной живительной силой, которая бывает только летом. Вы чувствуете как бьется пульс жизни; он нормален, размерен, в нем нет перебоев. И привыкший к этим дарам природы, занятый своими повседневными делами человек, перестает присматриваться к тому, что происходит вокруг. Удивленно и недоумевающе подымает он свой взгляд к небу, когда среди сияющего дня вдруг раздается отдаленный, часто еще еле слышимый, раскат грома. И это, действительно гром…. Темная, серая полоса заволокла горизонт, подымается все выше и выше, темнеет, становится почти черной…

По-прежнему сияет солнце и голубеет бездонное небо. Жизнь течет своим чередом. Быть может, невесть откуда взявшаяся туча, пройдет стороной…. Может быть; но одно ее присутствие разрушает всю прелесть летнего дня. Черная масса повисшая на горизонте, как бы меняет цвет неба, оставшегося свободным от нее; изменяются все оттенки красок — зелени, цветов, всего того, что окружает нас..

Понемногу смолкают птицы, исчезают куда то насекомые, первые порывы ветра подымают вихри пыли…

«От смоковницы возьмите подобие: когда ветви ее становятся уже мягки и пускают листья, то знаете, что близко лето;

Так когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях». (Евангелие от Матфея, XXIV, 32–33).

Черная туча облегла всемирный горизонт. Еще не дошла она до многих стран, но жизнь людей в этих странах уже нарушена. И мечется и жалуется человек, находя сотни виновников своих несчастий и не замечая основной и действительной причины.

Черная, кровавая туча стала над миром. Она покрыла его значительную часть, она медленно ползет, охватывая все большие и большие пространства и горе тому, для кого она закроет радость летнего солнечного дня.

——

Мир хочет мира. Но мира не может быть.

Все яснее вырисовываются контуры неизбежной и последней части мировой трагедии XX столетия. Приближается последняя схватка двух миров, которая неизбежно случится в силу железной логики истории, независимо от того, хочет этого западный мир или нет.

Человечество, западный мир отчетливо начинает понимать (к сожалению несколько поздно) неизбежность третьей мировой войны, войны, которая, на этот раз, не оставит вне своей орбиты ни одного уголка земного шара. Она пронесется (в той или иной форме) снова и над Европой, и над Азией, над американским континентом, над Африкой, и над Австралией. Военно-стратегические задачи будут решаться далее там, где, до сих пор, царили вечные льды и раздавался рев белых медведей.

«Мир мирови Твоему даруй», — принося Бескровную Жертву, молятся ежедневно все христианские церкви; но на эту мольбу жаждущего мира человечества, наглая и

кощунственная сила грозит окутать своей темной пеленой весь мир и внести хаос, пролить море крови, поработить всех и вся…

Эта темная, дьявольская сила — коммунизм. Положенная в его основу идея безусловного и абсолютного мирового господства, которое должно быть достигнуто любой ценой, — находится в действии уже свыше тридцати лег. Во имя ее работают коммунистические колонны во всех странах, во имя этого и для этого коммунизм заставляет работать порабощенные им народы, во имя этого и для этого держит и подготовляет СССР свои вооруженные силы.

Попытки захватить власть во многих странах путем революционных взрывов изнутри, в соответствии с более ранними прогнозами теоретиков большевизма, не дали своих результатов. Наоборот, они привели к тому, что большинство народов и их правительства опознали истинные цели коммунизма, и соответственным образом, реагировали на это.

Путь «мировой революции», достигаемой взрывом изнутри, в своем большинстве, не дал положительных для большевизма результатов и провалился окончательно. Остается другой путь. Это — война, которая должна будет возникнуть тогда, когда Кремль будет готов к ней и уверен в своей победе. До этого времени, большевизм будет трубить о мире, обвиняя всех кого угодно, в поджигании войны, принимать участие и даже созывать «мирные» конференции, кричать о разоружении и готовить в глубокой тайне все нужное для сокрушительного военного удара.

——

Многие, не знакомые с советской действительностью люди, прочтя эту книгу, зададут вопрос: может ли советская армия, если учесть ее состояние во время второй мировой войны, выполнить те военные задачи, которые на нее возлагает большевизм? Вопрос этот законен, но ответить на него не так просто, как кажется на первый взгляд и требует, более или менее, детального разбора. Только положительный или только отрицательный ответ на этот вопрос был бы по существу неверен. Прежде всего, мы должны будем отметить тот несомненный факт, что людской армейский контингент, прошедший вторую мировую войну и побывавший заграницей — ненадежен для большевизма.

Далее нельзя забывать и того, что советская армия в целом никогда не простит Кремлю «украденную победу».

Ни один народ не понес в войне с Германией таких тяжелых жертв, как русский, и ни один не был обманут так жестоко и бессовестно, как он. В последовавшей сразу после поражения Германии «холодной» войне между партией и народом — были вдребезги разбиты все его надежды на хотя бы небольшое улучшение условий жизни. Вместо обещанного отдыха, народы России получили новые послевоенные пятилетки, с их бешеными темпами и нечеловеческими нормами, вместо материального благополучия — послевоенный голод, небывалые лишения и нужду, вместо духовной свободы — «ждановщину». События послевоенных лет, как ничто другое, вскрыли перед миром всю глубину пропасти, разделяющей российские народы и партию большевиков и роль последней, как самого злого и коварного их врага.

Из нашей зарубежной печати мы знаем о том, как реагирует на революционную работу российских зарубежных организаций, советская оккупационная армия.

Мы знаем, что сотни и тысячи военнослужащих советской армии, солдат, офицеров и даже высших чинов, пользуясь своим временным пребыванием в советских оккупационных зонах Германии и Австрии, бегут в англо-американские зоны, с тем, чтобы никогда больше не

возвращаться на свою «горячо любимую родину». И напрасно любители коммунизма пытаются их заклеймить названием «предателей» и «изменников». Изменников и предателей могут быть десятки и сотни, но, когда их тысячи и даже десятки тысяч, а во время войны их было миллионы, то это не предатели и не военные преступники, а представители подлинно народного движения, его лучших элементов, осознавших весь ужас коммунизма. Этот факт свидетельствует о многом и, в частности, о моральной небоеспособности определенной части, а может быть, и почти всей советской армии.

Но есть и другие факторы, которые должны предостеречь от каких бы то ни было непродуманных и чересчур широких выводов. Нельзя забывать о тех моментах, о которых мы упоминали на страницах этой книги.

Речь идет о психологии военных «роботов» свойственных, в большей или меньшей степени, определенным контингентам солдат и офицерам советской армии. Подавленность, механическая привычка к повиновению, запуганность и постоянный психологический шок, не допускающий и мысли о неповиновении — эти факторы заставят определенные группы солдат и офицеров советской армии (интеллектуально наиболее слабую и наименее волевую ее часть), — в течение какого то периода, умирать и в следующую войну за своих поработителей. Но в целом, правы те, кто утверждает, что советская армия защищать режим не будет. Однако, схем здесь быть не может, ибо живая действительность внесет изменения в эти схемы.

Далее, мы не можем пройти мимо того факта, что советское командование, увидев, что в оккупационных зонах, в армии не все обстоят благополучно, усиливало одно время там количество частей с солдатами монгольского происхождения, и стремилось отвести вглубь СССР части, состоявшие из солдат, относящихся к славянским народам населяющих СССР. Этот мелкий штрих говорил о весьма многом.

В этом отношении, т. е. в смысле получения воинских резервов не российского происхождения, дает весьма много победа коммунизма в Китае. Освоение «завоеванных» китайских территорий означает, что в руки большевиков попадают неисчислимые резервы, которые, после определенной обработки, безбоязненно можно будет использовать для целей будущей войны. Это страшная опасность, которая реально нависла над миром. Говорить и как то пытаться взвесить ее сейчас, еще преждевременно, ибо это означало бы решать уравнение со слишком больным количеством неизвестных.

——

Наряду со всем сказанным, надо учесть и следующее. Ежегодно советская армия получает новый свежий контингент молодежи очередного призывного возраста. Таким образом, с течением времени, в советской армии увеличивается количество военнослужащих не участвовавших во второй мировой войне, не видевших воочию и не испытавших на себе всю тяжесть этой драмы порабощенных российских народов. Следовательно, независимо от политических настроений этой части молодежи, у ней нет, во первых, той закалки, которая имеется у активных участников второй мировой войны, а во вторых, у ней по отношению к режиму, несколько меньше того уверенно активного отрицания его, соединенного с решительностью, выработавшихся у человека, побывавшего в боевых условиях, и которые есть у того, кто все видел и все испытал во время второй мировой войны.

Однако, этот фактор не будет иметь решающего значения, ибо советский режим ежедневно, ежечасно рождает острое недовольство всех слоев населения, а потому, естественно, что недовольство всегда будет и в армии, где оно еще усугубляется полутюремным режимом, созданным для военнослужащих.

Заканчивая рассмотрения этого, в достаточной степени, сложного вопроса, мы должны будем кратко суммировать его итоги. Советская армия в будущей войне широко использует воинские соединения, составленные из народов, населяющих Азию и попавших в орбиту Советского Союза. Они будут рассматриваться, как наиболее благонадежный элемент армии. Таким образом, «желтая опасность», о которой достаточно много писалось мыслителями самых различных стран, вводится, как реальная угроза всему миру руками большевиков. Это не игра слов и не фантазия. Вооруженная желтая лавина, при достаточно широко поставленных военных операциях, прокатится по громадным, пространствам, ибо в количественном отношении она будет трудно истребима. Опыт корейской войны пока был недостаточно показателен в этом отношении. так как азиатские резервы большевиков далеко еще не подготовлены и были лишь испробованы последними, очевидно, для проверки их военных возможностей. Корейский конфликт — это лишь «проба азиатского пера».

——

Говоря обо всей этом, мы должны будем остановиться на некоторых тактических приемах ведения войны, о которых мы ужа упоминали в этой книге, характерных для большевизма, ярко проявившихся как во второй мировой войне, так и в корейском конфликте.

Опыт военных действия в Корее, с одной стороны, полностью подтвердил многое из того, что писал автор, с другой, — еще раз практически выявил те методы большевистской стратегии и тактики, которые уже отчетливо намечались в советско-финской войне 1939-40 г. г., получили свою законченную форму в прошедшей мировой войне и снова были применены на Корейском полуострове. Речь идет о тактике «пушечного мяса».

Когда говорится о том, почему СССР одержал несомненную победу на восточном фронте, то перечисляются и рассматриваются весьма многие факторы, в том числе, факторы политические (немецкая политика в оккупированных областях), стратегические (растянутость линии фронта), географические, численный перевес противника и т. д. Но почти нигде не говорится еще об одной причине — о тактике пушечного мяса, являющейся характерной особенностью большевистской военной стратегии.

В основе, широко применяемой большевиками «тактики пушечного мяса», лежит принцип полнейшего пренебрежения к человеческой личности, полное практическое обесценение жизни человека.

Провозглашенные принципы «подлинно социалистического гуманизма», остались очередной большевистской бутафорией, прикрывающей действительное положение человека под властью большевиков. Лишив людей всех элементарных прав, неотъемлемо принадлежащих им в любой другой стране, большевизм закончил процесс ликвидации всех индивидуальных свобод — полнейшим обесценением человеческой жизни. Жизнь человека ценится большевиками не больше, чем жизнь насекомого. Наоборот, часто сохранность тех или иных машин, сооружений, племенного скота — ставится, выше жизни человека. Что же касается человеческих жизней, которые не могут быть использованы большевиками в своих интересах или, оказывающихся явно враждебными им, то они вообще подлежат уничтожению.

Тридцатилетняя практика большевизма полностью подтвердила это положение. Свыше 60 миллионов убитых на войне, расстрелянных, погибших в концлагерях, умерших от голода и т. д., стоил российским народам «социалистический гуманизм» коммунистического режима.

Эта позиция советов, упроченная наличием двухсотмиллионного народа, находящегося в их руках, привела к широкому применению тактики «пушечного мяса».

Если во время второй мировой войны, командование красной армии проводило, в достаточной степени тщательную подготовку отдельных крупных операций, обеспечивая их выполнение широким применением сконцентрированных в этой месте технических средств и, тем самым, снижая потери в людях, то это делалось лишь в силу необходимости. Ни сталинградская, ни белградская операции, ни известные бои в районе Одера, без этого не могли иметь успеха. Во всех остальных локальных операциях, на отдельных участках фронтов, дело обстояло иначе.

Как упоминалось уже выше, вместо обещанной большевистскими вождями «войны малой кровью», была применена кровавая тактика. Пренебрежение к человеческой личности, наличие колоссальных людских резервов, явно недостаточная насыщенность советской армии авиацией, артиллерией и танками привели к тому, что исход боев решало количество человеческих тел, брошенных на немецкие пулеметы.

И эта книга является одним из доказательств этого.

Сплошь и рядом, там, где надо было выпустить несколько десятков снарядов или провести атаку под прикрытием танков, этого не делалось, а на огневые точки противника бросалась рота за ротой, скашиваемые огнем одна за другой. Когда стволы немецких пулеметов от нагрева отказывались действовать, или не успевали уничтожать надвигающихся на них людей, тогда немцы начинали отходить…

И не будет преувеличением, если мы скажем, что часто несколько немецких пулеметчиков уничтожали батальоны, отбивая эти безнадежные атаки.

Все же немцы отступали… И это было вполне понятно, ибо немецкие силы оттянутые в ожидании открытия второго фронта, на запад, были явно недостаточными для непосредственного столкновения с противником, численно, во много раз, превосходящем их.

На корейском фронте «тактика пушечного мяса», соединенная с рядом технических нововведений, оказалась примененной в широких масштабах. Эта «стратегия» столкнулась с американской стратегией и тактикой, построенных на широком применении военной техники и максимально бережливом и заботливом отношении к солдату.

По сути дела, союзники впервые, лицом к лицу, столкнулись со специфически советскими методами ведения войны. Что же удивительного, что им пришлось в начале конфликта отойти, хотя надо сказать, что первоначальные боевые операция американцев и их отход уже означал провал основных планов коммунистов потому, что несмотря на испытанный метод — захлестнуть противника массой пушечного мяса и, не взирая на потери, достигнуть быстрого эффекта, т. е., осуществить молниеносную войну — явно не удалось. Союзники довольно быстро разгадали эти своеобразные стратегию и тактику коммунистов, что и подтвердилось планомерным отходом армии УНО, измотавшей и практически истребившей, во время своего отхода, брошенные в бой, резервы красных войск.

В Корее столкнулись две диаметрально противоположные стратегии и тактики. В результате этого столкновения, тактика «пушечного мяса», потерпевшая неудачу в совето-финской войне, утопившая в крови успехи советских войск, при наличии оттянутой на запад германской армии во время второй мировой войны, потерпела явный крах и на корейском фронте, несмотря на неисчислимые азиатские резервы красных.

Однако, следует не забывать, что Корея (как мы уже указывали выше), явилась для большевиков лишь «пробой пера» — экспериментальной лабораторией для исследования боевых качеств и особенностей своих новых азиатских резервов. Нельзя забывать, что Китай, в

смысле подготовки и организации его армии и приспособления ее для своих нужд — еще далеко не «освоен» Москвой. Потребуется также немало времени, прежде чем лавина азиатских войск будет готова к «последнему решительному». В Корее были даны лишь слабые намеки на то, что может быть в дальнейшем. И это дальнейшее может оказаться не столь страшным для западного мира, если последний к нему будет соответствующим образом подготовлен.

Далее мы должны также учесть и то обстоятельство, что военно-стратегической базой будущей войны явится «цитадель мировой революции» — СССР. Российские народы, населяющие эту территорию, являются трудовой основой подготовляемой войны. Их трудом будет создаваться и уже создается военное могущество Советского Союза.

Одними, т. н. «желтыми» частями, СССР также воевать не может. ибо их далеко недостаточно. По-прежнему боевым, обученным ядром явится красная, ныне советская армия, состоящая из представителей российских народов, населяющих СССР.

Несомненно, что все руководство и высшее командование останется в руках Кремля. Несомненно также и то, что во всех «азиатских» частях объединенной советской армии, командный и политический состав будет, в значительной мере, состоять из представителей собственно советской армии и они, вообще, будут несколько «разжижены» элементами других национальностей. Чисто национальных крупных войсковых единиц, с чисто национальным командованием, надо полагать, большевики вряд ли допустят, ибо пожелают сохранить военный и политический контроль и, конечно, военное руководство.

——

Третья мировая война стала одной из самых волнующих проблем наших дней. Ей посвящаются статьи в мировой печати, о ней дают свои заключения военные специалисты, ученые, государственные деятели. Много трезвых и правильных мыслей высказано за последнее время по этому вопросу. Но, к сожалению, есть еще и нечто другое. Так, например, совсем недавно, некоторые иностранные, авторы, когда начинали обсуждать эту проблему, то делали кардинальную ошибку, которая, при определенных обстоятельствах, может весьма дорого стоить всему человечеству.

Казалось бы, что политические ошибки, которые сделала Германия в войне с СССР, должны были бы многому научить, особенно сейчас, когда в западном мире совершился коренной поворот в смысле правильного понимания русского вопроса. Увы, несмотря на благоприятное положение в целом, до сих пор, германские уроки учтены далеко не всеми.

Некоторые люди, обсуждающие проблемы будущей войны, до сих пор, не могут понять, почему сначала бегущая и сдающаяся в плен красная армия, превратилась впоследствии в силу, остановившую немецкое наступление и принудившую германскую армию отступить.

Пишутся статьи, обсуждаются самые сложнейшие военно-технические вопросы, подсчитывается количество бомбардировщиков и количество атомных и прочих бомб, которые могут быть сброшены, делаются предположения о потенциальных возможностях противника, обсуждаются различные стратегические проблемы, рассматриваются и всякие иные военно-технические вопросы.

Один из авторов, еще не так давно писавший по этому поводу в американской печати, высказал «глубокомысленное» заключение о том, что если США окажутся перед необходимостью, они не остановятся перед тем, чтобы применить атомное оружие против гражданского населения

России, и стереть ее с лица земли, как, в свое время, Карфаген был стерт с лица земли Римом. По мнению этого автора, в атомной войне целью будут являться люди. Нет смысла, — пишет он — разрушать города и заводы, если на десятки километров кругом не останется ни одного живого человека — никого, кто бы мог работать...

Да, атомная бомба страшная вещь. Но невдомек этому автору, что, быть может, Кремль тоже ждет, чтобы американские бомбардировщики начали бросать атомные бомбы, истреблять сотни тысяч людей, разрушать города, исторические памятники и святыни русского народа. Ждет, ибо российские народы тоже ждут. Но кого?

Они ждут освободителей от коммунизма и готовы поддержать тех, кто принесет им это освобождение. Но если в протянутую руку народов, порабощенных большевизмом вместо «хлеба» будет положен «камень» и его «освободители» начнут его систематически уничтожать при помощи атомных бомб, то страшное будет после этого. Двухсотмиллионный колосс ощетинится, как ощетинился он во время войны с Германией и, вместе с «желтой опасностью» кинется на врага и тогда будущую войну можно считать заранее проигранной, а «кремль» восторжествует во всем мире.

Короче говоря, будет непоправимой и трагической ошибкой, рассматривать будущую войну, только, или прежде всего, с военно-стратегической точки зрения, забывая, что это, прежде всего, сложнейшая политическая проблема, проблема неотложная, которую надо практически решать не завтра и не послезавтра, а уже сегодня. К счастью, ее уже начинают решать, именно, в этом плане. И думается, что в этом имеется немалая заслуга, немалая доля деятельности российской антикоммунистической эмиграции.

Будущая война, война политическая. И правильное решение этого вопроса может привести к тому, что она кончится поражением коммунизма, даже без особых усилий.

Никто не может спорить о том, что, конечно, тем или иным путем, атомными или простыми бомбами, во время войны, должны быть разрушены военно-стратегические центры противника, прерваны коммуникации, поражены, те или иные, военные объекты.

Но от разрушения и бомбардировок военно-стратегических объектов противника, до сознательного уничтожения населения — в достаточной степени, большая дистанция. Несомненно, что при этих необходимых военных операциях, связанных с бомбежками, будет страдать население, но это — неизбежность всякой современной войны, которую, к сожалению, нельзя устранить, но которую надо стремиться свести к минимуму. Так обстоит дело с бомбами.

Но эти бомбы будут правильно использованы только в том случае, если их пустят в дело, твердо помня, что народы, населяющие Советский Союз и, в частности, русский народ, и большевизм совсем не одно и тоже.

Народы СССР — это заключенные в концентрационных лагерях, сидящие за проволокой, охраняемые советской властью и ждущие от свободного мира помощи в своей борьбе за избавление от рабства.

И только люди ничего не понимающие в политике или скрытые сторонники большевиков, могут предлагать кидать в этих заключенных атомные бомбы.

Путь победы над коммунизмом в будущей войне может быть только один. Эта война должна быть не завоевательной, с чьей бы то ни было стороны, а освободительной; она должна быть направлена против коммунизма, а не против народов, населяющих СССР. Если будущие воины

антикоммунистической армии, начиная с ее командующего и кончая простым солдатом, сумеют отделить народ от большевизма и понять, что это совсем не одно и тоже, то победа придет к ним, ибо на их стороне окажется население Советского Союза и его сателлитов.

Думается, что тот сдвиг, который наметился в понимании затронутых нами вопросов в странах свободного мира, дает основание надеяться, что, в случае войны, указанные ошибки сделаны не будут.

Какие же практические выводы следует сделать из всего сказанного раньше? Прежде всего, при учете всех военно-технических возможностей будущей войны, должна быть полностью понята необходимость применения еще одного военно-политического фактора, без которого не могут быть достигнуты желательные результаты

Будущая война с Советским Союзом может вестись лишь при том условии, если на стороне противников большевизма будет принимать участие в борьбе российская освободительная армия, состоящая из представителей народов, населяющих СССР; должны быть организованы и воинские соединения из представителей народов, являющихся в настоящее время, сателлитами Советского Союза.

Соприкосновение Российской Освободительной Армии с частями советских войск, приведет к усилению у последних — антисоветских настроений, к брожению, к массовому переходу советских солдат на другую сторону, к известной дезорганизации и «желтых» войск, ибо это неизбежно отразится и на них.

Ядро российской освободительной армии начнет обрастать за счет увеличивающегося количества перебежчиков из советских войск. Затем последует переходы целых воинских частей, вплоть до дивизий и корпусов, саботаж приказов советского командования, волнения в стране, превращение мировой войны в войну гражданскую и, быть может, даже и в Национальную Революцию внутри страны.

Действенность этого метода ведения войны может оказаться более сильной, чем атомная бомба, ибо организация российской освободительной армии — это политическая атомная бомба, которой больше всего боится Кремль и против которой у него нет достаточно действительных методов защиты. Внося в страну определенные политические лозунги, провозглашая близкие народу политические установки, отражающее чаяния порабощенных народов, пользуясь поддержкой этих народов, вырастая количественно за счет советских войск, она, в значительной степени, может освободить иностранные армии от необходимости вести самим внутри России военные действия и лишь будет пользоваться их военно-технической помощью.

Наличие освободительной армии означает переход большей части советской армии на другую сторону и локализация остальной ее части, не перешедшей, по тем или иным причинам.

По существу мы заканчиваем этим данную главу в ее изложении для российского читателя. Но мы сочли целесообразным оставить в русском издании еще несколько страниц, предназначенных для иностранцев хотя то, что в них говорится прекрасно известно каждому россиянину.

Но мы оставили их исключительно для того, чтобы русские люди могли ознакомиться с тем, что писалось о них в книге, которую читали тысячи людей, населяющих Южную Америку.

Мы опускаем хорошо знакомые русским читателям факты из истории Освободительной армии

генерала А. А. Власова, потрясающие свидетельства очевидцев о выдаче россиян — антибольшевиков в руки советов, которые мы ввели в аргентинское издание этой книги, но которые знакомы всем нам. Мы оставляем лишь страницы, как бы логически заканчивающие то, что мы говорили выше во всей этой главе.

Откуда же, из каких людских резервов может быть создана армия свободы? Во время последней войны, миллионы людей готовы были взять оружие и сотни тысяч получили его, будучи в Германии. Они находились на ее территории, почти не принимая участия в войне и ожидали ее конца, полагая, что англо-американцы не станут вмешиваться во внутренние дела российских народов и предоставят им возможность самим, один на один, столкнуться с красной армией.

Но они жестоко ошиблись.

Исходя из соглашений в Тегеране, Ялте, Потсдаме, одни из них были подвергнуты принудительной репатриации, другие же, как «военные преступники» были интернированы и посажены за проволоку. Лучшая, антибольшевистская часть россиян, получила в протянутую руку демократический «камень» западных держав.

А дальше начались трагедии Дахау, Платтлинга, Риммини, когда борцы за свободу российских народов выдавались советским оккупационным властям как «военные преступники».

Так было совсем недавно… К счастью, начав опознавать своего «союзника», западные державы победительницы прекратили эти выдачи и взяли под свою защиту остатки тех, которые, так или иначе избегли этой участи. Их осталось сравнительно немного, но достаточно, для того, чтобы еще раз выступить с оружием в руках за освобождение мира от коммунизма. Лишенные родины, а часто и всех близких людей, нищие, гонимые, они разошлись по всему свету и мир, занятый своими повседневными делами, еще не понимает, что эти «странные» и жалкие эмигранты являются как раз теми, кто будет более чем нужен в грядущую мировую войну.

И невольно вспоминаются слова Писания.

«Камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла: это — от Господа, и есть дивно в очах наших». (Евангелие от Матфея, XXI, 42).

Но есть еще один путь, путь тяжелый и трудный, но избавляющий мир от опасности новой войны. Это путь Национальной революции в СССР, в ее чистом виде, или в сочетании с войной. Внутри Советского Союза идет глухое брожение, растет ненависть к власти, свыше тридцати лет, жестоко эксплуатирующей народ. Идет скрытая и незаметная, на первый взгляд борьба, зреют предпосылки национальной революции для свержения коммунистического ига.

Если бы случилось это, исчез бы СССР, а новая Россия вошла в семью народов всего мира и навсегда исчезла бы опасность кровавого ужаса, надвинувшегося на мир.

Реально ли это? По-видимому, да. Но если это так, то не следовало бы задуматься над этим вопросом, не стоило бы помочь освободительному движению народов России, не стоило ли «рискнуть» и пожертвовать чем то, для того, чтобы избегнуть, или, во всяком случае, облегчить ход будущей войны.

Вопрос над которым следовало бы задуматься. «Имеющие уши слышать, да слышут!» Кровавый ужас приближается с востока.

КОНЕЦ.

«Эта искренняя и правдивая книга написана хорошим языком, с обилием живых диалогов, содержащих множество жизненных черточек и оттенков.

В обширную противобольшевистскую литературу на иностранных языках, книга Д. В. Константинова вносит серьезный и ценный вклад».

(Сборник «Южный Крест»).

«Автор, переживший войну не в тылу, а на фронте, в интересной форме рассказывает нам о всем пережитом им на войне, беспощадно раскрывая, при этом, слабости красной армии. Наиболее интересными являются взгляды автора на третью мировую войну».

("Freie Presse", Nr. 1719).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ESTE LIBRO
SE TERMINÓ DE IMPRIMIR EL DÍA
VEINTE Y NUEVE DE ENERO, DEL
AÑO MIL NOVECIENTOS CINCUEN-
TA Y DOS, EN LA IMPRENTA
"LA VOZ", C. DEFENSA 828,
BUENOS AIRES., ARGENTINA.

Editado por el periódico "Nueva Palabra".